

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вот, наконец, и состоялась долгожданная встреча авторов нашего литературного сборника со своим читателем и друг с другом.

Всем, кому ценна литература, с нетерпением ждут его выхода, ждут воплощения своей мечты, материализации своих произведений, их эманации в жизнь и в литературное пространство.

Нас вновь радуют поэтические строки наших авторов, их неиссякаемое творчество, преодолевающее духовные кризисы, блеск метафор и аллегорий, пронзительные нотки душевных переживаний, растущее словесное мастерство, которое сродни мастерству художника. Некоторые авторские темы находят свое продолжение в новых произведениях, как бы образуя не замкнутый их цикл.

Прозаический раздел поражает разнообразием тем и сюжетов, мы также здесь открываем новые имена, в нашей Гостевой книге находят доброжелательный прием новые авторы, их премьерные произведения часто являются заявкой на яркую литературную судьбу, восхищает способность выразить в миниатюрах глубоко насыщенные сюжеты и идеи.

Наконец, у нас появился долгожданный раздел критики («Следы минувшего»), в нем размещены рецензии на двух авторов предыдущего сборника, мы надеемся, что эта благотворная традиция будет продолжена, т.к. серьезная литература немислима без критики, без осмысления прочитанного, без рассуждений о героях произведений, кроме того, критический доброжелательный разбор является стимулом для любого автора, порождает отклик в душах читателей. Мы надеемся открыть еще и раздел читательских откликов, чтобы установить обратную связь с нашим читателем, определить его культурный облик, т.к. наш сборник является разноплановой интеллектуальной литературной платформой нашего города, привлекает внимание все новых и новых авторов, что не может не породить надежду на его успешную литературную судьбу.

Нельзя не порадоваться за оформление журнала, с каждым разом мы открываем новые и новые грани таланта нашего художника Тарадовой Марии, ее усилиями журнал приобретает живой портретный облик, ее выразительные миниатюры оттеняют смысл и содержание творчества наших авторов.

Итак, хочу пожелать нашим авторам и нашим читателям новых литературных открытий и путешествий по литературным оазисам.

Вадим Карлов, доцент кафедры
«Уголовное право и процесс» Волжского университета
имени В.Н. Татищева, кандидат юридических наук

Карлов Вадим

Доцент кафедры «Уголовное право и процесс» Волжского университета имени В.Н. Татищева, кандидат юридических наук

Карлов Вадим Петрович родился 07.09.1964 г. уже в г. Тольятти, ранее именовавшемся Ставрополем-на-Волге, который только за месяц до этого обрёл новое имя, и как представляется уже взгляду издали, не только в связи с изменением географии местонахождения, но и в связи с изменением вектора своего развития, может быть поэтому, сохраняя духовную связь со своей родиной, поэзия автора, воспитанного на культуре ушедших эпох, отличается эпохальными мотивами изменений и преобразований во всех сферах деятельности и одновременно интуитивно и образно выраженной связью с ментальностью высоких образцов культуры, с проникновением в эстетическую суть действительности, что позволяет придавать лексике новый, неповторимый свет и создавать собственный язык, не повторяющий никого из ранее существовавших и ныне живущих поэтов, подтверждением чему являются два мощных по своей духовной энергетике сборника "Форма соучастия" и "Иносказание". Автор не только передает образы языковыми средствами, но и вызывает работу тонких духовных структур читателя, который из прочитанного формирует свой собственный мир и свои собственные образы, свои собственные смыслы. В этом, безусловно, сыграли свою роль и профессиональная деятельность автора в качестве судьи, и его преподава-

тельская деятельность, и его научно-познавательная деятельность, которая отмечена степенью кандидата юридических наук. Таковы истоки и такова поэзия Вадима Карлова, наследника высоких духовных традиций и, одновременно, автора нового и неповторимого поэтического слова и слога.

ЗВУКИ НЕВЕСОМОСТИ

Невесомость в мире аллегорий,
образов изысканная вязь,
среди снов пространства и истории
мнится не оборванная связь.

Кажутся настойчивыми звуки,
слышны сквозь минувший туман,
пасынки гаданий ли, науки
или заблуждений Монферран?

Или пробежавшая комета
в вечности оставила следы,
обрамляя антику портретов
в мыслей затвердевшие цветы?

Невесомость в мире, невесомость...

О ТОМ, ЧЕГО НЕТ

Пантомимы беззвучный рассказ,
сведены от предчувствия руки,
что откроет их новый экстаз
и кого им принять на поруки?

И зачем их беззвучный полет
будит спящее чудище чувства,
в нем скрывается демон Эрот,
убежавший от долгого Пруста.

Если будет разбужена страсть,
неминуемо явятся беды

и захватят бездомную власть,
упиваясь оргазмом победы.

А за ними заявится смерть,
потирая усохшие руки,
и ее безотказная лесть
станет символом долгой разлуки.

И ни разу не вырвался звук,
и не слышная кончена сцена,
только помнятся молнии рук
в пантомиме забытой Эдема...

ГЛУПЕЦ

Длинный путь повторяется, вновь
начинается мерный отсчёт,
но удар не случается в бровь,
цель уже настигается влёт,
выбивая удачливый лот.

Интересная всё-таки дичь
человек, как вершина творца,
и его неразборчивый бич
окропляет до пота лица
упоенного чином глупца.

Он решил, будто он — Гильгамеш
и ему свысока суждено
одолеть неприступную флешь,
не поняв, как безмерно оно,
то прикрытое крепостью дно.

И оно повторяется, путь
провожает в дорогу арбу,
нагоняя бессрочную жуть
на уснувшую в тряске судьбу,
вспоминая про рок и борьбу...

НОВЫЙ МАЛЬБРУК

Главный повод пуститься в поход -
культивация нового чувства,
важен четкий расход и учёт,
и сокровища блудного Брунса
обретут свой законный приход.

Надо правильно выбрать духи,
подыскать облаченье в дорогу,
и с создателя легкой руки
устремиться к живому потоку
уносящей к свободе реки.

Ну а там и отыщется град,
Он, наверное, третий по счёту
среди тех философских петард,
задающих веками работу
для стяжателей новых наград.

В общем, помните, новый Мальбрук,
вдохновляемый брэнною славой,
презирает пророчество мук
и питается только отравой
выдаваемых небом порук.

АКЦИИ

Реальность сменяет дискурс мысли,
ментальный экшн и кастинг дня
в спектральный флер витальных рисков
финальной явью влекут меня.

Анонс не образ, он провокатор
для рефлексии фертильных нот,
мой лингваритор лишь комментатор
и кратких действий скупой эскорт.

А дискурс мысли творит реальность,
частотный выброс дневных дигест
сменяет чартер на снов опасность,
во мне кошмаром растет протест...

СУММА ВЕЛИЧИН

Великое ничто величины,
бесстрастие двухчленных уравнений,
к ничто все аргументы сведены,
ничто и в постоянстве намерений.

Величие Ферма уже ничто,
но сумма многосложных доказательств
сама не очень длительный конто
в системе их ничтожных обстоятельств.

Во всем лишь инкунабула, фрагмент
ничто и бесконечного начала,
где мы небеспредельный элемент
в системе нулевого интеграла...

К ПРЕПОДОБИЮ

Исправить карму не получится,
у смысла жизни смысла нет,
она когда-то улетучится
и унесет с собою свет.

И мантры жалкое подобие -
моих стихов напрасный звук,
его высокопреподобие
не ощущает здешних мук.

И вся награда за мучения
не стоит выпренных похвал,
один итог неразумения -
пропавший втуне идеал.

Лишь эстетическое зарево
сожженных заживо обид
вновь возбуждает жизни марево
и к жизни заново манит.

ET CETERA

А впрочем, впрочем, впрочем...
Веселие, игра -
приметы праздной ночи -
пора, пора, пора...

И вот погас светильник,
потуск свечной нагар,
вчера был именинник,
сегодня пан-пропал.

Мотив былой удалый
звучит еще в груди,
пока ты бравый малый -
иди, иди, иди...

Найди среди литаний
приют своих молитв,
убит ты или ранен -
ты лишь условно жив...

А впрочем, впрочем, впрочем...
Всерьез или игра,
ты навсегда у ночи
в плену - et cetera...

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Темнота за окном, наступает
понедельника энный канун,
разбудить ли уснувшую память
в календарной сумятице рун?

Неизвестно, в какой день недели
повесть станется временных лет,
не стоял я у первой купели
и не ведаю тайных примет.

Вновь придет сам собой понедельник
и за ним устремлюсь я пером,
вспоминая последний сочельник
за своим потемневшим окном...

ВЕЩЬ

В вещах я знаю живых существ,
быть может, для них живой и я,
быть может, во мне есть сто естеств
и в них сокрыта душа моя?

А всем живым естествен страх,
и страх живет в вещах моих,
найдется каждой по сотне плах,
а каждой плахе один лишь стих.

Среди живущих во мне естеств
себе я вещью кажусь подчас,
в вещах я знаю живых существ,
а им известен мой вещный глас?

ОСЕННИЕ СЧЕТЫ

Жизнь проиграна, звонкий дуплет
раскатился над памятью крыш,
чередою осенних примет
разлетается птичий курмыш.

Продвигается времени воз
по уснувшим промозглым полям,
выпадая из долгих борозд,
пропадая в безвестности ям.

Где-то там, не в моем далеке
ожидает старик сенешаль,
у него седина на виске,
на плечах приозябшая шаль.

Целый день он стоит у ворот,
ловит воза бряцанье и скрип,
деловит и обыденно прост,
как Ван Винкль по имени Рип.

Ловит дробь с рассердившихся крыш,
вспоминая гремевший дулет,
жизнь проиграна, в комнатах бирж
угасает мигающий свет...

ЕСТЬ ЛАНЦИЯ, СТРАНА...

Страна есть Ланция, я иноком бродил
в ее эндимионовых просторах,
о ней воспоминания хранил
и возносил хвалу на вышних хорах
всему что видел, знал, искал, любил.

Спи, Ланция, мне дорог твой покой,
не возмутить извечной юной лени,
был Одиссей действительно герой,
он одолел высокие ступени
и пленником не стал судьбы слепой.

Есть в Ланции тот угол, ждёт меня
иночество, тревожа свет вечерний,
как отблеск не добытого руна
окрашивает в нем укором стены
под всполохи угасшего огня...

УШЛА ЦЫГАНКА СЭРА

Осенний слог предшествует письму,
стихает вчуже Лунная соната,

покинув ожидания страну,
и где-то умолкает пиццикато,
лишь тремоло сердечной суеты
волнует средостение, в эфире
скрипичные безмолвствуют ключи,
и нету утешенья в этом мире,
ушла цыганка Сэра навсегда,
покинув чужедальние пенаты,
и с нею опустели города,
а некогда всеильные сенаты
объяла расставания фата,
а сердце ловит звук ее шагов,
стихающих мелодией финала,
но лунный исповедный часослов
размеренно твердит слезой вокала -
ушла цыганка Сэра, навсегда...

НЕСБЫВШЕМУСЯ

Здесь ожиданием томится каждый,
будет пища зачатоу в неведении уму,
кто был рождён и жил, и умер нищим,
и истину изведал лишь одну
из многих им не встреченных, к несчастью,
в сплетеньи перепутанных дорог,
и отдал дань тревоге и ненастью,
укрывшись в начертание эклог,
написанных в клубах закатной пыли,
поднявшейся на длительном пути,
где милю за собой сменяла миля
того же ожидания, а листы
меняли гамму цвета и иллюзий
и стаи ненаписанных эклог
светились будто брызгами поллюций,
усеявших сплетения дорог...

ШЕЛЕСТ

Под окном у меня шелестят облака,
в их послушные пряди вплетается ветер,
от меня здесь земля далека, далека,
где-то там заблудился в страданиях Вертер,
но меж нами, увы, облака, облака...

Над окном у меня непроглядный туман,
сквозь него не пробьется настойчивый месяц,
где-то в дебрях его Зурбаган, Зурбаган,
но вокруг ни лесов, ни веревочных лестниц,
лишь один непроглядный и волглый туман...

Я уже не гляжу в безответную даль,
не томят мой покой Гумилева истома,
мною невидимый спит Трансвааль, Трансвааль,
безразличны ему несказанные стоны,
шелестит лишь в окне моей жизни вуаль...

КОГДА Я УСТАЮ...

Бывает, умолкает душевная страда,
и сердце не томят ликейские мотивы,
и ум не придает насущного труда,
пытаясь отыскать в безвременье проливы.

И сон мне не дает ни отдыха, ни час,
когда брожу один у чистого истока,
где утренний кувшин наполнил Ватерпас,
где почиет звезда бессменного Востока.

Тогда я ночь прошу открыть свой тайный лик,
открыть глоссарий свой, исполненный в юдоли,
где сочиняет стих тот юноша-старик
заложникам любви, безволия и воли.

Настроив камертон проснувшейся души,
ловлю тогда я миг свидания с рассветом
и черпаю любви в медвежий ковши,
и ночи запасуюсь открытым мне секретом...

СТАРАЯ СКАЗКА О ГЛАВНОМ

...никто не свободен от отчаяния; нет никого, в ком глубоко внутри не пребывало бы беспокойство, тревога, дисгармония, страх перед чем-то неизведанным или перед чем-то, о чем он даже не осмеливается узнать, - страх перед чем-то внутренним или же страх перед самим собой...

Сёрен Кьеркегор (датский философ)

Воспоминания детства всегда самые яркие и волнующие для нас, тем более если эти воспоминания заполняют высокохудожественные произведения, смысл которых открывается потом зрителю всю его жизнь, и время от времени в памяти всплывают ситуации и персонажи запомнившихся квазисказочных произведений, вошедших в плоть и кровь отечественной и мировой культуры.

Таким произведением является один из шедевров отечественной мультипликации «Ёжик в тумане», который стал нарицательным для обозначения состояния потерянности в действительности и одновременно некоего надмирного успокоения, открытия новой вселенной, торжества некоего всеединства. Кстати, этот фильм получил 35 различных всесоюзных (фильм снят в 1975 году. В 2003 году «Ёжик в тумане» был признан лучшим

мультфильмом всех времён по результатам опроса 140 кинокритиков и мультипликаторов разных стран) и международных премий.

Сюжет его необычен, как необычны сами герои и события, происходящие в некоем квазисказочном пространстве.

Это не привычная нам жанрово-воспитательная, моралистическая сказка, а выдержанная в духе символизма философская миниатюра всего двадцатого века, здесь речь идет об обманчивости окружающего мира и попытке определить себя в нем, о скрытой сути привычных вещей в необычных обстоятельствах, о невидимых и неожиданных опасностях, подстерегающих внезапно и следующих за тобой, и о добрых силах, помогающих спастись, о некой смене масок добра и зла, в которых трудно разобраться, ведь там, где ёжик видит опасность - ему помогает собака со страшными клыками выйти из тумана и найти варенье. А ведь она кажется ему невыразимо сильной и гигантской, ужасающей своей внезапной громадностью.

В один из моментов своих блужданий Ёжик падает в реку и решает отдаться на милость судьбы, готовый погибнуть, но тут невидимая сила (сила жизни?) выносит его на берег.

Одним из главных и мистических персонажей является лошадь, прекрасный образ неведомого и манящего инобытия.

В лошади в тумане он открывает красоту простых вещей, которых привычно в повседневности не замечает, а дружба, которая вдруг из индивидуального события его жизни превращается в идею солидарности, помогает ему новым взглядом посмотреть на звездное небо, которое объединяет его с другом перед большим и неизвестным миром, и с миром в том числе.

Художественное оформление увлекает своей таинственностью, за которой открывается мысль: в мире существует некое равновесие добра и зла, - река, неопределенность пейзажа, сочетание натурализма и расплывчатых форм, условно устрашающе гротескных фигур птиц и животных символизирует зыбкость бытия и некое детское восприятие мира, вдруг сталкивающееся со взрослой реальностью, - все это придает циклу событий некий даже надмирный характер, некая вечность в миниатюре.

К таким произведениям надо относиться как к неким текстам в образах, эквивалентах текста, внимательно всматриваться и вслушиваться в этот текст, это не привычный нам реализм в фор-

ме копирования действительности, здесь нужна интуитивно-интеллектуальная работа для раскрытия смыслов.

Назовем этот жанр сказочно-философской притчей (квазисказкой).

Пережитый страх, смятение, потрясение (как говорил Ницше - «...если долго смотреть в бездну, бездна начинает смотреть на тебя») и спасение помогают ёжику постичь ценность дружбы, солидарности и красоты, он заново смотрит на небо, он уже не делит его на две части, а при этом его друг пока находится в прежней реальности, тогда как их уже не одна, а две, и при этом третья - общая, новая.

Ёжик альтруистичен, он романтик, он спускается в туман, чтобы проверить - не захлебнулась ли лошадь туманом, не думая при этом, что захлебнуться может и он - здесь аллегория, указывающая на фантомные, призрачные альтруистичные цели, которые ставят перед собой живущие (а бездна так заманчива!).

Ёжик и медвежонок — два типа личности, два края бытия и вечности, ёжик романтик, ему нужен вечный поиск, а медвежонок реалист.

Как результат, ёжик оказывается один на один с многими опасностями, он испытывает в том числе одиночество, одиночество приводит его к мысли о бесполезности сопротивления событиям и только новое обретение друга возвращает его к жизни и раскрывает ему ее смысл.

Но мысли о лошади не оставляют его, т.е. он живет и в мире фантазий, иллюзий и в реальном мире и между этими мирами существует конфликт.

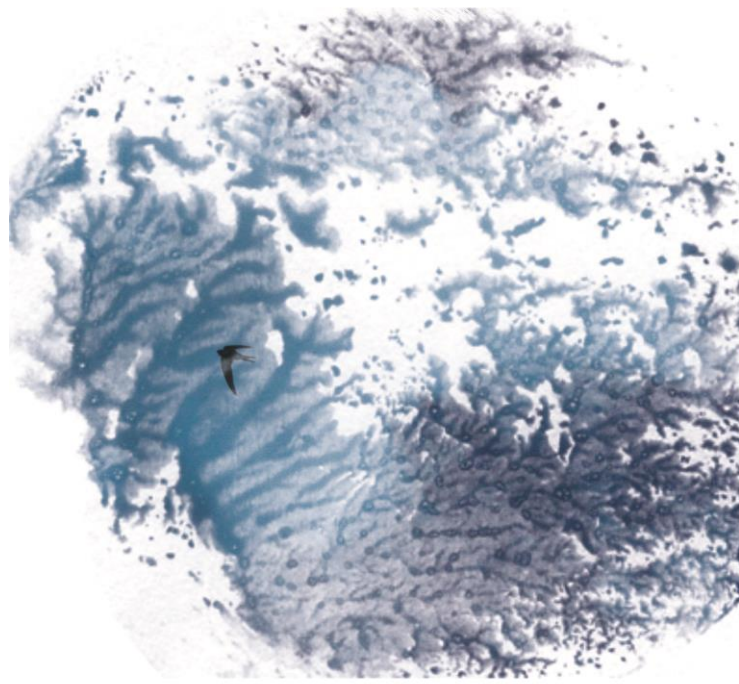
И белый цвет лошади — это тоже текст, белый цвет выступает как символ жизни, символ красоты, символ спасения.

Это квазисказка, отражающая основные позиции философии экзистенциализма, когда индивид ставится в условия, угрожающие ему гибелью, и ему заново открывается его жизнь, он начинает видеть все в другом свете.

А какой он, этот другой свет?

«Априори жизнь не имеет никакого смысла... Придать ей смысл – ваша задача, и ценность жизни есть не что иное, как смысл, который вы для нее избрали».

**Жан-Поль Сартр (французский философ).
Пролей свой свет на смысл жизни...**

Ващенко Юрий

Профессор кафедры «Гражданское право и процесс»
Волжского университета имени В.Н. Татищева,
кандидат юридических наук

Родился в небольшом старинном сибирском городе Мариинске Кемеровской области 3 февраля 1952 года в семье служащих. Детство прошло в г. Анжеро-Судженске, а среднюю школу закончил в г. Берёзовском названной области. Уже будучи школьником, пробовал себя в прозе (писал небольшие заметки в местную газету), а также писал и стихи. Любовь к литературе привела на филологический факультет Кемеровского пединститута, который он окончил в 1974 году. Затем служба в армии и переезд семьи из Сибири в г. Тольятти, в котором и живёт до сих пор. В 1996 г. закончил юридический факультет одного из московских вузов, а в 2002 г. защитил диссертацию. Публиковался в местной печати, в Москве в издательстве «Молодая гвардия» в 1994 г. вышла его первая книжка прозы «Жизнь по Фрейду», а в 2007 г. издательство ВУиТ выпустило его вторую книгу «Кислотный дождь». Сейчас он готовит к изданию свою третью книгу. Наряду с прозой и написанием пародий публикует свои научные труды как в юридических журналах, так и коллективных сборниках. Их

у него опубликовано 75. Так что успехи на ниве юриспруденции у него гораздо заметнее, чем в литературе. Вот так и живёт: душой и сердцем в литературе, а головой весь в юриспруденции - устал от права, бежит в литературу и наоборот. Словно неверный муж от жены к любовнице бегают.

ИЗ ЦИКЛА «ДВЕНАДЦАТЬ. ТАШЁЛКИНСКИЕ СТРАДАНИЯ, С ВЫХОДАМИ»

ХОЧУ БЫТЬ ФИННОМ

- Всё, задолбался быть мордвой, буду финном! – категорически объявил своей семье Пётр Андреевич Семёнов. Чем в очередной раз поверг своё домашнее окружение в сильное волнение, которое обычно наводит петух, зашедший по случаю в курятник.

- Ты что, сбрендил, мы же мокшане, и почему именно финн, - пыталась урезонить его жена Тамара и вернуть мужа на грешную землю, - где родился, там и сгодился. И уже от себя добавила:

- Негром живёшь, хохлом не помрёшь, в своей рубашке, как в теле, кто родину сменил, тот никому не мил...

- Кто-кто... - перебил с раздражением он свою дородную супругу, которая при случае не чуралась фольклора, - дед Пихто! Последнее слово он протянул, словно пробуя его на вкус, надо же, и здесь что-то финское есть. Пережив ночью реинкарнацию, Петя уже под утро неожиданно ощутил себя в новом чужестранном теле, и даже какой-то голос свыше шепнул ему под утро его новое имя – Ты Тимо Халонен. Вот им, этим Тимкой и буду, только фамилию надо ещё записать, трудная зараза, сразу и не запомнишь. А то куда ни пойдёшь: «Здорово мордва, ты куда мордва, ну, ты тупой мордва»... В деревне, блин, каждый третий, считай, мордва, а вот национальная идентичность только на нём отразилась, словно её на морду ему кто-то надел. Без бейджика за версту всё видно. Он подошёл к зеркалу, которое из дымчатого полумрака тёмной комнаты явило его заострившийся медальёнистый профиль. Ну ладно, скулы широкие, это у многих, волос тёмный, и что, вот только глаза... он внимательно, не моргая, глядел на себя, никакие, скорее хитрые. Так и не определил он, какого они у него цвета. Одним словом, мордва. Стоп, я финн, видение было, было. Пётр надел модную кожаную куртку байке-

ра на заклёпках и решительно направился в местную администрацию к паспортистке, заявление написать, чтобы фамилию поменять. «Может, когда на историческую родину поеду, билет со скидкой продадут», - тепло улыбнулся он своим мыслям. Мордвы здесь до хрена и больше, а вот финнов? И когда увидел своё отражение в луже, приветливо махнул ему рукой: «Привет, финн».

В сельсовете, который в духе времени теперь назывался администрацией сельского поселения «Ташёлка», его словно уже ждали.

- Здорово, мордва! – жизнерадостно поздоровкался с ним заместитель главы администрации, который попался ему в коридоре. - Ходите, блин, без нужды, государевых людей от дела отрываете, - и заржал от своего залихватского и тупого юмора.

Говоривший был Савелий, тоже мордвин, лицо с казан, нос пуговкой, сам на коротких толстых ногах коротышах, он и передвигался как-то своеобразно, словно на тренажёре педали крутил. Национальная идентичность обошла его стороной, ну вылитый татарин. Сколько мы под ними ходили?..

«И этот туда же, - неизвестно с чего обозлился Пётр Семёнов. - Сейчас я тебя, мордовский коротыш, окорочу».

- Ну, ты, жопа с ручкой, чья бы корова мычала, а твоя уж лучше помолчала.

Собачиться с начальством было сейчас явно не с руки, поэтому он выразился, как ему показалось, нейтрально, с той деликатной душевностью, на которую, как он считал, ещё был способен. Но Савку это почему-то задело, и пока он кричал, что его оскорбляет при исполнении служебных обязанностей всякая голь перекатная, Петька, глядя ему в глаза, сказал по-мордовски:

- Тебе, что ли, жена с утра не дала, - и тот, вытаращив глаза, не нашёлся, как ему на это хамство ответить.

Семёнов нашёл Тоньку паспортистку, худую, как жердь у забора, крашеную блондинку, с лицом поющей леди Гага, зажал её в уголке, зная о том, что давно ей нравится, и подсунул написанное им с утра заявление. Тонька, отмакияженная с головы до пят во все цвета радуги, прочитала, прыснула и выразительно покрутила пальцем у его виска:

- Ты чего, Петюнчик, ку-ку?..

- Ладно, я вам тут заявление оставляю, а вы мне на мою фин-

скую фамилию новый паспорт выправите, - с тем и вышел.

По жизни у него складывалось всё не так уж и плохо: работал он в благодетеле российского обывателя - крупной торговой сети «Ашан» на электрокаре, перевозил контейнеры с гружёными продуктами. До недавнего времени, пока вражьи санкции не ввели, продукты почти все везли из-за границы, их было много, разнообразие всего что елось и пилось, поражало. Он заезжал на японском электрокаре в нутро автомобиля, цеплял плетёные сетки продуктового груза и развозил их по складам и в торговые залы. Ещё подростком (считай один из деревни), окончил сельскохозяйственный техникум на своей исторической родине, и распределили его на работу механиком в совхоз «Менжинский». Женился, появились дети, так бы и работал, пока начавшаяся перестройка не развалила коллективно-совместные хозяйства, и многие пошли фермерствовать. Пробовал и он, не пошло. Когда устраивался в «Ашан» на работу, спросили, что ещё умеешь делать, ответил, как учил ещё покойный отец: «Чинить, паять, лудить – и будет всем счастье». И доказал, когда его попросили что-то отремонтировать. Чинил и лудил всё, начиная с крутых иномарок ведущих менеджеров сети, заканчивая кухонным и холодильным оборудованием. Стоило ему посидеть над схемой любого механизма или агрегата часок-другой, как словно намагниченные, руки сами начинали крутить то, что надо, и всё быстро приходило в исправное состояние. Начальство на пришлого Кулибина не нарадовалось: всегда трезвый, не прогуливает, всё делает, поэтому и платило на зависть всем остальным - очень даже хорошо. Через полтора-два года он себе иномарку купил, дом кирпичом обложил, и даже пристрой к своей фатере умудрился соорудить. Да и жену с дочкой не забыл, на работу в «Ашан» к себе устроил.

Всё у него шло, как по маслу, но душа (знать бы, где только она находится?) маялась - бедолага, чего-то ждала, словно ей в этой жизни какой-то самой малости не хватило. Может, поэтому она всё куда-то норовила вспорхнуть и улететь... Словом, не жилось ему, как всем, словно ты чего-то забыл в своей жизни, когда из дома выходил, а вспомнить что, никак не можешь. Да и то, что Бог уже дал, надо было как-то сохранить, приумножить, но нет, по дороге времени тоже умудрялся что-то оборонить. А душа — это эфемерное создание, где-то всё-таки обретает, и ты знаешь,

что она с тобой, полетит в горние выси и дуновением крыла, как огнём, о себе напомним. Вот поэтому ты идёшь и оглядываешься, где она? Но кроме тени своей, которую укорачивает солнце, ничего не видишь. Даже сон в последнее время ушёл, словно его, как младшего брата, за смертью послали. Ну, о смерти Пётр в силу своего возраста и здоровья пока ещё не думал.

Супруга его Тамара была женщиной умной от природы, степенной, с понятием: видела, как мужа её по жизни ломает, но не знала от чего, поэтому и жалела, прижимала по ночам к своему большому и жаркому телу супруга, чтобы забылся, заснул и шептала на ухо какие-то запоздалые слова о своей ещё не прошедшей к нему любви. А вот на днях тайна его и открылась: надоело, видишь ли, ему, заскучал так, что финном захотел стать. Это что такое, за сорок лет перевалило, а ведёт себя... И Тамара стала вынашивать тайные планы по перевоспитанию и спасению своего горячо любимого супруга, хотя понимала, насколько это безнадежное дело: уж если что и задумал, то хоть святых выноси, а стоять будет на своём.

После визита в администрацию Пётр уже собирался на работу, сидя в машине, разогревал мотор, как возле их дома остановилась «Нива» и из неё, буквально, вывалился, красный от постоянных возлияний, распаренный теплом мотора, местный участковый. Нерасторопный мент по хозяйской привычке думал, что ступил на твёрдую почву, но случился конфуз, и он со всего маха влез в коровью лепёшку и запрыгал на одной ноге, стряхивая с себя остатки коровьего добра. Наблюдая за этим танцем гопака, где ноги следует выбрасывать по очереди, всё его плясовое действие сопровождалось очищением сапога о травушку-муравушку. Глядя, как мастерски выделывает ногами полицейский, Семёнов не удержался и коротко хохотнул. Участковый словно этого ждал и раскрыл свой матюгальник, грозя штрафом, который налагался за не уборку мест общего пользования - линейного объекта - газовой ветки, проходившей вдоль заборов селян. Уборка и стрижка газонов возле оград жителей села, это была освящённая традициями десятилетий трудовая повинность, которую администрация Ташёлки со спокойной совестью возложила на проживающих в деревне. Местный ЖЭК только обходы совершал, наказывая нерадивых.

- Да иди ты на хрен!.. - отмахнулся от него, как от насосав-

шейся пенного нектара мухи, Пётр. – Какого ты х... сюда приехал?

- А, мордва, - раздувал тот меха своего ещё не остывшего гнева.

- Сам ты мордва, достали, блин.

Полицейского словно подменили, оглядываясь по сторонам, он тихо спросил:

- Кто сказал, что я мордвин?..

- Сашка...

- Какой ещё такой Сашка, ты чего меня, падло, на загадки разводишь, а?

- Пушкин, - решил поглумиться Семёнов.

- А-а-а!.. Бл... распустились, страх потеряли!.. Я вам кишки ваши на шею-то намотаю, - понесло Гришу-полицая по новой. - Заставлю сапоги мои говённые мыть!

Он высыпал на Семёнова целый ворох уголовных статей, в которых был и популярный нынче у власти экстремизм с терроризмом, и почему-то наркотики, а вот самым лёгким на фоне остальных преступлений, по тяжести содеянного, конечно, считалась его предстоящая измена родине.

- Всё это у тебя будет, зуб даю, - клялся Гриша своим полным золотых зубов ртом, - если ты свою писульку обратно не возьмёшь. - И он бросил под ноги Петру его заявление об изменении его финно-угорской фамилии.

Лучше бы ты этого, мент, не говорил и не бросал заявление, как собаке кость: сказать, что он обиделся на местного туповатого участкового, значит, самому чего-то не понимать. Семёнов поднял с земли своё измятое заявление, обдул его от земельного катышка и заматерился на мокшанском, на участкового Гришку всеми полузабытыми словами, которые ещё помнил с детства. Слушающий его полицейский не просто понимал, он сам был мокшанин по крови и рождению, вырос под этот родительский уличный мат, и невольно проговаривал своими лоснящимися губами этот полузабытый набор выливавшегося пятиэтажного букета, который изрыгали уста Семёнова. Гриша, казалось, даже ростом меньше стал. Велика сила нецензурной лексики, кого хочешь построит.

- Да я тебя, мордва, посажу!.. – После услышанного Гришуню с трудом приходил в себя. И по привычке хлопал себя по жопе,

где у него в кобуре должно быть табельное оружие, которое для надёжности по части сохранения его начальство держало у себя в сейфе в райотделе.

- Для начала на пятнадцать суток, понятно! - Так его никто давно не материл, исключая, конечно, социально близкое ему родное начальство.

- Ты же не мордва, сам всем заливаешь, что русский: на мокшанском и эрзянском не балакаешь и ничего из сказанного тебе ты не понял. За что ты меня сажать-то собрался?.. А, попка в погонах?

Он оставил участкового полицейского, с озлобленным трясущимся ртом, и поехал на работу. Идя уже по трассе, едва ли не впервые почувствовал, как что-то стало колом в районе грудины, да так, что перехватывало дыхание. Этого только мне не хватало. Он прижался к обочине и остановился, в машине у него на все случаи жизни была вода. Он взял пластиковую бутылку и сделал большой глоток, вроде бы, отпустило.

Ночная смена прошла в обычном режиме. Прибывающие фуры с прицепами, разгружались быстро, всё шло как обычно. Уже утром он попил кофе, и, прогнав сонную хмарь, поднялся по эскалатору на второй этаж, где квартировал книжный магазин, и сделал заказ на мультимедийный курс по изучению финского языка. «Взялся за гуж, не говори, что не дюж, - улыбнулся Пётр своим мыслям, - мы – финны - ещё те, упёртые, нас только озадачь».

Что-что, а упрямства и своеволия у Семёнова было хоть отбавляй. Супруга была права – мордва – это, как пятая графа в анкете, - судьба. А куда от неё денешься?

С получением мультимедийного языкового курса жизнь Петра изменилась в корне: он сидел в наушниках, обедал в наушниках, воспитывал детей, не снимая их, даже умудрялся ругаться с женой, не вытаскивая, такие красные и чувствительные микрофоны из ушей. Он ведь представить себе не мог, что язык может открыть ему совсем другой мир, мир слов, некоторые из них были легко узнаваемы, иногда похожие, как два стёртых до одинаковости пятака, и в чём-то разные. Это завораживало и притягивало.

- Нет, ты только, Тамара, послушай, - лез он к жене в постели с наушниками. Супруга, уже вторую неделю ждавшая от мужа

любви и ласки, недовольно морщилась, но хитрое лицо при этом делала заинтересованное.

- Ой, и правда, сходство есть, но надо же...

— Вот, хотя бы, их слово – «язык» взять: мокши говорят «кель», а финны «киели», «кровь» у нас звучит как, «верь», а у них «верри», «холод» по-нашему «кельме», а по-фински оно произносится «кюльмя». Правда, иногда попадаются слова, звучат, вроде бы, одинаково, а вот - значение у них разное. Вот наше «ялга» на русский переводится как «пешком», а с финского «ялка» — это «нога». У нас «окно» - «вальма», а у финнов слово «маильма» означает «свет». Ну, а то, что мы и финны ударение делаем на первом слоге, и гласные звуки, как бы стягиваем, так это от экономии и нашей медлительности, но и речевой аппарат ещё как-то влияет, - добавил он прочитанную им где-то лингвистическую максиму, изумлённой от такой учёности супруге. «Подменили мне мужика», - растерялась она вконец, не зная даже, на кого ей следует обратить свой гнев.

- У нас ударение в словах на разные слоги падает, - заспорила супруга. Кроме раздражения к мужу она уже больше ничего не испытывала.

- Да, - неожиданно и охотно согласился тот, - но это влияние русского языка.

«О боже, это мы сейчас о чём»?.. – неожиданно и некстати пришло ей в голову.

- Да всё о том же, - словно читал её мысли Пётр, и шутливо хлопнул супругу по мягкому и жаркому месту. - Сколько у нас с финнами общего, вот уж никогда не думал, что язык так заводит.

- А это тебя уже не заводит? – Тамара отбросила одеяло, и показала свой голый стан.

Несколько секунд он с недоумением смотрел на ядрёные прелести супруги, затем улыбнулся:

- Так за это и любим, - и Пётр потянулся за новой кассетой.

Изучение финского языка шло семимильными шагами: он складывал целые фразы, строил диалоги, слушал диски с записями на финском языке и своим энтузиазмом увлёк всю семью. Даже у Тамары, неизвестно откуда, проснулась тяга ко всему финскому. Образовывались они теперь всей семьёй, посмотрели несколько фильмов про Скандинавию. Сама Финляндия - страна гористых скал, с аккуратно прорубленными тоннелями, блюдца-

ми озёр и зеркальных дорог с игрушечными домиками, напоминавшими чем-то вытянутые скворечники, особого восторга не вызывала, но нравилась своей ухоженностью. Из-за присущей ей наивности супруга по-прежнему думала, что изучение языка при её дотошности и постоянным спорам в части произношения и перевода слов, будет вызывать у мужа раздражение (а Семёнов терпеть не мог, когда жена ему в чём-то перечила), то их совместное учение скоро закончится, как и его блажь - стать финном. Но не тут-то было, к своему удивлению она быстро поняла, что супругу это всё очень даже нравится.

- Слышишь, Тома, у финских инородцев человек звучит как «морт», не отсюда ли идёт название нашему мордовскому народу, а?.. – Вёл свои лингвистические раскопки Семёнов.

- А глагол «мордовать», не отсюда ли свои корни ведёт? - Быстро сообразила жена, выдав ему это, с присущей ей ехидной интонацией.

Как ей хотелось, чтобы он по привычке завёлся, выругался и стал прежним - букой-бякой, не сговорчивым и цепляющимся к ней за слова, по поводу и просто так. Только и на этот раз опять ничего не произошло: Пётр усмехнулся и уже по привычке полез в интернет, чтобы ему такое ещё по Финляндии надыбать.

- Ведь жила мордва на Средней Волге, там, где находилась Нижегородская и Казанская губерния, - смотрел он какие-то карты в «гугле», - а теперь что, размазали народ, как масло по бутерброду, по всей России с проплешинами своими и переломали потом, словно прутья от веника, везде, где только могли.

Затем помолчал и с тоской заключил:

- Тысячу лет мордовскому народу, а вот своей письменной грамотности как не было, так и нет. А сколько полезных и нужных слов из наших языков ушло.

- Да, - изобразила жена глубоко интеллектуальное лицо, - русские под татарами, а мы под русскими были, так?..

- Соображаешь, - светился усталой улыбкой Пётр. – Какая ты у меня продвинутая и умная, и красивая, - последнее слово он протянул с интонацией кавказского горца.

Раздосадованной Тамаре оставалось только руками разводиться. Любое, что приходило ей в голову, вызывало у мужа неподдельный интерес, если не восторг. Они даже по-фински между собой начали разговаривать. Дети при их разговорах на фин-

ской фене отчаянно веселились. Всё шло как по накатанной дорожке. Жизнь разнообразилась всякими приятными неожиданностями: с трудом, через суд, но ему удалось поменять имя в паспорте, в деревне теперь его приветствовали не иначе как финн, и все дружно интересовались, когда он отбудет на свою новую историческую родину. На ехидные расспросы он отвечал с улыбкой, но только по-фински, оставляя любопытных мужиков с открытыми ртами, которые с восхищением тянули ему вослед – «вот, блин, мордва даёт». Ведь всегда всё непонятное вызывает у людей, если не уважение, то хотя бы удивление. Ведь надо же, живёт, как считает нужным для себя, перед властью и начальством не прогибается и на всё у него своё мнение. Единственная неприятность, что случилась в семье, обнаружила себя в лице сына, который как-то пришёл со школы с разбитой губой и большим синяком под глазом, и с записью в дневнике, чтобы родители пришли к классному руководителю. Не смотря на ворчанье жены, приехавший с работы Семёнов, с улыбкой выслушал сына о том, что произошло в школе.

Сын Колька, скорее по привычке, чтобы упредить желание отца взяться в качестве воспитательного воздействия за ремень, не говорил, а тараторил:

- Они меня все финкой зовут, я им что, девчонка. Я им сказал: «Моё терпение лопнет: вот, сегодня в классе всех, кто обзывается, предупредил, ещё раз кто так обзовёт, по «сусалам» получит.

Пётр до недавнего времени, переживавший те же чувства, что и сын, с пониманием слушал и одобрительно кивал головой.

- Клунин обозвал, я ему дал, Латюшин стал дразнить, тоже получил, какая я им финка?

- Финка, - засветился папа нежной улыбкой, — это ещё и нож. Как по-фински нож будет? Пуукко... - и он ущипнул сына за нос, - чего не учишь? А финку могу показать.

Он сходил в пристройку дома, где у него была своя комната, и где Семёнов мастерил что-нибудь по хозяйству: столярничал, слесарничал и достал из одного ящика с инструментами почти двадцатисантиметровый с прямым клинком и скосом обуха нож, ручка которого была собрана из цветного пластика. Когда-то, ещё пацанами, они делали самопальные ножи, и скос острого лезвия ножики назывался щучкой. Вся криминальная Россия имела в те

времена это у себя на вооружении.

- Вот, смотри, - и он протянул финку сыну.

- И мне тоже дайте посмотреть, - проявила неожиданный интерес к холодному оружию заневестившаяся дочь. Пухлая, как мама, она выучилась на кондитера, работала по специальности и постоянно о чём-то мечтала.

- Ну и нашёл что показать, ну-ка дайте, - потянулась к холодному оружию Тамара.

- Ладно, мать, не мешай, пусть посмотрят, - не переставал улыбаться Пётр. - А чего же они тебя так разукрасили?.. - Ему было приятно, нет, он даже был горд, что сын проявил характер и постоял за себя.

- Так, после школы они, кому я ...дюлей навешал, меня подкараулили, и пришлось сразу от троих отбиваться.

- А третий, откуда взялся?

- Да мелкий там ещё был, брат Клунина, пинался - гад. - И в подтверждении сказанного Колька задрал штанину и в качестве вещдока показал синяки на ноге.

- Ты посмотри, что ироды сделали, нет, я в школу сама схожу, - и Тамара разродилась многословной тирадой по поводу педагогической запущенности некоторых трудно воспитуемых подростков села.

Не смотря на нравоучительные экзерциции жены, в чём никто не мог с ней сравниться, он сдержанно похвалил сына, а супруге сказал:

- В школу не ходи, это наше мужское дело, сами там разберёмся... Ну, а как у нас с финским? - И провозился со своим младшим до самого вечера, разбираясь с грамматикой финского языка.

Уже ложась спать, он выслушал от жены упрёки, связанные с ножиком и с тем, что их такой домашний сын устроил в школе драку, а он вместо того, чтобы оказать своё мужское воспитательное воздействие, проявляет с ним ненужную солидарность. Но то, что услышала она в ответ, поразило её ещё больше: муж вдруг запел своим глубоким насыщенным баритоном, Есенина: «...И тебе в вечернем синем мраке часто видится одно и то ж: будто кто-то мне в кабацкой драке саданул под сердце финский нож».

И он прижал к себе супругу, да так, что у той «аж» косточки

захрустели.

- С ума, что ли сошёл? – с трудом перевела она дух, пытаясь избавиться от медвежьих объятий мужа.

Тамара просто не знала, что ей делать: не то радоваться, муж в коем веке на сына внимание обратил, не то огорчаться – такое увлечение всем финским, особенно языком, настораживало и давало повод для дальнейших огорчений. Но после сегодняшней любвеобильной ночи всё снова вставало на свои места. А будь что будет: Финляндия, так Финляндия. Если язык выучить, можно и поехать. По крайней мере, какую-никакую, а работу там можно найти, детей поднимать надо, да и самим ещё пожить хочется. Улыбалась она своим мыслям, которые, наплывая волнами, уносили её к этим неведомым скалистым берегам северной страны и новой неизвестной пока жизни.

Жизнь шла своим чередом: дни, словно мысли о несбывшемся, накатывались одна на другую, точно куда-то торопились, и каждый день норовил накрыть и слизнуть остаток уходящего уже прошедшего времени другого часа дня, едва проклюнувшегося, но заявившего о своих правах новым началом. Вот так и человек, торопиться, наступать на пятки, похожего на него сына земли, обгоняет события, опережает время и думает, что так и должно быть - старое должно уступить новому. В этом, кажущемся преображении и переходе, есть своя логика, даже какое-то развитие, но если взглядеться в этот горизонт (пока ещё глаз за окоём виденного цепляется), эта сученная и спорадическая повторяемость прошлого по счастливой случайности, а может быть, и вопреки, проявляет себя так незатейливо, когда мешает увидеть то, что с тобой всегда рядом. И только иллюзия перемен, и кажущегося развития, порождает новую иллюзорность всего того, что ты живёшь в другом времени, которое застряло за поворотом твоих желаний, ведущих к изменениям всего, что не произошло, о чём мечталось и к чему - через пороги и крутояр жизни ты стремился. Но не случилось.

Пока у Петра всё складывалось как нельзя лучше. Если сильно желаешь, обязательно сбудется, но, если, о чём мечталось, не придёт, значит, мало ты этого хотел.

Однажды один раз с работы он приехал очень радостный и возбуждённый.

- Получилось! – Закричал он с порога жене, - через неделю

едем в Швецию, с трёхдневной большой остановкой в Финляндии.

Он рассказал о том, как ему здорово повезло с женой самого главного босса, которая сама живёт в Москве, но время от времени наезжает к мужу в Тольятти, кому её отец доверил управлять таким большим холдингом. Работавшие с Петром земляки из Ташёлки, растрезвонили, кому только было можно, о мечте Семёнова стать финном, что это перестало быть тайной и стало известно всем, кому только не лень. В последнее время он практически не работал на электрокаре, а занимался оборудованием. Ещё с утра он раскидал в комнате связи «Ашана» аппаратуру, прозвонил некоторые платы, перепаял часть из них, и до замены старых микросхем пустил всё пока по временной схеме. Доукомплектовать и заменить уже старое отработанное оборудование, которое поставлялось из Швеции, было просто: за ним следовало поехать. Ему намекнули, что приказом он зачислен в группу, кому предстояла командировка в Скандинавию.

А тут на выходные прилетела эта самая жена гендиректора, кто-то из длинноногих секретарш приёмной рассказал ей о странном чудаковатом «финне» так, что она захотела увидеть Петра «живьём». Когда Семёнов вошёл в необъятный кабинет большого босса, то оторопел, такую красивую женщину с фигурой топ-модели он видел только в журналах мод, которые по случаю с зарплаты покупала его дочь. Хозяин кабинета, которого Семёнов видел только на фотографиях компании, заметил реакцию Петра, коротко хохотнул, и со словами: «Ну-ну, не буду вам мешать», - вышел.

Лучезарная, с заморским загаром красавица заговорила с ним по-фински и Пётру, прослушавшему не один десяток дисков на финском языке, не составило труда понять, о чём она ему там вещает, и ответить ей тоже на финском. Жена босса представилась, звали её Лиана, и что-то восточное было в её облике. Но жена — это не профессия, она владела контрольным пакетом акций их холдинга и была хозяйкой всего этого не малого бизнеса. Она похвалила его финский и сказала, что знание языка и оргтехники гарантируют ему стопроцентную занятость в северной стране, а в перспективе и получение финского гражданства.

- Только вам это зачем? - Перешла она вдруг на русский. - Пусть они трудолюбивые, надёжные и постоянные в бизнесе, но

эти заторможенные чухонцы живут так, словно у них несколько жизней про запас. Тем более, это чужая страна, всё чужое и совсем другой менталитет. Вы понимаете, о чём я вам сейчас говорю?..

Словно соглашаясь, Тимо Халонен в обличье Семёнова, на всякий случай, утвердительно кивнул головой.

- Давайте откровенно, - продолжала она, - я посмотрела ваше личное дело, вам, далеко не глупому и деятельному человеку, там будет одиноко и скучно, даже со своей семьёй. Сытость и благополучие это не ваше, в Финляндии хорошо заживевшим котам, но тоскливо жить, там хорошо доживать остаток своих дней: очень хорошая медицина и социальный патронаж со стороны государства. Старость и болезни человека – забота правительства и социальных служб. Но и это надо заслужить, и работать, и делать отчисления, жить всё время в кредит. Если вас такой скандинавский социализм устраивает, тогда вперёд. Всё, что касается вашей натурализации в стране и дальнейшего обустройства, мы вам поможем. Конечно, я не филантроп, вам придётся очень много поработать на нашу компанию. Ну так как, согласны? Не передумаете?

Вопросы, которые, буквально, сыпались на него, ответов не требовали, поэтому Пётр деликатно всё время молчал.

- Как вас там по паспорту - Тимо Халонен? – И она рассмеялась.

- А вы - фантазёр.

«Издевается, сучка», - первое, что пришло ему в голову, и он почувствовал, как краснеет и что с языка вот-вот слетит такая близкая и понятная ему ненормативная лексика. Но вся такая правильная и умная женщина, казалось, ничего этого не замечала, хотя и глядела на Петра, а говорила потому, что ей так хотелось. По-моему, она меня тут за мебель держит, которая пока ещё не вписывается в систему её представлений о том, куда и главное – зачем? вот и ищет себе, нанюхивает место, куда и как можно определить понравившейся ей, пусть и одушевлённый, но предмет. По большому счёту Пётр Семёнов был недалёк от истины: в Лиане уживался большой ребёнок и хищница, которая пользовалась людьми и расставляла - говорящих, и думающих и что-то ещё делающих двуногих, в шахматном порядке, без всяких правил, как считала нужным.

- Да, некоторые связи у нашей торговой компании там есть, - повторила она, - но лучше для вас будет войти в группу наших представителей по Скандинавии, при знании, конечно, английского. Но если вы финский язык за год так освоили, то с изучением английского у вас проблем, я думаю, не будет. В Швеции у нас парочка айтишников-бездельников в наличии имеется, а вот из утюга ноутбук соорудить пока никто не может. Будете пионером.

- И я этого вряд ли смогу, - стал отказываться Пётр, так как принял её последнюю шутку за чистую монету.

- Это у меня юмор такой, - снисходительно улыбнулась она, - времени у вас пока много, думайте, обживётесь и семью, конечно, с собой возьмёте. Вопросов нет? Тогда свободны.

Пётр вкратце обрисовал свой разговор с хозяйкой. В выгодном, конечно, для себя виде. Рассказывая, он лицедействовал, а под конец сделал грудь колесом и выдал жене: «Она сказала, что таких спецов, как я, один на миллион», - и слегка забронзовел от сказанного.

Семёнов даже представить себе не мог то, на что многие затрачивают годы, решится у него сразу, в одночасье. Вот это как раз и настораживало его.

- Думай, мать, - обратился он к жене, невольно повторяя сказанное ему, которая, как и он, пребывала в лёгком трансе, - с детьми надо поговорить, они у нас уже взрослые, если сегодня всё решим, то завтра я подписываю контракт, а через три дня еду, обживусь там, а потом и вас заберу.

Ошарашенная такой новостью не меньше чем муж, Тамара всё время молчала, а потом, изобразив плаксивое лицо, тихо сказала:

- Мне твои эти думалки вот здесь, - и супруга ткнула себя в область сердца. - Петя, а может, ну её, эту Финляндию, чем нам здесь плохо, ведь всё, что для жизни нужно, у нас есть: дом, две машины, трактор, скотина всякая... Что-то мне не по себе, ведь страшно ехать туда, где ничего нет. Давай ещё раз всё хорошенько обдумаем, никто нас с тобой в твою чухляндию не гонит, силком не тащит, а?..

- Думай не думай, а ехать надо, чего мы здесь позорились, я вон даже имя своё поменял, а язык, как мы все учили. Это что, тоже коту под хвост? Теперь вот у меня, английский на очереди.

- Да ты что, - всплеснула руками жена, - а это тебе зачем?

- Полиглотом хочу стать, - поставил в тупик он своим ответом супругу.

- Ну-ну, давай, ты же у нас - продвинутый-задвинутый, - ответила она ему в тон.

- Уважение для меня главное, вот чего я хочу, нет его здесь, в нашем лимонарии. Всё, что не делаю, на уровне – Петька, принеси-подай и наладь. А как сделал – пшёл вон!

На последнее, сказанное мужем, Тамара ничего не нашла ответить и только головой покачала, типа – ну, вот мы, какие, оказывается, гордые и умные, и лимонарий какой-то сюда приплёл. Всё непонятное у неё вызывало тревогу и раздражение.

Как бы там не было, но через ругань, поминутные ссоры и уговоры - всё понемногу срослось в молчаливом согласии, а через неделю Тимо Халонен (он же Семёнов) был в Швеции.

Не сказать, что Швеция с её столицей Стокгольмом, со шпилями лютеранских храмов, и скученностью построенных ещё в позапрошлом веке старых подростково-угловатых зданий в центральной части города, которым не дала окрепнуть и раздастся вширь водная гладь моря, зеркальных проутюженных дорог и совсем другой жизнью его поразила. Нет, что-то подобное он себе представлял – сытость и ухоженность оставило свои знаки везде: в мелочах, деталях быта и самой плавно текущей жизни. Если кто и выделялся, то это в первую очередь сами приезжие, глаза и уши которых торчали везде. Местных жителей практически не замечалось. Тихие и неспешные люди, оседлавшие велосипеды, независимо от возраста с неизменной вежливой улыбкой и желанием прийти на помощь, если иностранец к ним обращается с вопросом, пусть не на шведском или там английском, а языке жестов, которым можно объяснить если не всё, то многое.

Первый шведом (ведь бывает же такое), к кому обратился Пётр, оказался финн. Звали его Онни. «Онни переводится, как «удача», - машинально отметил про себя Пётр. И, действительно, в этот день удача ему улыбнулась. Явно заскучавший финн, обрадовался незнакомцу, который обратился к нему на его родном языке, и, буквально, протащил Халонен-Семёнова по декоративным улочкам и проулкам Стокгольма. Онни город знал, как свой дом, рассказывая и показывая по дороге всё, что попадалось на глаза, нередко сам приставал с расспросами и уточнениями к ко-

ренным жителям, которых выделял из потока идущих безошибочно. Во время их публичных обсуждений – правильно ли идём, и куда и как лучше пройти, вокруг них неизменно образовывалась группа зевак, знающих и желающих показать Петру даже то, чего в городе нет, но если надо, то к его следующему приезду, всё это непременно будет. Петра-Тино его новый финский друг представлял жителям столицы, как последнего из могикан, исчезающего народа в России мокшу, близкого по крови и языку к скандинавам, так что Пётр вызывал не только удивление (надо же, уцелел), но и какой-то непонятный ему восторг, особенно, когда он говорил на финском. Устав от слишком жаркого северного гостеприимства, с кем он постоянно и целый день общался, Пётр, сопровождаемый Онни, с трудом добрался до отеля, и целый вечер отходил от переполнявших его эмоций.

Прошло ещё полмесяца, Пётр Андреевич, он же Тимо Халонен, за это время выбрал необходимое для них оборудование, вместе с наладчиками, протестировал его, отправил и вскоре уже был в столице Финляндии в Хельсинки, который на фоне Стокгольма и норвежского Осло, смотрелся глубокой провинцией. Доехать до Амстердама – главного города Нидерландов, напомним по своей архитектуре чем-то Петербург, просто не хватило сил. У финнов он, наконец, перевёл дыхание, и по совету начальствующей Лианы, которая не оставляла его без внимания своими звонками. Она похвалила его за выполненную работу и настоятельно порекомендовала Петру записаться на курсы английского языка. Уже дисциплинированный Тимо Халонен слово своё сдержал и снова взялся за учёбу. Да так рьяно, что через пару-тройку месяцев мог общаться на языке бриттов на любые бытовые темы. Технический английский с его сложной для восприятия терминологией давался ему пока с трудом. Но нет преград, которые бы финская мордва не брала: не забалованный жизнью в России, он только тем и занимался, что преодолевал трудности. Спустя год, Пётр Семёнов, он же Тимо Халонен, уже бегло говорил на двух языках.

Больше всего его удивляло, как был организован здесь бизнес: любой вопрос, требующий заключения, особенно если это нужно для дела, решался очень оперативно, в считанные часы. Менеджеры, отвечающие за решения технических и организационных вопросов, созванивались, обговаривали детали, подключа-

лись специалисты, и механизм запускался. Отсюда досужие разговоры о финской медлительности, ставшей предметом анекдотов и насмешек над братом меньшим чухонцем, скорее были из области фольклора. Финны создали страну для себя, а со своей природной ментальностью очень быстро разобрались и реагировали (всё, что касалось работы) мгновенно. Проблемы наступали, когда товар или оборудование попадали на российскую таможенную. Вот там всё и начиналось. Но если с таможенниками начальство договаривалось заранее, то груз практически не досматривался, заполнялись нужные документы, ставились печати и - «добро пожаловать (ся) в Россию».

Работа ему нравилась, его ценили, платили достойно, от такой спокойной жизни он даже набрал лишний вес и перевёз свою семью в коттедж, который арендовала для него их компания. Несколько дней он водил своих ахающих и охающих родственников по местным магазинам и кафешкам, пока они не обжились и стали ориентироваться не хуже самого обфинившегося Петра. Деятельная Тамара вскоре нашла земляков, которые привели её в финно-угорское сообщество - «Мокша и эрзя» и занималась там различными культпроектами. Дети, помимо финского, стали осваивать шведский язык, и пошли учиться: сын в школу, а дочь в колледж. В новой для них жизни они адаптировались гораздо быстрее своих взрослых родителей.

Постоянно проживающие за границей, бывшие соотечественники тем и отличаются, что находят друг друга по своей общей ностальгии, складывающейся из безвозвратно ушедшего времени – воплощённого в некоем симбиозе соловецко-советского социалистического лагеря. Время от времени старшее поколение покупает бородинский чёрный хлеб, очень любит нежную норвежскую сельдь с водочкой от отечественного производителя, которую из-за дороговизны местной привозят из России, и предаются воспоминаниям о том, как это им там в Союзе было хорошо. Ту жизнь, которая не была пряником, разве забудешь?.. Пришедшее сытое благополучие радует не долго, за граница – чужой монастырь, но это другая история.

В компании, где работает Пётр, его как работника уважают. На работе он подружился с двумя земляками, помнящими ещё старую советскую Мордовию, и когда он их встречает в коридорах офисного здания, то радостно им кричит: «Здорово, финны!»

Получая в ответ: «И тебе, финн, не болеть!» Слышать такое ему в радость. С национальной идентичностью у него полный порядок. Когда в иммиграционном центре посмотрели документы Халонен-Семёнова, он без проблем получил разрешение на временное пребывание, а с финской фамилией, именем и знанием языка, лет через пять ему обещали финское гражданство. Пребывая на непривычной для него пока земле Пётр, который почему-то неуклонно становился патриотом покинутой им родины и всего русского, пообещал, что хорошо подумает.

Что-то держало его и никак не хотело отпускать. Это не была ностальгия? Нечто другое, ещё не понятое им самим и до конца не осмысленное. Когда его особенно припекало, свои мысли он забивал уикендом, колесил на авто по Скандинавии. Границы ухоженных северных стран всегда открыты, перемещаясь из одной страны в другую, порой даже не замечаешь, в какой ты из них сейчас находишься. Но это было поначалу, потом, как любил говорить он, всё узаконилось. Хотя всё новое со временем становится хорошо забытым старым и где-то даже виденным, случайно им подсмотренным.

Память, как старая киноплёнка, раскручивается бобиной времени, ты сидишь в старом обжитом зале своей жизни, и, глядя на мелькающий экран широко открытыми глазами, не замечаешь, как всё, что было с тобой, понемногу успеваешь замылиться.

Тем не менее, у них в доме всё налажено: дружная семья, достаток, благополучие, но из-за смешанных странных чувств он понимал, что всё ещё впереди, и где-то только начинается.

«Господи ты, боже мой, где найти тот остров, чтобы там не болела, душа?» - Как молитву повторяет он.

ШМЕЛЬ С КОЛЯСКОЙ

«Жизнь – эта сказка, рассказанная идиотом»
(Рене Декарт)

Всё началось с моего пятилетнего внука Андрея, которого для отдыха и общего оздоровливания привозили родители в Ташёлку, с запыхлённых улиц и пропечённых солнцем городских многоэтажек, за козьим молоком с мёдом и свежим сельским воздухом. В середине лета родители не редко выдёргивали своё чадо в десятидневную турецко-египетскую границу, после чего Ан-

дрюша возвращался в родные деревенские пенаты, чтобы снова продолжать вкушать натуральной жирности продукт от козьекоровьего племени. Всё бы ничего, но вот заставить его что-то съесть, надо было очень постараться, поэтому мы и прибегали к разным ухищрениям: хитрили, обманывали, пообещав что-то за предельное, или, срываясь, переходили к скрытым, а то и явным угрозам. Несколько взрослых дядей и тётей уговаривают маленького паршивца хоть что-нибудь съесть, а взамен посулы сулят манну небесную. Выслушивая все наши обещания и заверения, внучок быстро включался в процесс общей коммуникации и начинал вести не прикрытый торг.

- Вот это, - стучал он пальцем по черносливу, - не буду, он как земля чёрный и этот урюк красный с орехами тоже не хочу, а кашу съем, но только пять ложек.

В завершении сказанного и для пущей убедительности он тряс перед нами ладонью, со своими распростёртыми пальцами, чтобы мы на большее не рассчитывали и ничего не просили. Считать он научился на удивление быстро и всё благодаря ложкам с кашей.

- Пять лет и пять ложек, - важно комментировал он выбранное им сакральное число для особо не понятливых, адресуя сказанное больше бабе Наде, - учителю математики, которая неустанно боролась с бойкотами внучка по части его избирательности в еде и количества не съеденных им блюд.

Сухофрукты и орешки Андрюша вылавливал из жидкого мёда, предварительно облизав восточные сласти, и складывал их возле своей тарелки горкой. Нередко в разгар увещаний и угроз, привлечённый запахом мёда, к форточке окна на кухне прилетал огромный лохматый шмель, который натужно жужжал и ползал по натянутой сетке на окошке, в надежде проникнуть в дом и разделить медовое застолье.

- А-а-а... - радовалась бабуля Надя, - наконец-то прилетел наш избавитель, сейчас он тебя закусает. Ешь, давай!..

Ответом было стук ложки о тарелку, и ненавистная каша понемногу уходила, осваивая замкнутое пространство Андрюшиного желудка. Но как только шмель улетал, трапеза тут же прекращалась.

Иногда на деревенской улице показывалась переделанная из детской коляски повозка, на которой могли находиться мешки с

картоном или какой-нибудь, утративший свой первоначальный цвет - металл, пробитые кастрюли с проржавевшими сковородками и прочей утиль-лабудой чугунно-железного профиля.

- Сейчас этот Будулай (известный черноликий красавец цыган из одноимённого фильма) тебя в свой мешок заберёт, он всех плохих мальчиков, которые не хотят кушать, с собой забирает, - говорила менторским голосом наша соседка Валентина Степановна, зашедшая к нам по случаю, и завуч местной школы.

Педагогическое сообщество квалифицированно воздействовало на Андрея, но, равнодушный к еде, тот стойко держал круговую оборону, невзирая на научно апробированные воспитательные подходы.

Выворачивая голову, внук внимательно прослеживал траекторию передвижения по улице так называемого Будулая – местную достопримечательность и очередную страшилку и деловито уточнял:

- А он точно к нам идёт?..

- Да, идёт и с большим чёрным мешком! – Уже не выдерживал я, включаясь в воспитательный процесс.

- Макаренко на тебя не хватает, - со знанием дела тянул его отец, выразительно оглядывая ремень.

В ответ снова раздавался стук ложки. И вот так каждый день. Один обман множил другой, одно обещание наслаивалось на сказанное вчера, а внук радостно уличал сонм воспитателей и грозился голодным вообще уйти из дома.

Теперь это всё в далёком прошлом. Внук вырос и уехал в областной город, и бывает в деревенском доме, переделанном под летнюю дачу, крайне редко. Тем не менее, в этой жизни всё так сплелось и переплелось, что прошлое обернулось настоящим, время куда-то течёт, меняя людей, возвращает к тому, что было, неизменно только одно – Будулай, которого можно уже квалифицировать не столько как человека, а как явление самой жизни Ташёлки. Заметно постаревший собиратель, как трудяга-шмель, по-прежнему подбирает весь этот вторцветмед, разнообразя его макулатурой, и известный жителям села, как Вася Шмельёв или просто Шмель-старьевщик. Немного дурачок, немного сам себе на уме, с разбрасывающейся неустойчивой походкой, когда руки и ноги норовят уйти в разную противоположность в ходе его передвижения, а само телодвижение напоминает попавшего в гу-

стую ряску, заблудившегося в болотистой жизни человека, который пытается выбраться из тины повседневности и этого Сизифова обесмысленного труда. Но что-то не особенно у него это всё получается. То, что он собирает возле своего дома, это фрагменты проржавевшего железа, которые временами пополняются разбухшими, превращёнными в непонятные маслянистые кучи картона и какого-то тряпья, со временем куда-то всё-таки вывозится и, видимо, кому-то сдаётся. Не исключаю, что какие-то деньги перепадают его старшей сестре, которая осуществляет над ним опеку. Время от времени, по ходу своего проторённого пути, Вася на радость местной детворе останавливается, достаёт сигареты, и с жадностью закуривает, щедро угощая набежавших к нему пацанов дармовым куревом. С проходящими мимо жителями он всегда здоровается и заговаривает, скорее из вежливости, потому что разговоры его ни о чём. Какую он получает пенсию по инвалидности, её размер, Шмель того не ведаёт, но знает твёрдо, что денег в семье сестры, с выводком детишек от разных мужей, хронически не хватает, поэтому и занят такой бесполезной и бестолковой, как говорит сам, работой. Как всякому приличному, по его меркам (так он оценивает себя) человеку, у него есть хобби, тоже сопряжённое с поисками заработка. Правда, пока с его слов, не совсем раскрученного, как в части того, что он делает, и личного непонимания самих жителей села, в каких домах они должны жить. Для этой цели Василий обзавёлся выброшенным кем-то пульманом и починил его. Со своей пенсии он покупает себе листы ватмана, карандаши, цветную тушь и всё то, что необходимо для черчения. А чертит он, если это можно так назвать, покосившиеся, словно в лёгком подшофе, дома, ландшафтные парки и дизайнерские огороды. Парки с огородами он ещё и раскрашивает, чтобы придать убедительную достоверность тому, что вся овощ огородная может и должна расти. В конце каждого месяца он собирает своё граффити в холщовый мешок и как передвижник-коробейник ходит по домам, предлагая это у него купить. Кое-кто из жалости или ради смеха приобретает их у него за те деньги, которые покупатель по широте своей души даёт ему сам. Как-то он подошёл и ко мне и предложил на выбор купить у него рисунок, или чертёж, трёхэтажного дома с нарисованной верандой и садом. Я сделал вид, что заинтересовался домом. С какой-то болезненной аккуратностью нарисованный дом,

с чёрта знает, зачем-то пришипленными, чудовищно не совпадающими по своим размерам конструкциями, цокольных и межэтажных перекрытий, оконных и дверных проёмов, с непонятными кривыми куполами вместо крыш и другими босхианскими примочками и фантазиями. Всё это находилось в загадочных диспропорциях не только к самому рисунку здания, но и друг другу тоже.

- Слушай, Вася, а где у тебя сама крыша? – Спросил я его.

- Вот, - бодро ткнул он на нарисованные им по верху дома, не то купола, не то гробницы. Я это нарисовал, чтобы там можно было ещё и загорать.

- Солярый что ли?..

- Да-да...- затряс он своей головкой, в радостном порыве того, что нашёлся-таки человек, который разобрался и сразу понял, для чего это было нужно.

- Ну, ты ещё тот Корбюзье, ишь, как ты всё здесь замастрячил. А вот это что за штука? – Ткнул я в какое-то сплетение, отдалённо напоминающее перекошенный пропеллер.

- Ветряк, - уверенно протянул он, - я его во дворе у Генки Короткова видел, он крутится и жужжит, а ток по проводам в дом идёт.

- А где у тебя здесь провода? – Показал я ему на его ветряк.

С минуту Вася Шмель смотрел на свой ветряной двигатель и, не обнаружив таких необходимых для ветряка проводов, стал что-то бормотать и хлопать себя по лбу кулаком, да так сильно, что растерялся в свою очередь я. Чтобы творец не разбил себе лоб, пришлось прервать раскаяние создателя, с его невоплощённым замыслом, возгласом:

- Всё, покупаю, такое нельзя не купить, - сунув оторопевшему Василию деньги, я забрал его очередной перл.

К концу лета, когда дачники и отпускники потянулись со своих дач и огородов, словно с запасных аэродромов, в каменно-блочные многоэтажки, я на дверях местного магазина «Сельчанка» обнаружил красочное объявление с не тривиальным названием – дизайн-проект «Будущее нашего села». Под многообещающим слоганом, внизу было приписано - архитектор Василий Шмельёв. Видимо, автор не особенно и скрывался, жажда раскрыть горизонты новой жизни для всех пожелавших её не только услышать, но и увидеть. Лекция должна была состояться сегодня

в пять часов в местном доме культуры.

Ещё в начале лета я брал в местной библиотеке книги, для полезного и развлекательного чтения, которая находилась в доме культуры, и давно хотел их сдать обратно, а тут такой повод – сразу двух зайцев убить.

В назначенное время я подошёл к местному очагу культуры, зашёл в библиотеку, с неплохим, кстати, книжным фондом, сдал книги и поднялся на второй этаж, где должна была состояться обещанная лекция. В небольшом фойе толпилось с десяток любопытствующих - в основном женщин и пенсионеров, жаждущих знаний и зрелищ, и молодящаяся, пережившая свой тургеневский возраст блондинка, директор клуба, которая, то стыдила пришедших, то увещевала и настойчиво просила освободить помещение. Когда она увидела меня, девоньку понесло с новой силой. Я даже оглянулся, может, блондинка кому-то другому вещает, а я случайно попал под её раздачу, но нет, оказалось, что это всё адресовано именно мне.

- Вы только посмотрите на него, ещё один, вам что, своих садов-огородов мало, просветиться решили, вы на какой-то розыгрыш повелись и кому вы поверили, местному дебилу, да?.. И я – дурища, разрешила ему и его сестре свои картинки здесь развесить. Они, мол, с администрацией села всё давно уже согласовали. Как же, наплели им три с короба, а где разрешение, там, - задрала она палец кверху, в форме традиционного обращения не то к власти, не то к самому всевышнему, - об этом ни сном, ни духом не ведают.

Молчавший было народ, не по-хорошему вдруг снова возбудился, заволновался, раздалась реплики, посыпались вопросы:

- Это вам не тридцать седьмой год, - взъярился ни с того ни с сего какой-то дедок, с белой окладистой бородой, - поставили перед своим ДК памятник сталинскому сатрапу Менжинскому и думаете вам всё можно. Нет, кончились те времена, когда вы народ гнобили...

Народ после сказанной фразы, что называется, сплотился ещё больше, очнулся, ожил и его понесло. Во время вспыхнувшей было перебранки, перед спорящими сторонами возник сам глава администрации сельского поселения в сопровождении местного участкового.

- Андрей Васильевич, наконец-то, - бросилась к нему заве-

дующая ДК, - ведь, как малые дети, ничего не понимают, что делать?..

- И кто виноват в этом? – подал я тоже реплику.

Два вечных вопроса, с незапамятных времён, мучавшие всю русскую интеллигенцию, наконец-то дошли и до народа.

- По какому праву!?!.. Я, как старый лагерник, хочу заявить, что это вам так не пройдёт! - Обратил свой гнев дед к главе сельского поселения, усиленно оттираемый от самой власти крашеной блондинкой из дома культуры.

Насколько я помнил из истории, все смуты на Руси, да и не только в ней, начинались из-за пустяков: кто-то по пьяному делу запалил сарай не соседу (как мечталось), а другому уважаемому всем лицу, который вместо того, чтобы найти виновника и соблюсти закон, должен обратиться к околоточному (читай участковому полицейскому), но не разобравшись, спалил по злобе целую деревню, где жил поджигатель - и понеслась война дворцов и хижин.

Глава местной администрации с таким художественным именем как Андрей Рублёв, колючим взглядом оглядел меня, нападавшего на него старика, и обратился к народу:

- Вы что хотите, товарищи? Картинки своего будущего посмотреть, не вопрос. Открой людям дверь, Мирослава Степановна, - кивнул он в сторону дверей кинозала, - пускай они его смотрят, нам скрывать от населения нечего!

Будущее на разрисованных картинках открывшегося кинозала слегка ошарашило. Ну, конечно, кто-нибудь и доживёт до воплощённого замысла творца, но верилось этому как-то с трудом. А может, и зря: маленькая девочка, которая пришла с бабушкой, охая и ахая, вместе с ней, со вскинутыми вверх ручонками, ходила от одной цветной палитры на листе ватмана к другой, которые аляписто, на скорую руку, были пришпилены к тяжёлым бордовым шторам и висели по всему периметру зала.

Ну, если это и была Ташёлка, то какая-то доисторическая: на первом рисунке справа виднелись горы, у подножия которых буйствовали травы, а на них паслись странные существа мифических кентавров, между ними находились какие-то иноземцы, не то астронавты, не то полубоги, в струящихся обтянутых серебристо-стальных одеждах. Между разлапистых деревьев висели прозрачные стеклоподобные эллипсоидной формы тарелки, с отхо-

дьящими от них усами антенн. Фантазия художника перешагнула все границы реального, в картинах перемешались времена, народы, которые наполнялись античными персонажами мифических героев, где особенно выделялись чеканные профили исторических личностей. Все они, словно на правах старых знакомых, наконец-то, сошлись в единую семью народов, распри позабыв, воплощённые в замысле творца и мистерии своего реального присутствия. Пока притихшие сельчане и дачники со священным трепетом (знать бы, что это такое?) одичало взирали на художественный парад метафизических композиций, в зал тихо вошли Вася Шмелёв вместе с сестрой - Ольгой, огнедышащей красавицей, с копной ярко-рыжих волос, продолжением которых были яркие веснушки и такой же горящий цвет её кофты. Она стала ходить от одной картины к другой и тихим шёпотом объяснять стоящим у картин, что нарисовано, зачем и как это всё следует понимать. Подошла и ко мне, поздоровалась, сказала, что работает в ДК художником-оформителем, на полставки техничкой и ещё ведёт для юных дарований кружок рисования. Мы поговорили с ней о том, кто и что изображено на картинах, о технике её рисунков (а то, что это было нарисовано ею, я уже не сомневался), и тут, в разговоре, мы вспомнили о проектах будущей архитектуры Ташёлки, ради чего здесь мы все, собственно, и собрались.

- Проекты мы ещё не успели выставить, конечно, хотелось разместить, но нам просто не дали этого сделать. Сказали, что они какие-то не законченные.

- Понятно, - ответил я, хотя ровным счётом совсем не понял то, о чём это она мне сейчас сказала.

- У меня есть несколько набросков к этим проектам, не хотите взглянуть? – И не дожидаясь, что я ей отвечу, разложила на передних стульях кинозала несколько своих творческих эскизов.

Я взглянул на геометрически прочерченные здания и линейки их улиц, которые точно парили в воздухе, были весьма ажурными и изящными, даже на этих набросках. Словно сетью рыбака, вытащившего свой невод со дна морского, где тебе, как ракушки и медузы со звёздами, различных форм и конфигураций, - висели, парили, плыли дома, скверы, фонтаны, перемежаемые памятниками, с вытянутыми стрелками улиц. Мегаполис далёкого будущего, конечно, поражал. «Но сколько должно будет прой-

ти времени, чтобы замысел архитектора смог воплотиться», - мысленно прикинул я для себя.

Расходились все весело, с каким-то подъёмом: искусство, если оно настоящее, обладает удивительной способностью всех сблизать. Едва мы сошли с оббитых и обшарканных ступенек дома культуры на улицу, как оказались в этом самом будущем, которое было с такой страстью воплощено в голограмме изображённого мира, словно кто-то переключил наше зрение на то, что всегда было на грани привычного, но как-то иначе, по-другому увиденной жизни и человека, которое, оказывается, всегда было совсем рядом. Только руку протяни...

За мной увязался этот архаичный лагерник (видимо, учуял родственную диссидентствующую душу), он говорил что-то дельное и умное, а когда огляделся, то слегка присел. «Ёк-макарёк, - только выдавил он из себя, — это куда же мы с тобой попали?» Прямо над нами с тихим постукиванием пролетел прозрачный вагончик, где находились, по всей видимости, пассажиры. «И машин почти нет, ну надо же, - продолжал удивляться мой собеседник, - а дорога как светится». Озадаченный не меньше собеседника я напряжённо думал о том, куда же мне теперь идти и в какое время, и куда нас занесло. К действительности вернула резко притормозившая возле нас нива главы местной администрации.

- Мужики, а где здесь здание поселкового совета?.. – Высунув голову из машины, он бестолково крутил ею по сторонам и, что называется, пушил глаза на происходящее вокруг. Когда к нему подъехал какой-то робот на колёсиках и о чём-то спросил его заученным голосом, он как-то сразу сник и уже по-бабьи запричитал:

- Нет, ты посмотри только, какое они нам будущее сочинили. Куда они нас, сволочи, телепортировали, а?.. Фокусники, хреновы!.. Сами-то всех только до крыльца ДК проводили, а в придуманную ими жизнь не пошли. Спрашивается, почему?.. Ну, нет, всё встанет на свои места: болотный дурман уйдёт, а вот потом мы с ними, с этими блаженными, поговорим. Слышь, а может быть, вместе выбираться будем? - Вдруг узнал он нас, изобразив на лице что-то наподобие улыбки, которая больше пугала, чем радовала.

Первым сориентировался и пришёл в себя мой спутник.

- Заблудился, говоришь, манешко? – обласкал своим взгля-

дом местное начальство дед, - а ты самое высокое и просторное здание находи, там и кабинет твой, и холуи твои тебя ждут, не дождутся. Чего ты с нами путаться будешь, «жираф большой, ему видней», - заключил он сказанное фразой, имея в виду не малый рост главы Ташёлки.

Растерянность у вопрошавшего сменилась радостью первооткрывателя, и он сразу умчался искать обитель своего должностного пребывания.

- Они и в будущем лучшие места и куски иметь будут, - философски изрёк старый диссидент. - А что же нам-то, горемычным, делать?..

И тут вместо ответа на его вопрос раздались детские голоса:

-... дедуля-дедуля, мы здесь.

- О-о-о, - посветлел лицом тот, - внуки, дочкины дети, ну, точно мои...

Из дома, расположенного напротив нас, больше напоминавшего прозрачную улитку со стеклянными стенами, кричали и махали с балкона его внуки.

Пожелав своему визави «счастливого пути», я огляделся и зашагал, куда глаза глядят. И когда прошёл совсем немного, вдруг вышел... к своему деревянному дому, который от непогоды был обшит прежним хозяином, у кого я его купил, деревянной дранкой и доской. При всём том великолепии архитектуры, которая попадалась мне на пути, мой дачный домик смотрелся вызывающим анахронизмом деревянного давно забытого древнего зодчества. Даже обидно стало: почему, именно, мой оставили, а не рядом стоящий, если бы не висевшая на его фасаде потемневшая памятная доска, на которой было написано, что это Музей заблудившегося человека, где красовалось моё имя и фамилия, и почему-то с датами жизни. «Нет, это чьи-то происки?..» – Совсем некстати пришло в голову.

Я привычно открыл так знакомо заскрипевшую калитку, огляделся по сторонам и вошёл в свой дом, в своё прошлое, даже не задумываясь о том, что меня в нём ждёт. На окне дома, где находилась кухня, мирно дремал мохнато-полосатый шмель...

2016. 09. – 2017.09. гг.

Шаклеина Алла

Специалист по связям с общественностью ВУиТ, художник

ЗАПОВЕДНАЯ НОЧЬ

С партитуры души
оппадают притихшие ноты,
Лунной музыкой звезд
входит сон в заповедную ночь,
На пороге весна
раздаёт долгожданные квоты,
Белый сплин холодов
изгоняя безжалостно прочь.

Загляделась луна
в отраженье свое неземное,
Умоляя не спать
в ожидании вешних затей.
Мне самой не до сна,
Ночь плетет полотно кружевное
Из серебряных нитей
спадающих звездных дождей.

АКВАТОРИЯ ВОСПОМИНАНИЙ

Я открою окно
в тот манящий, чарующий город,
Где в чердачных проёмах
отражаются своды небес,
Где души лабиринт
не пускает арктический холод
В судьбоносные сказы
нарисованных жизнью кудес.

Словно в омут войду
в акваторию воспоминаний
По течениям памяти
пробегу будто зыбь по волнам,
Где в стране миражей
возвышается замок желаний
И петляет тропа
к до сих пор неразгаданным снам.

УЛЬТРАМАРИНОВОЕ УТРО

На землю лунный ковш рассвет пролил,
Окрестность осветил ультрамарином,
Лесную земляничную перину
Ванильным ароматом напоил.

Растаяла последняя звезда,
Позолотила сосны у опушки,
Точёных колокольцев завитушки
Лучами пробудила у пруда.
Запутался в листве грядущий день,
Плутая по лесному бездорожью,
И росных капель переливной дрожью
Заворожил зелёной кроны сень.

ТИБЕТ. ВОСХОЖДЕНИЕ НА КАЙЛАС

Застыла сплином в небе тишина,
Подкралось утро полосой тумана.
На гребне предрассветного обмана
Тропа к Кайласу истиной дана.

В таинственном явленье двух озёр
Священным караваном кружат горы,
Где долгий путь из поднебесной Кору
Ведёт в Тибет судьбе наперекор.

Там в восхождении слышны голоса
Богов забытых в жерле мирозданья,
Где лишь с самим собою на свидании,
И снежный пик вершины в небеса.

P.S. Кора – это обязательный "священный обход"
вокруг горы, совершаемый паломниками

ЗВЕЗДОПАДНЫЙ АВГУСТ

Растворилась в зареве луна,
Спряталась в цветастый ситец утра.
Легким отражением перламутра
В разнотравье гладь реки видна.
Загустел полночный аромат
Горечью налившейся полыни,
Август в предосенней терпкой стыни
Зажигает млечный звездопад.

КАРАМЕЛЬНЫЕ ДОЖДИ

След зимы простыл до времени,
Уходя так уходи!
Настучит капель по темени
Жди, мол, счастье впереди!

Налетит когортой шумною
Грай грачей снегам взамен,
Геометрией заумною
Разлинует неба крен.

Легкокрылым флёротом падают
С белых вишен конфетти,
Ароматным ливнем радуют
Карамельные дожди.

И поверится, и сдюжится,
И пойдут на лад дела,
И в растаявшие лужицы
Засмотрюсь, как в зеркала.

ЛЕВИТАНОВСКИЙ МАРТ

Рисует сам себя с натуры март,
Копирует полотна Левитана,
Ступив первоцветением на старт,
Готовит к воплощенью неустанно
Приметы и прохладную капель,
И вешнее рождение вселенной,
Где вьется дымкой леса канитель,
С листвой, проснувшейся
На кронах в дрёме ленной.
Рисует сам себя с натуры март...
Заглядывая в окна Эрмитажа,
Расплёскивая творчества азарт,
Вдыхает жизнь великого пейзажа.

ПРОГУЛКА ПО ОСЕНИ

Цветной калейдоскоп осеннего убранства
Асфальт пустой украсил в декупаж,
Листвы резной сугроб, не зная постоянства,
Вальсирует, как призрачный мираж,
Явившийся в преддверии позёмки,
Собрав гербарий яркий по пути,

Загадывает вновь головоломки,
Зовет под сень осеннюю войти.
Шуршащий путь притягивает взоры,
Листом опавшим светится крапак,
Берёзово-кленовые узоры
Цветут под взглядом радостных зевак.

БЕРЕЗОВАЯ НОЧЬ

Сонный ветер отворил объяття,
Сладкий дух вобрав березняка,
Распахнул берёзовое платье,
Лишь прикрыв серёжками слегка.

Тишину окутав лунным светом,
Ночь поманит звездами огней,
И в преддверии млечного рассвета
Лист резной впорхнёт в мираж теней.

И из заповедной глухомани
Белых ликом хоровод простой
Зачарует русскими стволами
С нежной и вихрастой берестой.

РАССВЕТ

Вновь в ожидании рассвета,
В объятиях утра сны тая,
Мне вдруг поверилось в приметы,
В нерукотворность бытия.

Неудержимо, тихо, смело
Вливается он в новый день,
И в заповедные пределы
Ночная оседает лень.

В явлении утреннего света
Минуты призрачной красы,
Предвосхищение рассвета -
Трава в огранке из росы.

И птицы в первом пробужденье
Так утаённые и вольны,
Неуловимое виденье
Рассвета - сказочной страны.

ВЕНОК СОНЕТОВ

Я встречу ночь венком сонетов,
Где часовые на посту
В мерцании сумрачного света
Хранят заветную мечту.

Я буду сторожить устало
Свой чудный мир, боясь заснуть.
Полету мысли небывалой
В ночи начертан млечный путь.

Венок сонетов - просто диво!
Замкнется в круг, куплет в куплет,
Вплетается неторопливо
В венок судьбы простой сонет.

ПОРТРЕТ

Рефлексы, полутени, блики
Сошлись по правилам игры,
Являя на бумаге лики
Таланта редкого дары.

Упрямый грифель штрих чеканит,
Меня торопливо вид.
Рисунок воплощеньем манит.
В объём из плоскости летит.

В черты искусного творенья
Осталось жизнь вдохнуть и свет,
Чтобы полёт и вдохновенье
Дарил графический портрет!

ВОЛОГОДСКИЕ КРУЖЕВА

Вологодской вязью выются
Из узоров кружева,
И «вилюшками» плетутся
Нити, видные едва.

Дирижируют коклюшки,
Кружат в танце за тесьмой,
Заплетая завитушки
Над узорною канвой.

По решётчатому полю
Вологодченских чудес
Канитель льняной куколью
Наткала ажурный лес.
Снежнокружевным плетеньем
Ляжет пенная волна,
Чтоб под сказочным твореньем
Плеч сверкала белизна.

ЧЕРЕМУХОВАЯ ПОРА

Рассвет унёс кометы хвост,
Черёмуха тряхнула снегом,
И множество цветочных звёзд
Припорошили город негой.

Вступив с природой в вечный спор
И, не взирая на угрозы,
Черёмух карамельный флёр
Спугнет последние морозы.

А в ожидании первых гроз
Молочной, белоснежной сенью
Расцвел черёмуховый плёс -
Бальзам души и упоенье!

КУПАНИЕ В ЛУННОЙ ДОРОЖКЕ

Ступаю в отражение луны,
В мерцающую лунную дорожку,
Где зеркало смилившейся волны
Сусалью расплескалось под ладошкой.

Где лунная соната надо мной
Распалась партитурой на закате,
И зазвучало море тишиной,
Одевшись в млечный путь, как будто в платье.

В воздушной невесомости паря,
Летят кометы желтой томной лавы
И, превращаясь в капли янтаря,
Мне в руки падают, как чудо и забавы.

ТУМАН И ТИШИНА

Висит туман шитьем крахмальным.
В багет окна впишу картину.
Мне утро в кофе натуральный
Добавит пенный капучино.

Листают стрелки циферблата
Года и дни, часы, минуты,
И тешат мысли... что когда-то...
Чего-то там и почему-то...

Гряда сиреневого леса
Грибным аукнется обманом,
И Осень, сказочная пьеса,
Начнется утренним туманом.

МЕКСИКА

О! Мексика! Ты Солнца пирамиды!
Мечта в краю берёз и журавлей,
И Андромеды древние флюиды

Тут источают магии елей.
О! Мексика, а может быть и где-то...
Я под твоим сомбреро спрячусь в зной.
И острова Ревилия-Хихедо
Меня в мечту помянут за собой.
О! Мексика, индейства культ и танца!
Где Теотиуакан ацтекам кров.
Где бьют кадрили вдали протуберанцы.
А люди превращаются в Богов!

АРКАИМ

Пленённое солнце
томится в стенах Аркаима,
Расплавленной бронзой
шлифуя архаики пыль.
На землю, загадочный город
- старинная быль,
секрет мирозданья,
открыв нам, явился незримо.

Хранимый века,
Заратустры всевидящим оком,
У стен, возведённых
под древний обычай планет,
Посланьем Вселенной,
несущим космический свет,
Возник он наследством,
оставленным вечным пророком.

P.S. АРКАИМ - археологический памятник,
древний город, обнаруженный при раскопках.

Считается местом силы, городом Солнца,
родиной Заратустры. Побывав в Аркаиме,
человек обретает мощные ресурсы для духовно-
го роста, интеллектуального развития и творче-
ства.

Тарадова Мария

Художник и сказочник

ЗМЕИНАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ

Уже давно призрак лета не появлялся в этих краях. Осень обернула провинцию в серый бархат дождей, будто посмеиваясь над теплолюбивыми людьми.

Сельские дороги превратились в ловушку для путников, в земляной жиже увязали колеса телег, а лошади упрямо не хотели идти дальше.

С приходом холодов жизнь в провинции становилась тихой и размеренной, каждый день казался мучительно долгим, как человеческая жизнь.

Ласс оглядывал знакомые с детства пейзажи, но, увы, в душе ничего не дрогнуло при виде почерневших от старости домов и едва бегущей вдоль леса речушки.

Казалось, его беззаботное время осталось где-то там, в далеком прошлом, как заговоренный клад. За пазухой уныло бряцали истертые медяки – награда сюзерена за верную службу. Закончившаяся война двух провинций принесла с собой лишь разруху и голод. А обстрелянные солдаты покорно возвращались домой по осенней распутице. Лассу еще повезло, ведь путешествовал он на самоходной машине. Паровой двигатель слегка барахлил, да и оружейные пушки утяжеляли металлическое чудище.

Но все же уж лучше смотреть на босоногих крестьян через окно, чем следовать их примеру, меряя землю шагами. Иногда парень останавливался, чтобы устроить перекур и вновь окинуть окрестности взглядом.

И как назло мысли лезли в голову сумрачные, нехорошие. «К кому я возвращаюсь?! Бабку давно схоронили без меня. Надо было принять приглашение этого расфуфыренного князька да пойти службу. Хотя с его чертовой щедростью можно от голода сдохнуть. Хорошо хоть машину мне оставил, все же трофей. И жить можно, и крестьянским душам помогать!» - сигарка погасла, кажется, стал накрапывать дождь.

Зато теперь, когда голова хоть немного остыла от порохового запаха, солдат стал реже видеть во сне павших товарищей. И вспоминать, что остался последним из дюжины.

У озерного края, где вода даже в июльский зной холодна, как зимнее дыхание, они попали в западню. Солдаты шли через лес, петляя между озерами. Вкус последней драки все еще брагой играл на губах.

Брели сквозь заполненную туманом долину. И в саване этом у страха не было лица, когда едва видишь очертания противника. К лесным ветлам они вышли почти без потерь. И князь разделил свои отряды, пустив каждую дюжину по своему пути.

Враг принял тeneвую форму и скрылся в оврагах, у озерной каймы да в ельнике. Командир отряда, удалой Альто носом чуял колдовскую кровь, хотя в самом ни капли магии не было. Зато любой морок мог перебороть, меча не доставая. Ласс шел следом за вечно сонным лекарем Кулхо, который только и умел, что бормотать под нос страшные поверья своей деревушки.

А череда озер будто нарочно передразнивала угрюмый свод сосен, и в липкой тишине казалось, что солдаты попали в ловушку. Грезилось, будто озера кусают пятки путникам, а под деревьями то тут, то там появлялись тени.

Раё и Тэнко, ловкие близнецы, уже обезоружили парочку колдунов - оборотней. И к ужасу юного Ласса тени оборачивались окровавленными телами. Да, он уже не раз бывал в бою, привык к облику смерти. Но когда колдуна поражают в его бес-телесной форме... Казалось бы, совсем другая суть, но даже она не может служить обережной рубашкой.

- Тебе как колдуну полезно видеть сие. А то тоже вот так

обернешься в какую-нибудь тень и возомнишь себя бессмертным! – смеялись близнецы.

В глубине леса, где свет оказался роскошью, им довелось встретить совсем иное существо.

У берега сидела девочка, в серебряной глади колыхались оборванные юбки. Испуганное личико скрывали пряди волос, с которых падали водные бусинки.

На руках детских поблескивали золотые браслеты, казавшиеся слишком тяжелыми для тонких запястий. Но Ласса удивило другое. На ладонях виднелась россыпь чешуек, а разорванный подол скрывал змеиный хвост.

«Неужто владычица лесная, как в бабушкиных сказках!» - юный солдат едва мог вздохнуть, до чего же хотелось разглядеть девочку поближе. Но братья по оружию приняли змеиное божеество за очередного оборотня, уж больно привлекателен образ ребенка для противника.

- Ну что, шкурку сбрасывать будем! – Раё вскинул меч, подходя к воде.

- А ну как это русалка! – Кулхо охнул, испуганно затеребив торбу со снадобьями.

- Да колдовская кровь это! Ребята, ну-ка заставьте его принять свой человеческий облик! – скомандовал Альто.

Ласс испуганно ринулся вперед, чуть ли не сбивая с ног старших товарищей.

- Не трогайте! Она же хозяйка леса! – юноша растопырил руки, закрывая собой змеиное дитя.

Солдаты недоуменно уставились на своего младшего товарища. Взгляд его был серьезен, дрожащая рука уже тянулась к болтающемуся на поясе мечу. Девочка уцепилась за рукав защитника, меж губ мелькала черная лента – раздвоенный змеиный язык. Вертикальный зрачок не ведал страха, а тело выжидательно напряглось, как если бы змея хотела наброситься на врагов.

- Ласс, не мели чепухи! Это один из оборотней!

- И с минуты на минуту явятся его дружки!

Кажется, этот короткий диалог кто-то внимательно слушал, считая добычу по головам. В сосновом куполе что-то зашуршало, послышался легкий свист, похожий на сиплую флейту.

Стая теней окружила небольшой отряд и окутала солдат серым дымом. Ласс не видел даже собственных рук, только едкая чернь застила глаза. В ушах стоял дикий звон, поглощавший крики товарищей. Несколько раз парня обожгло горячим касанием, но чья-то рука обхватила за пояс и со всей силы притянула его к земле.

«Не бойся! Я не позволю им унести тебя!» - змейка обвилась вокруг солдата и стала жалить снующих мимо оборотней.

Серые стрехи падали на землю, ища свою человеческую суть. Видневшиеся в дыме лица были искажены, как в ряблящей воде.

А лики мертвых вовсе напоминали белое полотно с тенями вместо глаз. Ласс не знал, кто упал в объятья голубой травы, враг или друг. Хозяйка леса, устав от чужаков, призвала свет на помощь. Белый луч разрезал серую пелену и Ласс едва не ослеп, закрывая глаза руками.

Только потом, привыкая к свету, юноша увидел среди павших своих друзей. Удивительно, но всегда кажется, что смерть никогда не пристанет к близкому человеку. И маска ее на знакомом лице кажется ужасной и безобразной.

Змейка вывела паренька из леса, за чащобами которого уже созрели сумерки. Ласс не понимал, сколько времени прошло, что за деревня раскинулась в долине и стоит ли ему вообще куда-то идти. Только змеиные глаза, светящиеся в темноте.

Затянувшийся нырок в омут памяти закончился внезапным ожогом. Так догорала забытая сигарка. А тянущийся день еще пребывал в мутной серости, не ведая тяжелой синеве.

Ласс поспешил тронуться в путь, видя впереди знакомую россыпь домов, теснящихся у самого леса. Дорога шла через куцый подлесок, изрядно пострадавший от огненной стихии.

Обгоревшие сосны качались на ветру, будто бы хозяйка владений была недовольна сим вторжением. Ласс смутно припомнил, как играл в этих местах, будучи мальчишкой, и пугал старших ребят волчьим воем. Испуганные сорванцы оставляли в земле коробки с плененными змеями.

Желтоухие ужи, не очень-то богатый улов, но некоторые умудрялись ловить и юрких медянок. Ласс же всякий раз вспоминал бабушкину присказку: «Змею не смей обидеть, она-то истинная хозяйка мест здешних!».

В боковом окошке показалась ватага мальчишек, которая со

свистом и улюлюканьем гналась за каким-то зверьком. Прищурился зоркий глаз, парень увидел, как в траве мелькнула золотая лента.

- Эй, змееловы! – молодой человек высунулся из башни, поправляя на голове шлем.

Мальчишки резко обернулись в его сторону, инстинктивно готовясь убежать с добычей в руках.

Маленькая змейка, схваченная аккуратно за голову, тщетно пыталась ускользнуть из детских рук. Изначально в застывших фигурах будто бы зрело противостояние. Взрослые порой становятся людьми из вражеского лагеря, отнимая время своими нравочениями. Ласс же наоборот привлек детское внимание своей солдатской потрепанностью, а уж про чудную машину и говорить нечего.

В глазах ребятни солдат, вернувшийся с войны, был едва ли не всемогущим волшебником. Ласс хотел было грубо одернуть проказников, ведь золотая змея считается хранительницей этих мест, а уж ловить их по осени, когда все ползучие готовятся ко сну, вовсе не дело. Но в голове внезапно блеснула неплохая идея, как отвлечь мальчишек от пойманного трофея.

- Чего ногами землю меряете, садитесь ко мне! Прокачу!

И парень подмигнул ребятам, кивая на железную башню. Как ни странно, шумная компания даже не подумала спросить, куда направляется служивый и как далеко обещает завезти на своей чудо-машине. Все заменилось воплями радости, и ватага мальчишек нахлынула на танк, будто речная волна.

- А внутрь можно?

- А порулить дадите?

- Далеко стреляет? А постреляем? Вот бы к нашему старосте на таком подъехать, чтобы он со страху свой алый колпак сожрал!

- Стреляют только по врагам. Внутри места мало, вы друг другу ноги оттопчите, вот приедем в поселок, и устрою смотр. И нечего носы супить! Командира надо слушаться, а то порядка на службе не будет!

Мальчишки сначала пробовали протестовать, но позже охотно устроились на отведенном месте и, пока солдат ехал к поселку, засыпали его вопросами.

На какое-то время щемящая тоска отступила от сердца, по телу разлилось приятное тепло. Ребята изрядно повизжали, когда

тяжелая машина преодолела череду ям на полусмытой дороге, да затянули какую-то залихватскую песню.

В изрядно обветшавшее поселение они въехали как герои, будоража сонных сельчан громыханием железа и звонким смехом. Люди, проходившие мимо, испуганно оглядывались, будто бы это сам огненный бог со своей свитой потревожил сонное царство осени.

Тем временем с севера на лес набежала непроглядная осенняя хмарь. Редкий дождь вновь прошелся по округе, щекоча задержавшихся на улице людей. Старые дома будто бы вырастали из земли, дерево потемнело от времени и пахло сыростью.

Запущенные сады тонули в обилии желтых слез. Люди будто на одно лицо, пугливые да серые. Словно все их чувства кто-то на обед отведал.

Военный плащ с княжеским гербом отпугивал от солдата лишнее внимание, а уж громыхающая машина вызывала восторг разве что у детворы. Люди постарше суеверно крестились, увидев сие стальное диво. Только местный кузнец, покуривая трубку, залюбовался рукотворным «чудищем».

- Красота! Где такие делают хоть?

- В соседнем княжестве. Сейчас вот у нас будут мастрячить, сюзерен-то всех умельцев собирает под своим крылом.

- Эх, тоже что ли откликнуться!

- Я погляжу, народ у нас пугливый, солдатской тени что ли не видал?

- Наоборот, слишком много повидал. Наш... сюзерен, ну и слово чудное, часто сюда своих гонцов присылал. Все дворы обчистили. Особливо перед походом к горному перевалу. А ты как? Местный али проездом?

- Бабки Луцерии внук.

- Так это тебе мы письмо сочиняли. Ну, что она того...

Ох, как староста злился, когда узнал про весточку сию. А соседки ее все переживали, как ты там. Вернули ли тебе долг за столь щедрую услугу? Сынок-то у старосты того... скоро женится. Парень не бедный, только богатство сие...

- Явно не от дел благих?

- Колдуну виднее.

Кузнец подмигнул солдату да вынес для согрева чарку «злюки». Ласс шумно отхлебнул и, закашлявшись, стал искать в кар-

мане старый сухарик.

- Доброго вечерка тебе, служивый! – засмеялся кузнец, забирая обратно кружку.

На краю улицы он нашел свой дом. Черный отщепенец стоял на приличном отдалении от своих братьев, вперив озаренное светом око в черную непроглядность леса. Ласс напрягся, будто готовясь броситься на дичь, как вышколенный пёс.

- Кто это огни зажигает в доме моем? – солдат двинулся к покосившемуся забору, ища взглядом палку потяжелее.

Из двора доносились голоса и хриплый смех, пахло жареным мясом, видно кто-то отважился устроить охотничью кухню под дождливым небом.

Компания бородатых мужчин весело гуторила, следя, как на вертеле томится плохо ошипанная птица. Тлели угли, огонь изрядно ослаб, и его пытались пробудить полусырым хвостом.

Ласс заметил, что повсюду валяются ярко алые перья, в прилипчивой хмари казалось, что это капли крови застыли на влажной земле. Парень провел рукой по лицу, стараясь прогнать пугающее видение.

Незванные гости удивленно воззрились на вернувшегося хозяина, словно они одни пировали здесь на милю вокруг, и появление другого человека было чем-то невозможным.

Впрочем, Ласса мало интересовали переживания чужаков, внутри потихоньку разгоралось пламя гнева. Эту землю с ветшающим домиком парень считал своим клочком родины, который при любых обстоятельствах должен был остаться за ним.

Даже если сам сюзерен вдруг оголодает без новой порции земельных наделов. По спине уже ползла волна жара, руки искали оружие. А из самой тени деревянного убежища вдруг стали выскальзывать безликие тени, кусая своих заневоленных сестер, не в силах подобраться к их хозяевам.

- Кого потерял парень? – один из мужчин встал во весь рост, сжимая огромные кулаки.

По бледному лицу черной змейкой тянулся шрам, так обычно метят контрабандистов или разбойников, чтобы всякий мог узнать представителя древней профессии.

- Я-то никого. Только вы, по-моему, двором ошиблись. Это мое жилище, и в гости я никого не приглашал! – Ласс почувствовал, как угодливые тени липнут к спине.

Бородачи, заслышав столь смелые слова, приглушенно рассмеялись, а их меченый главарь улыбнулся, поблескивая рядом золотых зубов. В этот момент в облике его проскользнуло что-то звериное. Как будто сквозь личину человеческую пробивается матерый волк, почуявший запах крови.

- Что-то ты паренек на выдумки горазд. Этот дом нам продал староста.

Ласс едва не схватился за боевой кинжал, ощущая, как ярость в нем заменяет все прочие чувства.

Значит, это старик Ноп отдал его дом контрабандистам, не дождавшись законного наследника. Казалось бы, чего легче, въезжай сейчас во двор на боевой машине, и неожиданные гости мигом уступят ему жилище. Но коль хитрый староста с ними в сговоре, не промышляют ли они чем-то еще кроме контрабанды.

Может уже и весь поселок к их услугам. Ласс решил предусмотрительно отступить, тем более что за стариком значится должок, омут памятный бережно хранит его.

А уж если рубить головы, то рубить все сразу. Парень молча ушел со двора и тени жалобно запищали, вновь расставаясь со своим колдуном. Но Ласс мысленно пообещал им вернуться.

Староста под вечер степенно попивал чай с медом. Совсем плут старый не ждал черного незнакомца на пороге своем. Парень еще не остыл от своего гнева, поэтому даже не потрудился поприветствовать главу поселения.

Ноп же поначалу не узнал в долговязом парне ведьминога заморыша, так звали Ласса в детстве. Только поморщился, глядя как на светлом полу остаются следы грязи.

- Милостыни не подаем, ступайте в соседнее поселение! – отчеканил старик, благоговейно вдыхая травяной аромат горячего напитка.

- Ты как смел дом мой продать, лис ободранный? – лукаво спросил Ласс, будто интересуясь степенью наглости этого человека.

Старик чуть не подавился глотком, оборачиваясь к парню. Пару секунд ему понадобилось, чтобы уяснить, насколько данный разговор опасен для его дальнейшего благополучия.

В душе Нопа царствовали жадность и коварство, давно выгнав прочие чувства на осеннюю стужу. Поэтому любое действие он оценивал с точки зрения своей выгоды.

- А что же ждать тебя надо было? Покуда ты с нашим господином в войну игрался, его коршуны уж достаточно ограбили поселение. Только и слышали мы за три года, что все поборы идут на нужды войск. Правда, кто бы о наших нуждах подумал.

- Ну, видимо кроме контрабандистов некому печься о селе, коль ты им дома чужие продаешь. И знатным барышом они с тобой делятся? Во дворе перьев-то много валялось. А ведь огненных птиц запрещено ловить во всем королевстве. Змеиной кожей, надеюсь, еще не промышляете?

- Много ли сделал вернувшийся с войны солдат, чтобы требовать обратно свой дом? – Ноп пропустил мимо ушей слова о контрабандистах – Бабка твоя хоть ведьмой была и то польза какая-то.

- Да, для родного поселения сделал я немного. Где уж мне, солдату, успеть, все в войну играю. Но думается мне, для Вас лично сделал я немало. Иначе в сырой земле вместо моих товарищей лежал бы сейчас Ваш старший сын. Кто бы еще согласился занять его место в строю, как не молодой колдун. Сыграть в подмену. А там сюзерен разве будет дознаваться...

Ласс улыбнулся, и за спиной его задрожала свеча, прячущаяся в обережном углу.

Ноп недовольно поглядывал на незнакомца, явно жалея, что столь щедрый маг не остался на поле брани.

Ох, как некстати пришел к нему этот мальчишка с ворохом упреков за пазухой. А ведь еще немного, да все селение оказалось бы в руках его, как перезревшее яблоко. Стоит только надавить, и сок потечет по ладони.

Уже за лесом приглядел он невестушку для сына своего, ведьма знатная, лунолика. Вот такая бы пришлась ко двору, жила бы в послушании у свекра. Колдун этот лишний, только, казалось, с его стареющей бабкой распрощались...

Ласс слушал эти мысли, терпеливо ожидая, когда же староста, наконец, придумает знатную ловушку, чтобы пленить незваного гостя.

И Ноп постепенно в думах своих дошел до змеиного дня, когда осень считается полноправной хозяйкой. А берегиню в золотой чешуе угощают подношениями. По обычаю дары щедрые к змеиному колдуну несет ведьма али колдун. Если змеиная царица побрезгует людской пищей, то сможет насытиться посланником.

- Хочешь, значит, дом свой обратно? – с жаром спросил староста, оборачиваясь к колдуну.

Ласс загадочно улыбнулся, предвкушая продолжение речи.

- Добре! – Ноп изобразил прилив небывалой щедрости, улыбаясь ярко да маслено. – Только поможешь нам в деле одном. Скоро, как ты знаешь, день змеиный. Надо бы дары отнести хозяйке, почитай два года уже мы ее гостинцами не баловали! Кто ж, кроме мага из наших земель, достоин сей чести. Вот ты завтра вечером и сходи до колодца, посиди ночку у пляшущих деревьев.

Ласс повел бровью, будто бы удивившись такому предложению. Веселая придумка сгинуть в объятиях змеиных. А ведь хозяйка леса после двух лет молчания может ужалить подносителя даров.

Бабка-ведьма заранее готовилась к такой встрече, постилась целый месяц и шила новую одежду. Странно, однако внутри не было ни капельки страха, лишь вязкие думы о завтрашнем дне. Староста же внимательно смотрел на солдата, словно пытаясь найти в застывшем лице знаки грядущего несчастья.

- Что ж, как не послужить родному селению! Хорошо!

- Вот и ладно! Вот это другой разговор! Завтра заберешь дары, а после ночного бдения явишься ко мне! Потолкуем, чайку попьем!

Запах остывающего травяного напитка неожиданно больно отразился в голове, Ласс ощутил, как темнота застилает глаза. Колдун кивнул в ответ, покидая чужой дом.

Следующий день выдался на удивление погожим, будто отголосок лета звучал в пестрящем лесу.

Парень напросился на постой к старикам, живущим у края леса, пообещав взамен на истопленную баню наворожить удачу.

Хозяйка с уставшей улыбкой пустила его под кров. Кажется, здесь все еще ждали сына. Еще один одинокий дом. Приведя себя в порядок, Ласс нашел-таки в походной сумке чистую форму, заплел волосы в жидкую косу.

Закопчённое зеркало отражало худого юношу, глаза его черные и пронзительные загадочно блестели. Колдун ожидал вечера и обгладывал по косточкам воспоминания об озерном случае. Змеиные глаза расцветали в осенней лености и звали туда, к холодным водам. Только когда рьяное солнце стало постепенно

остывать, прячась за облаками, Ласс направился к лесу.

В колодце отражалось обрамленное листвой небо, и слепой дождик то и дело принимался бродить по лесу. Поразительная тишина разлилась по рощам, только перекличка птиц изредка тревожила деревья в пестрых одеждах. А те неохотно роняли листья, будто не желая покидать чертоги сна.

- Да, именно в такой день и нужно приносить дары. Весь лес как будто ждет.

Ласс расстелил нарядную скатерть прямо на листве, перед деревянным окном колодца.

Крынка с молоком была покрыта платком, а горячий хлеб на меду уже начал остывать в корзинке. Гроздь винограда источала сок, и колдуну мерещился невыносимо прилипчивый запах браги. Сам Ласс стоял под изогнутой березой, пребывая в светлом забытьи заодно с древесными душами.

Ему снова виделись павшие друзья, только теперь они улыбались. Строем шли куда-то к солнцу, а над головой дрожало пронзительно синее небо.

Ласс вновь пересчитывал отряд, вспоминая, что должен быть двенадцатым с конца. И уже собираясь шагнуть к своим однополчанам, он вдруг услышал громовой голос командира:

- Отставить! Куда лезешь раньше времени!

Долговязый Альто пригрозил самому младшему солдату кулаком, а остальные парни громко рассмеялись, наблюдая за этой сценкой.

Ласс никогда еще не видел своих друзей такими счастливыми, будто кто-то невидимый легким дуновением убрал из уставших сердец все тревоги. И, упоенные своей пышущей юностью, они гордо шли вперед, к едва занимающемуся закату. Ласс ощутил, как в груди разливается тепло, и поразительное спокойствие достигает кончиков онемевших пальцев. Он больше не увидит своих друзей во сне.

Сумерки пришли внезапно, а ведь казалось, что солнце будет вечно властвовать на небосводе.

Лес нырнул в синеву и замер, словно испивая до дна чашу ожидания. Ласс ощущал, как из алой чаши вьется чье-то любопытство, опоясывая деревья незримой каймой.

В зазеркалье молодого березняка промелькнула едва заметная тень. Колдун насторожился, вглядываясь в чарующую синеву.

ву. К деревянному колодцу спускалась девушка. И правда, гибкость свою она будто у тени выторговала, чудилось, что крохотные ножки не успевают касаться земли. На черных одеждах позвякивали тяжелые украшения, череда браслетов утяжеляла хрупкие руки, монисто лежало на груди, как змеиная чешуя.

Когда красавица наклоняла голову, массивные серьги дрожали, а в их стеклянных сосудах что-то загадочно поблескивало. Ласс с нетерпением ждал, когда хозяйка увидит его. Но гибкая красавица молча проследовала к дарам земным, даже не подняв взора на стоящего в стороне колдуна.

- А коли я взамен на дары сии пошлю слуг своих, чтобы те урожай собрали с грядок сельских... То-то будет смеху, поглядим, как на будущий год они научатся учтивости.

Ласс не проронил ни слова, нельзя первым вступать в разговор с лесными жителями, зачаруют тут же.

- Или по старинному обычаю съесть колдуна вместе с пищей рукотворной. Все равно его нынче утром убьют, вон уже разбойники в доме родном ножи точат.

Глаза ее блестели, будто дивное золото.

Ласс даже не дрогнул, услышанные слова пролетели мимо, как брошенные камни. Любят змееподобные зачерпнуть чужой страх, полюбоваться испугом людским.

Девушка неохотно отщипнула кусок медового хлеба, наконец, удостоив гостя прямым взглядом. Колдуну чудилось, что золото это переросло в бурную реку, которая вот-вот унесет его в незримую пучину вод.

Лишь вертикальный зрачок, дрожащий в этом невыносимо ярком видении, остался для парня ориентиром. Резко выдохнув, Ласс сполз вниз, на землю. Но взгляд так и не отвел.

Хозяйка леса улыбнулась, слегка покачивая головой.

- Пришлось изрядно поскучать, когда умерла Ваша бабка. Здешний люд пуглив, даже простые обряды кажутся им чем-то ужасным и таинственным.

- Примите наши скромные дары, хозяйка.

- Наши? Вы-то, молодой колдун, уже давно не принадлежите этому месту. Даже в думах своих остались на войне. Знаете хоть, зачем пришли ко мне?

- Хочу вернуть свой дом.

- Дом али себя самого?

Таинственная синева постепенно перерастала в лоснящуюся темноту.

Деревья оделись в черное и вопрошали у молодых звезд, стоит ли им отправиться в путь. Ласс задумался, перебирая в уме произнесенные девушкой слова. Зачем он вернулся в эту давно опочившую в безвременье глушь? Родная земля под ногами? А что в ней, кроме сырости да истлевших воспоминаний?

Воздух становился ледяным, как если бы зима взглянула в осеннее окно и послала солдату воздушный поцелуй.

- Твои товарищи простили тебя и ушли. А мне бы следовало наказать посланца от деревни. Но я, пожалуй, не стану делать этого. Более того, в награду за услугу, оказанную нашему роду, я помогу тебе вернуть дом. Кто знает, может рядом с моими владениями все же поселится могущественный колдун. Он-то явно воспитанный человек, не станет молодых змей ловить по осени. Посмотри на меня! - последние слова прозвучали призывно, как горн над полем боя.

Ласс вновь поднял взгляд, и золотые очи погрузили его сознание в туман.

Колдун не запомнил, как дошел до поселения, только тело еще хранило нотки поразительной легкости, когда мужчина переступил порог своего дома.

В темноте слышался шорох, и под вспышкой света из углов поползли змеи, Ласс понял, что дом полностью принадлежит ему.

Чешуйчатые гости уже не помнили свою человеческую суть, но, гонимые страхом, выползали под лунное небо. Колдун вдруг рассмеялся, глядя как серебрятся змеиные движения в осеннем безмолвии.

А хозяйка ночи, круглобокая луна, примерила янтарный цвет. Интересно, а староста так и остался почивать в своем белокаменном доме или тоже шипит где-то в траве? Надо будет поутру его навестить.

МИНИАТЮРЫ

Снегом окрещена осень, спит себе в лисьем сердце.

Где ты, огненный царь, лисовин порубежной нави, что с охотой ворует у странников их мечты из горячих рук.

Ты бы вернул мне имя, кем же иначе возвращаться в край родной. Я столько желаний оставил за горами, в чужой земле. А мне взамен за верность от князя лишь гроши щекочут ладонь, как шутка алой осени.

Синеглазое небо запуталось в корчах сосновых, где ветви умерли в огненном торжище. Так яро дышала война наша, истлевшая до таких границ, что даже забыли образ врага или матери.

А я только легендами детскими жив и есть ли мне куда вернуться теперь с мечом в руках, когда серебро в голове тяжелее истершейся кольчуги...

Оборотник рыжий, вспомни хоть ты меня юношей, плутовавшим в лесах твоих... Других-то памятников не осталось, да были ли... А уж я бы душу кажется отдал бы, только б она не болела...

Мертвые сосны ранней весной кутаются в голубой покров.

Солнце перед вечерней молитвой зорко ищет мой силуэт среди талых снегов. А я все не верю, что весна настала, и смотрю, как уходишь ты.

Прочь из этих мест, даже вздоха не оставив в сизом оперении марта. Все еще гадаю, я ли подарила облик людской бравому волку. Или ты от рождения ныряешь из яви в явь. В канун последних холодов мне все еще мерещится наш не выросший лес.

Я все чаще хожу к окраинам, где среди березок намечен путь для соснового детства, и духи юные спят в земле, ожидая рождения. Как теперь скажу этим тихим странникам, что им все так же почивать в земле зерном и надеждою скорлупной...

И небо в сем отрезке лесного царства будет все так же свободно от игольной щекотки гордых шапок древесных... Ведьма теперь легка, как птица перелетная, провожаю тебя тенью взмахов над глухим бором... Мне-то сил отмерено было на двоих, а теперь, как умершее дерево, внутри пустая...

И не горько, не сладко пьется шиповник в кипятке... Как вспомню взгляд твой долгий и слова в прядях запутались... "Не твой зверь, моя бесценная. Волю я свою тебе не дарил". Верно ли усмехнется слепящее солнце, застилая твой путь молочным ударом.

Если б видели вы его - этого гордого волка, что боится рук моих, как капкана спящего под опавшей листвой.

О, для меня стужа в его глазах, точно грозой казненный сад, болевое сокращение в запястьях. Будто знак, что не мой зверь спрятался за человеческой маской, и лес сей верит только собственной тишине. Но разве лечат ольховые думы смирением, когда рассвет алый заполняет собой весь дол.

И мы еще по-ребячьи дерзко уходим к холмам смотреть, как волки покидают долину в предчувствии алчной стужи. А я все надеюсь, что один из стаи вернется в наши края человеком...

Взгляд одинокого волка, прячущего свою долю леса в снежных перевалах, храмах бесконечной зимы...

Где даже человеческая суть кажется смехом над истиной. Если бы не торопливая письменность в твоей тетради, черным по извороченному... брюху общего дня. Вполне резонно было бы хвататься за оледеневшее ружье, сросшееся с призраком «врага» и, зажмурившись, все же надеяться, что волчья хватка пересилит страх.

И ты примешь как истину мою исповедь - среди тысячи «смертей» самая желанная прикрывается твоим обликом. Боже, как долго я угасаю на выдохе, когда невинной стайкой вокруг тебя вьются девушки, и веселит меня только твоя монотонная блажь...

Привычного холода волчья сущность дремлет в снисхождении к бранным и слабым. Будто играя навывлет вопреки чужим неудачам, я люблю гладить зверей против шерсти. Особенно если вместо хриплого рыка волк откликается тактильным повиновением. Может быть, из озорства или детской мести в этот момент я резко отдергиваю руку.

Мир сужается до ощущения чужого тепла... запаха... и голоса, что вдогонку становится мягче на долю. Но потом снова куется льдом. Обожание чужой неуступчивости делает мою весну прочной, как крестовый купол старой церкви... Хоть я и борюсь с язычеством в мыслях и чувствах... Все же слишком охотно гуляет твоя тень по слепым закоулкам мая...

Не горька ли по вкусу зима? Тебе, ведьма, теперь остывать в первом вестнике холодов. Только лес обнимает резьбу смоляной, обещает вернуть ушедших... сыновей под кров родной.

И чаши аукают робко, три имени в чаше гадальной, под кромкой воды. Месяц - страж дерзкой стужи провожает всадников белых до самых крайних земель. А заря клянется сохранить их себе в женихи.

Только спящих лоцин чернота нынче теплее родных стен, где пусто до горла, первая седина со снегом сошла на темя. Птицей бы взвиться, талисманом в родные ладони, да вшила все силы лентой в кольчугу и бравым багрянцем тяжелеет рыцарский плащ.

Ночь - камерное мероприятие, где звучат голоса двух скрипок. Они еще помнят свою еловую душу, может, поэтому так храбро врываются в чернооковую дрему города, подыгрывая дымным сном. И каждый огонек, оживший в этой тьме, в бетонном перемирии остывших стен, разве не путь к буреломам сновидящих...

Там-то звуки острее скрипичных трелей. Там души людские по дикости куда резвей живых лесов, порой на трубный рык сильны. И песнь ночных плутовок со смычками пугает их чудные сны, внезапно из тьмы порожной вырывая капища и тризны. Гул трансформаторных чудищ заглушает священное хождение в народ.

Остатки дня в моем уставшем дневнике под лампой, будто бы в насмешку вспоминают о сирени и солнечном веселье. Когда тебя я провожала вслед за отцом и старшим братом к голодным залпам поезда. Тебя...

Того, кто мал из младших, с восторгом зычным кричит замлевшему перрону: "К оружию! Мы братья!"

И задышал оркестр громом. А я вместо людей с цветами видела обугленные рожи и руки прятала в платке, как знамя теребя махристые тюльпаны. Семь дней у наковальни и в путь-дорогу меч тебе, как символ воинских побед, уже живущих в острие клинка. А вот теперь лишь я да кот следим за тем, как пустеет город в неизбежных пиках трели...

Так холодны звуки, что властвуют над спящими людьми. Я в них ищу хотя бы тень пугливой весточки... Оттуда же... Все с фронта, больше нет мест, долина опустела... И дом наш стал просторным без твоих напевов.

Иванов Александр

Доцент кафедры «Гражданское право и процесс» Волжского университета имени В.Н. Татищева, кандидат юридических наук

Я давно не пишу стихи,
Не скажу, что меня тревожит
Брызги темной, глухой тоски,
Пятна ветра и шелест кожи
Я давно не пишу стихи,
Не скажу, что наш мир страдает:
Позабыв о тепле любви,
Он в бирюльки свои играет
Я давно не пишу. И что?
Разве это меня стреножит?
То, что было во мне ушло
Не вернется уже, быть может.

Они являются как дети,
Что породил – не знаешь сам,
А лишний слог в твоём куплете
Пришел как гость, что был не зван.
Стихи рождаются как ветер,
От края мира и за край.
Их много прячется в поэте,

Хоть подходи и выбирай.
А творчество, оно как море
В глубинах – вечный полумрак,
И я сажусь в свой плотик бедный,
Сколоченный весь кое-как.

Не верь земному – пыль и суета,
А может – голограмма мироздания.
Для высших сфер – понятна и проста,
Для нас – предел доступности желанья.
Не бойся смерти – мрак и пустота
Нас окружают - ты не выбираешь.
А там тебе доступна высота,
В плоть облаченный в ней не побываешь.
И не проси ни денег, ни любви,
И так дадут, к чему твои стремленья.
Грузить себя на жизненном пути –
Все суета и вечное томленье.
Верь в бытие, создания его факт
И бойся обмануть предназначенье,
Проси любить врагов своих за так
И слышать неземные песнопенья.

Мой милый друг, бываешь ты сердит,
Когда тебя разбудишь раньше срока.
Утварь в твоих руках как гром гремит,
И чувствую себя я одиноко.
Мой юный друг, не нужно лютовать!
Смотри, как солнце золотит верхушку ели,
Вот снегири, а рядом – свиристели,
Восторженно давай рассвет встречать!
Когда-нибудь (и гложет эта мысль)
Все потускнеет – краски и желанья,
Так будем же любить мы каждый час,
Мой милый друг, с восторгом упования.
Когда солдат идет к себе домой,
В его душе грохочет пламя сечи,

Проходит ночь и наступает вечер,
Во сне и наяву ему пылать.
Когда окончим мы свой краткий век,
И все, что было важно, растворится,
В своей душе на небо унесем
Все то, во что сподобились влюбиться.

Федорова Татьяна

Редактор Волжского университета имени В.Н. Татищева

ДЕТСТВО

Милое, доверчивое детство.
Царство, где всегда цветные сны,
Где живут со мною по соседству
Феи, чародеи, колдуны.

Там цветут подснежники зимою,
А в шкафу живет веселый гном.
С зонтиком цветным Оле-Лукойе
По ночам приходит тихо в дом.

Там живет за печкой домовенок,
Сказки собирая в сундуках.
Там обычный маленький котенок
Ходит важно, будто в сапогах.

А цветочек аленький волшебный
Там на подоконнике растет.
Дед Мороз с Снегурочкой по снегу
Там приходят каждый Новый Год.

А года уходят и уходят,
В детство дверь закрыта навсегда,
Жаль, что корабли туда не ходят,
Жаль, туда не едут поезда.

Но когда мне очень трудно станет,
Я своим невгодам улыбнусь,
Прошептав на память заклинанье,
В царство детства снова я вернусь.

Здесь меня надежды не обманут,
Поделюсь невгодами скорей –
Веселей и радостнее станет
По желанью добрых милых фей.

Закутал вечер в голубую шаль
Проспекты, парки, улицы, дома.
Ты знаешь, милый, мне уже не жаль,
Что в твоём сердце снежная зима.

Я не жалею, что в твоих глазах
Не жар любви, а лишь холодный лед,
Я не жалею, что в твоих словах
Лишь холод отчуждения. Пройдет.

Пройдет тоска по ласковым глазам,
Объятаям нежных, сильных рук твоих,
По прошлому, по нашим теплым дням,
Когда мы все делили на двоих.

И боль, и радость, счастье и беду,
Улыбки, слезы, веру и надежду.

Ты позови меня, и я приду.
Ведь я люблю тебя, люблю как прежде.

Твой поцелуй последний будто лед,
Твои глаза – холодная зима.
Мне очень больно, милый. Но пройдет.
После зимы опять придет весна.

Я все прощу. Лишь будь со мною рядом.
Приду к тебе, ты только позови.
Растает снег от ласкового взгляда,
Я растоплю твой лед огнем любви.

Ну, а пока я просто подожду,
Когда придет минута нашей встречи.
По одиноким улицам пройду,
А вечер шаль набросит мне на плечи.

Я отдыхаю от тебя,
От твоих глаз, твоей улыбки,
Чтобы от роковой ошибки
Уберегла меня судьба.

Я отдыхаю от тоски,
От лжи, от боли и печали,
Чтоб до утра со мной молчали
Огни проспектов городских.

Я отдыхаю от тревог,
От суеты, забот, препятствий,
Чтобы найти земное счастье
На перепутье трех дорог.

Я отдыхаю от весны,
От многоцветья, буйства, света,
Чтобы до самого рассвета
Мне снились сказочные сны.

Я отдыхаю от любви,
От ласки, нежности, тепла,
Чтобы потом сгореть дотла,
Когда зальются соловьи.

Я отдыхаю от всего,
Что меня в жизни окружало,
Чтобы потом начать сначала
Любить и верить всем назло.

Смешала белая метель
Любовь и ложь твою.
Из снега ледяной коктейль
Я каждый вечер пью.

Страдать напрасно по утрам
И плакать запретив,
Из тоненьких кристаллов льда
Я пью аперитив.

А по ночам, когда луна
Глядит в мое окно,
Пью в одиночестве до дна
Из инея вино.

Когда приходит новый день,
И солнце смотрит в дом,
Не вспоминая о тебе,
Я пью морозный ром.

Ты мне не близкий, не родной,
Не друг, не враг, не брат...
Наедине с своей судьбой
Я пью на брудершафт.

МОТЫЛЕК

Я, будто ночью мотылек,
Хочу твоим теплом согреться.
Лечу на яркий огонек,
Чтоб сжечь израненное сердце.

Чтоб сжечь страданье, злую боль,
Упреки, слезы, ложь, обиды,
Чтоб сжечь несчастную любовь
И обещаний пирамиды.

Чтобы о прошлом не жалеть,
О будущем не волноваться,
Меняя золото на медь,
Сквозь слезы чтоб не улыбаться.

Чтобы не ждать мне день за днем
Того, кого люблю безумно.
Ночным летаю мотыльком,
Ищу приют под небом лунным.

Я, будто в пьяном забытьи,
Смеюсь, шучу, страдаю, плачу...
Я просто не могу иначе –
Не ждать, не верить, не любить.

Когда я залечу на сердце раны
И снова улыбаться научусь,
Забуду все жестокие обманы
И после сна кошмарного проснусь,

Когда спокойно буду спать ночами,
Не стану на ромашке вновь гадать,
Своими нежными, но горькими слезами
Подушку перестану осыпать,

Когда, с надеждой новый день встречая,
Смогу я засмеяться от души,
Когда растают беды и печали,
Как утренний туман, как миражи,

Когда, усевшись в кресло с чашкой чая,
Укутав плечи в теплый, мягкий плед,
Я вдруг пойму, что по тебе скучаю,
Что все размолвки наши - просто бред,

Тогда я побегу без передышки
Тебе навстречу, прикоснусь рукой,
В глаза твои взгляну, и ты, мальчишка,
Поймешь, что будешь счастлив лишь со мной.

Чем больше любовь, тем сильнее страданья.
Ты просто молчи – не хочу оправданий.
И взгляд опускать свой не надо, поверь мне,
Красивым словам я больше не верю.

Я больше не верю придуманным сказкам,
Что ты меня любишь, что жизнь так прекрасна,
Как в добрых мультфильмах Уолта Диснея...
Я больше не верю. Я стала взрослее.

Не надо вздыхать тяжело и устало,
Слова извинений шептать запоздало.
Твоим оправданьям я больше не верю –
Пойми, это очень большая потеря.

Последний день зимы

Последний день моей зимы,
Последний день живу в надежде,
Что ты придешь ко мне как прежде,
И будем неразлучны мы.

Последний день зимы. Февраль.
Метель все снегом заметает,
И прошлое не выпускает
Меня из уз своих. Как жаль.

Последний день зимы. А я
Вдруг на пороге жизни новой
Хочу с метелицей пуховой
Умчаться в чудные края,

Где нет печалей и разлук,
Где прошлое не будет прошлым,
Где наше счастье так возможно –
Слиянье губ, сплетенье рук.

Последний день зимы. Земля
Застыла в ожиданье чуда.
Придет весна. Я все забуду.
Последний день зимы. А я...

Я иду, как по краю земли,
Шаг неверный – и я пропаду.
Ранят руку осколки любви,
Растрепалась коса на ветру.

Просто нечего стало терять,
И в душе нестерпимая боль.
Заплатила судьбе по счетам,
Стала старше теперь на любовь.

На любовь стала старше, на жизнь,
На обиды, на горечь разлук.
На ладонях моих миражи
Нашей нежной любви сладких мук.

Я рассыплю осколки любви
И рубцы залечу на руках.

Пусть иду я по краю земли,
Но я крепко держусь на ногах.

Горят костры – сухие письма лета –
И сладким дымом тают в небесах.
А в тех кострах – закаты и рассветы,
И звонкий смех, и горькая слеза.

Сухие листья, догорая, помнят
Улыбки милых, нежные слова,
В любви признанья, страстно-робкий шепот,
Как от любви кружилась голова...

А может быть, среди засохших листьев
Свидетели и наших с тобой встреч?
Ах, если б было можно в этой жизни,
Как листья, боль воспоминаний сжечь.

Охапки листьев я в костер бросаю,
Как дни разлук, потери и утрат.
Они сгорят, останется лишь память,
Как пепел догоревшего костра.

Я так хочу увидеть снегирей.
Как странно... снегирей рубинно-алых,
Пусть за окном до самых звезд апрель,
Моя весна немного опоздала.

Хочу поймать снежинку на ладонь
И превратить в слезу своим дыханьем.
В остывшем сердце не горит огонь,
Но жгуч мороз январским утром ранним.

Апрель, постой, не торопись, прошу!
Я так ждала тебя, но ночью темной

На снегирей, позволь, я погляжу
И вновь вернусь в весну. Апрель, позволь мне!

Чтобы любовь плескала через край
Из моего хрустального бокала,
Горят пусть поцелуи на губах,
Как грудки снегирей рубинно-алых.

ГРЕХ

Тает снег на полях. Тает снег.
Обманул ты меня – это грех.
Ты любовь обманул – согрешил.
Как в грязи, наши чувства во лжи.

Блики солнца по лужам – апрель.
Ручейкам подпевает капель.
Но зачем без любви мне теперь
И апрель, и весна, и капель?..

Без любви жизнь – крошечная тьма,
И весной, и летом – зима.
Пусть в душе леденящая грусть,
Я простила тебя, я не злюсь.

Тает снег на полях. Тает снег.
Обманул ты меня – это грех.
Ты любовь обманул – согрешил.
Помолись за спасенье души.

Вся жизнь – грамматики тетрадь.
Ошибки совершаю вновь.
Устала чистую любовь
Я от подделок отличать.

Судьба опять беду пророчит,
Но вопреки ее словам,

Я ставлю запятую там,
Где надо бы поставить точку.

Сначала жизнь свою начать,
Перевернуть листок тетрадный.
Ах, если бы я перестала
Ошибки в жизни допускать!

Я люблю рассмеяться
От души и до слез,
Я люблю затеряться
В нежной роще берез.

Я люблю, чтоб с разбегу
В озерную гладь,
Я люблю из-под снега
Цветы доставать.

Я люблю окунуться
В аромат алых роз,
Я люблю дотянуться
Рукою до звезд.

Я люблю утонуть
В летнем зное,
А еще я люблю
Быть с тобою.

Я сегодня одна.
Вдруг в окошко звезда
Мне лукаво, шутя, подмигнула.
Растворяются сны
В нежном свете луны,
В ночном бархате я утонула.

Позабыты дела,
Позабыты слова,
Все обиды, печали, тревоги...
Мне опять не уснуть,
Надо мной Млечный Путь,
А к нему – золотые дороги.

Из сверкающих звезд
В небо тянется мост,
По нему я бегу беззаботно.
От дневной суеты,
Городской духоты
Этой ночью я снова свободна.

Голубой небосвод,
Ярких звезд хоровод,
Все в небесно-сверкающих красках.
Вновь со мною мечты,
А в мечтах снова ты...
Это просто волшебная сказка!

Ясным утром рассвет
Красит в розовый цвет
Моих звезд голубое сиянье.
Вместе с солнцем проснусь,
Своим снам улыбнусь
И звезде подмигну на прощанье.

Потерявшим надежду и веру святую
И даже любовь, что была так светла,
Утратившим счастье и радость земную,
Посвящаю я эти простые слова.

Сквозь лед равнодушья и боли жестокой,
Сугробы тревог, что судьба наметет,
Однажды, поверь мне, несмело и робко
Подснежник надежды опять расцветет.

Надежда всегда умирает последней,
А если ее прорастает росток,
То нужно, поверь, лишь немного терпенья,
Чтоб тонкий и хрупкий окреп стебелек.

Тогда не страшны ни туманы, ни грозы,
Ни ураган, что бывает жесток.
Подснежник польют ожидания слезы –
Распустится веры волшебный цветок.

А если умеешь надеяться, верить
И ждать, то душа твоя вновь расцветет.
И в сердце твое через тайные двери
Любовь настоящая тихо войдет.

В жизни немало нас ждет испытаний –
Реку судьбы не проплыть без потерь.
В водовороте жестоких страданий
Ты просто люби, надейся и верь.

Счастье, милый, - это знать,
Что кому-то очень нужен,
Когда есть, кого обнять,
Для кого готовить ужин,

Утром кофе приносить,
Раньше поспешив проснуться,
Поцелуем разбудить,
Нежно-нежно улыбнуться,

Есть кому «люблю» сказать,
На работу провожая,
И шагов усталых ждать,
Дверь навстречу открывая,

С кем не надо сочинять
Темы для бесед приятных –

Можно просто помолчать,
Все без слов давно понятно,

С кем в любые холода
Можно без огня согреться...
Счастье, милый, лишь когда
Рядом бьется твое сердце.

Иванов Герман

Выпускник юридического факультета Волжского университета имени В.Н. Татищева. Любит читать, увлекается жанрами фантастики и философии, коллекционированием монет и банкнот, музыкой. Пишет стихи около 8 лет. Жанром футуризма заинтересовался еще со школьной скамьи

Поэма
ВОСПОМИНАНИЯ
(футуристический уклон)

Глава 1

Здравствуй, дорогой читатель,
Давно не слышали друг друга мы.
И новой повестью, мечтатель,
Хочу я пожелать вам всем любви.
И этот добрый мой посыл
Хочу оставить вам надолго,
Как автор вечных добрых сил,
Мечтаю с вами свидеться задолго.
Так вот. О чём поэма? Сей же свет.
О путешествии «планет»,
Планеты те - как все мы с вами -

Блуждают на нитях пути,
Который прозвучит, как Млечный,
И как тут человек беспечный
Откроет заново миры?
Начну же я повествованье,
От первого лица пишу.
Проснулся я, увидел вдруг посланье
И фразу в нём: «Всё, я лечу!»

Глава 2

Посланье было от друзей,
И почерк в нём красивый тоже.
На вид красиво, как музей,
И на меня ведь не похоже.
Читаю. Те же в нём слова:
«Привет, мой друг, и как дела?»
А дальше что-то новое идёт
И приглашение в полёт.
Какой полёт? О чём тут смысл?
Окинула меня тут мысль.
Читаю дальше: «В Вифлеем»
И подпись проще: «Лекс Ф.М.»
Я понял, кто это, друзья,
Окутав знанья жития.
Звоню ему как бы не зря,
Для договора встречи тоже
Чтобы назначить сей же день,
И вижу вдруг его тут тень.
И, повернувшись пред собою,
Смотрю в него, глаза, как тень.

Глава 3

Увидел я его, друзья...
И он не поленился тоже,
И мы обнялись, как князья,
На нас же было не похоже.
Не видел я его сто лет

И поменялся вОкруг свет.
Всё тот же человек, как был,
Остался в нём всё тот же пыл.
Вдруг, он спросил, не промедляя:
«Собрал ты вещи для лентяя?»
А я ответил же в ответ:
«Такого и в помине нет».
Заулыбался он, друзья,
Как будто строгий судия,
И пригласил в свою карету,
И сразу начал ту беседу:
«Поедем мы, друг, в Вифлеем,
Посмотришь ты весь этот город,
Увидишь же, как он священ
И, несмотря на возраст, молод...»

Глава 4

И ехали мы, друг, туда
И день и ночь,
И день и ночь,
И проезжали города
Всё прочь и прочь,
Всё прочь и прочь.
Остановились отдохнуть
В одной деревне – «Руть»,
Сложили вещи на постели,
Легли же спать, как на картели...
...Вдруг стук же в дверь, как молоток...
...И по звучанью он жесток...
Я проснулся, подошёл к двери,
Услышал за нею шаги,
«Кто там?» - спросил я из-за двери
И слышал звуки сей метели.
Не понял, что же происходит?
Моя глава с ума что ль сходит?
Открыл я дверь и вижу....
Пред собой соседа Гришу....

Глава 5

«Здравствуй, странник дорогой,
Куда же путь ты держишь свой?»
Я не понял вдруг спросонья:
«Что ты, друг, спросил... про пони?»
Он засмеялся, отошёл,
Через секунду же вернулся:
«Зачем же ты сюда пришёл?..»
Сказал он тут и улыбнулся.
«...Мы с другом едем в Вифлеем,
Посмотрим мы весь этот город
Увидим же, как он священ,
И, несмотря на возраст, молод...»
Выдал я на автомате
Сию же фразу, не мою,
Вдруг пол тут скрипнул во всей хате,
И Лекс идёт, как бы в бою
«..Ты что проснулся?.. Спать не хочешь?..
Ведь нам же ехать далеко...»
Увидел Гришу, он очнулся
И долго же смотрел в него.

Глава 6

«Предлагаю вместе ехать», -
Сказал тут Лекс и отошёл.
А я даже был готов и съехать
С той деревушки. Произвёл
Же впечатленье Гриша тоже,
Одетый был ведь как вельможа,
Котомка сверху и рюкзак,
Замызганный до дыр пиджак.
И среагировал же сразу:
«Я вас на улице тут жду»
Оттарабанил сию фразу,
Закрыв же дверь ту на ходу.
Мы с Лексом тут переглянулись,
Оделись и переобулись,

И вышли к поданной карете,
И Гриша был уже в квартете,
Не постеснялся, сел тут в бричку
И сразу же достал тут спичку.
Мы были в шоке, господа,
А ехать надо ... в холода.

Глава 7

Стояли мы минут так двадцать,
Ничего понять же не могли.
Ведь нам же в Вифлеем так клацать,
И Гриша как из-под земли...
Вдруг Лекс прервал сие молчанье:
«Раз ты пришёл – садись, посланье...»
С сарказмом вдруг сказал он тут.
Через минуту едем дальше,
Проехав лес, проехав поле,
Проехав заново то море
Цветов, указанных тут на заборе.
И тут прошло часа так два,
И вдруг же въехали тут в город.
Повсюду тут была ботва,
И я подумал вдруг: «Тут голод?»
Закрывают лавки, двери, ставни,
Как будто город стародавний,
Остановившись у ворот,
Мы ждали тут, вдруг кто придёт.
Открылась дверь одной из комнат....

Глава 8

Мы все стояли в забытии
И ждали, кто ж оттуда выйдет.
И время шло, как в мире. Где
Жар-птица освещает...изыйдет.
И, вспомнил, други, я ту фразу,
Которую мне Лекс сказал тогда,
И передумал не по разу:

«А в чём ж его тут доброта?..»
Я посмотрел на возраст – молод!
И, несмотря на все года,
Священ же он, весь этот город,
А история - немолода...
Из комнаты той вышел парень
И пригласил нас всех к себе.
Вошли же внутрь – пол янтарен,
Не как же в бывшей той избе.
«Располагайтесь гости-друзи,
Сейчас же чай прибудет. Слуги!»
...И прибежали чрез минуту,
И принесли по изумруду...

Глава 9

Разглядывал я сей кристалл,
В руках он будто бы всё таял,
То вдруг же становился, как металл,
Я в нём, друзья, души не чаял.
«Это вам, друзья мои», -
Сказал тот парень в балахонах
И удалился в закрома свои,
А мы стоим, как в миллионах.
Через минуту он вернулся,
Присел же с нами вдруг за стол
И сразу нам тут улыбнулся:
«Ну как дорога, друг? Простор?»
Мы тут ответили не сразу,
Не понимали сей вопрос,
И тут же Лекс обмолвил фразу,
Прервавшую весь тот допрос:
«А что пустил ты нас так сразу?
Ведь мы знакомы с гулькин нос,
И сразу подарил тут по алмазу?
Скажи же проще, друг мой, Хос?»

Глава 10

Он повернулся вдруг, подумал,
Потом же посмотрел на нас,
Как будто что-то против нас удумал,
И затаил всё про запас:
«Нет, нет, друзья мои, пардон.
Ведь я же знаю, что вам надо.
Простите мне мой моветон,
Но с пониманьем трудновато
Мне. Ведь вы приехали сюда
Не за священством, не за властью,
Не за возрастом, друзья,
И все беды, все ненастья
Из-за вас же, господа...»
...Мы не могли в это поверить,
Ведь все мы доброй воли люди.
«...Ну, прикажите нас проверить!» -
Сказал тут Лекс всё же по сути,
И что вы думайте, друзья?
Ведь налетели господа
И стали проверять нас тут же.

Глава 11

Проверили они нас, друзья,
Ничего же не нашли.
Такие вот тут были слуги,
Будто мы их напрягли.
И ушли вдруг восвояси,
И я сказал ему: «Не зли!
Друг ты наш любезный, тоже,
Ты нас лучше уложи!..
И накорми, и напои...
Мы с дороги же – пойми!»
Через час же был обед,
Подали же тут омлет
И кисель, и заварушки,
Много сахарной ватрушки.

Хос стоял всё же в смущенье
И спросить тут всё хотел,
Через минуту всё ж промолвил,
Так, как будто просвистел:
«Зачем же вы сюда пришли?
Скажите прямо, мы ж на «ты»».

Глава 12

Я хотел сказать ту фразу,
Знаменитую вовсю,
Ту, которую мне Лекс однажды
Вдруг сказал же поутру.
Но Лекс меня опередил
И промолвил по-другому:
«Ты нас вроде наградил,
Напоил и накормил.
Зачем тебе все эти кости?
Ведь мы ж сегодня твои гости...»
Тут Хос подумал и сказал:
«...И правда, надо бы похвал...
И всё же, странник мой, купец...
Скажи же правду, наконец...»
Тут Лекс подумал, приуныл
И сказал же всё по-новой:
«Ты, спасибо, наградил
Имел порой влиянье,
Мы пришли сюда за властью,
За твоей, и за моей...»

Глава 13

Я не мог поверить в это,
Что сказал же Лекс ему.
Я-то думал, просто где-то
Повеселимся же в году,
Посмотрим мы весь этот город,
Посмотрим мы, как он священ
И, несмотря на возраст, – молод

Стародавний Вифлеем
Я хотел его прервать:
«Что ж налгал ты мне опять?
Я посланник доброй воли,
Драться властью не хочу
И не иметь же подлой боли...»
Быть собою поутру,
Так лучше будет, я подумал
И ушел оттуда, други,
Мне противно стало всё.
Пропустили меня слуги,
Дверь за мной закрыли. Всё!
Вдруг за мною Лекс бежит...

Глава 14

...И что-то вслед мне говорит:
«Повеселимся, друг мой милый,
Я кристалл нашёл сапфирный...
Там и золото, брильянты,
Многоценные караты...
Что ж не рад ты этой вести?
Ведь их было там штук двести!
Разбогатеем, заживём
И уедем же потом
Жить на отдых в тёплых странах!
Будто заново... Пардон!
Ты не слушаешь меня?..»
Я смотрел же на себя,
Был в понуром настроенье:
«Что ж ты предал, друг, меня?
Тебе не нужно то священство,
Упоминаемое тобой,
Тебе же нужно то богатство,
Прикрываемое собой».
Лекс от этих слов поник...

Глава 15

Я тут же быстро сел вдруг в бричку
И ехать быстро приказал.
Ямщик же дал и сигарету, спичку,
Но я ему тут же отказал.
Лекс ведь долго не решался
Сесть в карету, ехать дальше.
Я же сразу тут вмешался:
«Думать надо было раньше!
Садись давай, поедем быстро,
Ты ведь дома хочешь быть.
Место тут твоё ворсисто,
Не успеешь ты словить
Болезнь». И отвернулся, не смотрел.
Едем мы же быстро, сразу
Едем мы в обратный путь.
Я же тут промолвил фразу:
«Ты меня не обессудь,
Я же гнаться за священством
Не хочу и не могу,
Я же буду ждать погоды поутру...»

Глава 16

После этих слов, друзья,
Лекс уснул, как бы спьяна.
Едем мы всё той дорогой
Вижу я «как у порога»
Всё те поля, леса, моря
И где-то даже холода.
И всё я думал, думал, думал...
«Где то священство?
Где та власть?
Упоминаемая страсть!
Достигли мы ли то блаженство?..
...Достигли мы ли то священство?...»
Вдруг Лекс прервал моё молчанье:
«Сейчас выходим, друг-посланье!»

Сказал он тут как бы спросонья,
И я услышал звук гармони.
Подъехали мы все к крыльцу,
Выходим с брички поутру,
Почуял я тот запах дома
Так, что мне до боли всё знакомо...

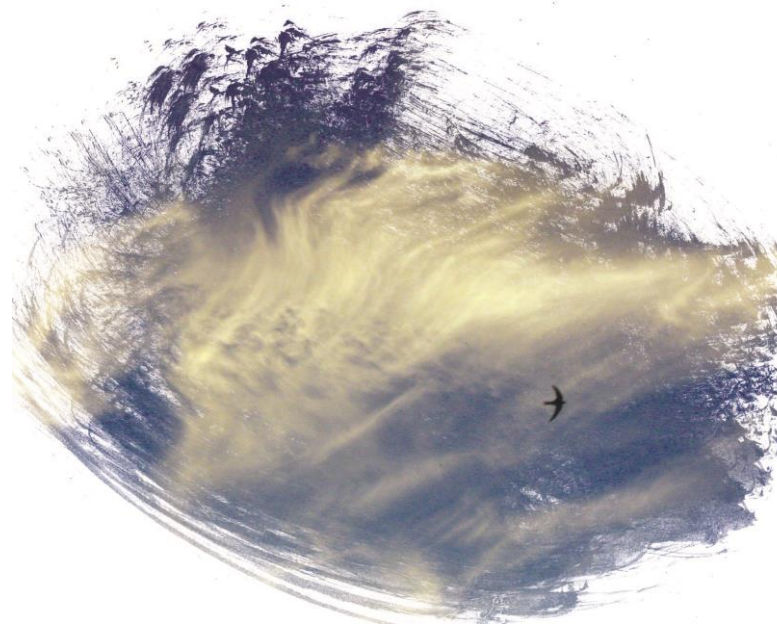
Глава 17

Я направился тут к дому,
Лекс меня остановил,
Пожал мне руку по-другому
И что-то быстро провопил.
Что он сказал, не слышал точно,
Было шумно, господа.
Дверь открыл – тут одиночно,
И увидел – пустота.
Тот философский смысл вложен
В сие названье ощущенья,
Что всем он очень, друг мой, сложен,
Несмотря на все сомненья.
Поразмышляв на эту тему,
Я не понял смысл в ней.
«Нужна ли мне эта дилемма?»
А за окном же всё темней...
...Священства город Вифлеем
Остался в памяти надолго...
Столица местных всех богем...
Когда-нибудь приеду снова.

Глава 18

Вот глава повествованья
Последняя по счёту, друг.
Описать в ней все желанья
Не получится же вдруг.
В заключение сей поэмы
Хотел бы вам тут рассказать,
Что же было после темы

На крыльце у дома. Глядь,
Лекс развернулся и ушёл.
Я пошёл писать посланья,
Быстро разум вдруг пришел,
Пишу я, друг, воспоминанья
О том, как ездил в Вифлеем,
О том, как жил же в той лачужке.
Много разных, друг, дилемм,
И даже то, что жил вдруг в деревушке.
И повесть же получится большая,
За раз её не рассказать,
И сей поток повествованья
Хочу вам в новом томе описать.

Ваганова Полина

Студентка 1 курса гуманитарного факультета Волжского университета имени В.Н. Татищева, специальность журналистика. Мечтает написать и издать собственную книгу. Активно участвует в литературных конкурсах

Пришла ко мне любовь, как жаль, что не взаимно,
И он проходит мимо, а с каждым шагом я
Могу понять печаль свою. Любовь чиста, невинна,
Но он уходит дальше, не глядя на меня.

Его глаза не видят образы влюбленной,
Не существую я... Никто я для него,
И тлеет нежный образ, что в сердце затаенный,
Но стены между нами, не сделать ничего.

Те стены серые тверды и нерушимы.
Полны же стены боли и тех пролитых слез.
Не перелезть и не проплыть... Они непогрешимы.
Они не пустят девочку к объекту ее грез.

Горячими слезами давно я умываюсь,
Но сердце холодеет, и образ тлеет вновь.
И девочка не плачет, уж женщиной являясь,

И в сердце тихо стонет потухшая любовь.
Когда-то я хотела его простых объятий,
И поцелуев жарких, чтоб слезы вытирал.
И за руку ходили б, и, не тая симпатий,
Он с добродушным взглядом меня бы приласкал.

Любовь моя останется же тайной,
И пусть желать я буду, чтоб рядом был всегда.
Но это лишь мечта, и я рукой случайно
Коснусь его ладоней, и счастлива тогда.

Но стоит лишь увидеть его простую радость,
Душа вновь затрепещет, а в голове засело
Признание в любви и поцелуев сладость.
Но сердце разбивал он, душа похолодела.

Он мучает меня своим прекрасным видом,
И взглядом, полным счастья, и видом пухлых губ.
«Я так люблю тебя! Плевать, что не взаимно!!!» -
Мне не сказать. Со мной рок очень груб.

Ты человек, и на небо тебе, незнакомка, дороги нет

Мимо меня пролетает осень,
и птичий косяк устремляется вдаль,
Душа моя им задает вопросы, а в голосе тихом сквозит печаль:
«Почему ваш полет так прекрасен? Почему вам дано летать?»
А птицы, нежно шурша крылами, не собираются мне отвечать.

Но в мгновении птичьего взгляда я нахожу свой ответ:
«Ты человек, и на небо тебе, незнакомка, дороги нет».

Свободой полета всегда восхищалась, мне небо казалось красивой мечтой,
Но я человек в этом мире жестоком, давно поглощенный люд-

ской суетой.

Обыденность съела прекрасные крылья, а может, и не было их никогда,

Летать не умею;

и снова мелькают перед глазами за годом года...

А я ведь летала и помню прекрасно
тот мир, что в душе моей скоро угаснет...

Да, это лишь сны, моя личная слабость,
иллюзия для поддержания смысла во мгле

И эти мечты не дают мне заметить мелькание чисел в календаре.

Уставшая очень, иллюзии эти я променяла б на вечность во снах...

Но утром, проснувшись в житейской реалии,
предпочитаю забыться в мечтах.

И зачем сон уходит мой снова и снова?

Я к этому миру совсем не готова...

Смилуйся, умоляю, всевидящий Бог! Ты ж сотворил человека, природу!

Жизнь тяжела и несчастна для тех, кому страшно менять естество на свободу.

Усмири мою жизнь, всезнающий Бог! Тому ж, кто боится и смерти, и боли,

Душа, заточенная в теле чужом, уж несколько лет замирает в неволе.

Хочу быть свободной, не чувствовать тела,
Ведь именно этого я и хотела.

На крыше сижу я и ночью, и днем.

На небо смотрю и все так же тоскую.

Люблю это место, не знаю за что.

Каждый раз, забираясь на крышу чужую,

Мой взгляд устремляется вверх,

где птицы кружатся все выше и выше,

Наверное, крыши люблю лишь за то,
что к небу душа моя чуточку ближе.
Под темнеющим сводом мне страшно и горько,
От слез помогают мечты, да и только...

Жизнь человека трудна и жестока,
боль ближних мы часто понять не умеем!
Кто сможет помочь тебе, бедный мечтатель?
Лишь тот, кто по жизни тебе не предатель!
Цени, что сегодня уже имеешь.
Тогда и обидеть друзей не посмеешь!

Тебя слышат одни молчаливые звезды,
Излей им всю боль и узри их молчанье -
Они все понимают, но ответить не могут,
И ты просидишь, затаивши дыханье,
В мрачных мыслях своих о смерти,
Свободе,
О полете, об этом прекрасном полете!..
Об одиночестве в серой толпе, о людях,
Несчастьях,
Ну и о судьбе...

ЧТО ТАКОЕ СМЕРТЬ?

Я часто думаю об этом. Что хуже: сама смерть или видеть,
как умирают другие?

Яркая, серебристая луна вышла из-под тучи, и ее лучи упали
на крыши домов. Холодный морозный ветер выл высоко в небе.
Луна осветила черную кошку с золотыми глазами, устремленны-
ми в небо. По ней и не скажешь, что она бездомная: шерсть глад-
кая и ухоженная, нет ни шрамов, ни порезов.

Она сидела на ледяной крыше, подушечки лап уже не ощу-
щали холода. Как давно она сидит там? Уже далеко за полночь.
Каждый вечер она приходит сюда, чтобы посмотреть на закат и
восходящую луну. Она встала и бросила грустный взгляд на лу-
ну, прошла по узкому козырьку и ловко прыгнула на ветку за-

сохшего дерева. Аккуратно, но быстро она спустилась с дерева на опавшие листья, скрывающие голую землю, будто разноцветное одеяло. Осмотревшись по сторонам, она побежала по пустой улице. На сыром асфальте отражались серебряная луна и черная кошка. Сквозь переулок проскользнула тень, она остановилась перед высокой стеной. Кошка сложила уши, на нее нахлынули воспоминания прошлого.

Раньше, будучи всего лишь беззащитным котенком, она грелась рядом со своими братьями и мамой. Именно на этом месте. В коробке, где на дне люди постелили тряпки. Кошку называли Белкой, ведь она была рыжей, и хвост был пушистым, как у белки. Некоторые добрые люди подкармливали их, давали еду и воду, тогда были теплые летние ночи, но приближалась зима, и каждый следующий вечер был холоднее предыдущего. Кошке было трудно прокормить четырех котят, надо было уходить, чтобы достать еду, и, если уйти надолго, малыши могут замерзнуть, а быстро еду найти нельзя, приходилось далеко заходить: приходилось воровать у людей. Иначе было не выжить в жестоком мире. К сожалению, судьба котят оставляла желать лучшего. Одно котенка забавы ради избили люди. Он умер от множества ран. После этого прошло немного времени. Было очень холодно, семья голодала, все они были очень истощены.

Черная кошка легла, казалось, она вот-вот заплачет, совсем как человек...

Белка защищала котят от собак, пытаясь не подпустить их к коробке... Но собаки убили Белку и еще двоих котят. Они хотели убить и черную кошку, но собаки испугались чего-то и убежали, оставив котенка одного. Без семьи. Черная кошка подбежала к раненой матери и попыталась поднять ее, но она была уже мертва. Как и все, кто лежал рядом с ней. Все были мертвы. Их растерзанные тела лежали на холодном асфальте, а в луже крови отражалась белая луна. Она мяукала, призывая свою семью подняться, очнуться... Но это было бесполезно. Она до рассвета пролежала рядом с их остывшими телами, а затем три года боролась за выживание, за свое место в этом мире. Она выжила, и сейчас она на месте тех событий, что произошли тогда.

После этого она видела много смертей. Коты. Они все погибали. Одного собьет машина. Над другим – издевались двуногие. Кто-то от болезни. Все умирали после встречи с этой черной кошкой. Это как метка – проклятие.

Кошка ушла. Она не хотела вспоминать все это. Ее новый дом – куча мусора. Там она спит, там можно найти что-нибудь, что выбрасывают люди.

Идут часы, дни, недели, месяцы. Черная кошка каждый день приходит на крышу. Даже в снег или дождь, даже когда небо затянуто тучами, она продолжает приходить туда. Для чего? Она и сама не знает. Ей нравилось находиться на крыше, ведь так она ближе к небу.

Черной кошке уже семь лет. Семь лет, как она борется за выживание. Последние пять дней, она ничего не ела. Черная кошка ослабла и последний раз пришла на то место. Она чувствовала, что это последний раз, когда она здесь. Был красивый закат. Последние лучи солнца покидают этот город, а оно само медленно опускается к горизонту, уже не такое обжигающее и слепящее, как днем. Земля погружается в сумерки. А в небе еще некоторое время висит блеклое зарево. Солнце прощается и с кошкой, прогревая ее последними лучами. Кошка знала, она больше никогда не придет сюда. Всю ночь она просидела на крыше и только под утро ушла. Лучи восходящего солнца согревали землю. Это был холодный день. Приближалась зима, и на горизонте виднелись снежные тучи, они быстро приближались к городу. Кошка гуляла по улице среди людей, она не пыталась привлечь внимание, потому что знала – она никому не нужна в этом мире.

Проходящие люди куда-то спешили, они не обращали внимания на кошку. Забравшись на забор, она увидела домашнего кота. Трехцветный весело играл с мальчиком. Он бегал за игрушечной мышкой, он охотился, как дикий. Кот прыгнул и поймал мышку, а мальчик погладил кота. Домашние отказались от жизни на улице, приспособившись к жизни рядом с людьми, которые дают им еду и воду. Даже искать ничего не надо. Еда, вода, забота, все, что нужно для жизни. Двуногие предпочитают брать ко-

тят, а не взрослых, ведь котята маленькие и с ними интереснее играть. И берут они их из приютов, зоомагазинов, ведь там они ухоженные, а на улице грязные, кому они нужны такие? Никому...

Кошка прошла по забору и спрыгнула, она увидела несколько человек, державших в руках палку, на конце которой была круглая леска. Люди медленно приближались к черной кошке. Она знала, они ее заберут, она попыталась убежать, но было поздно, леска обвила ее шею. Она изворачивалась, пыталась сбежать, ведь она не хотела умирать. Она боялась смерти. Они сильно держали ее. Дойдя до машины и открыв дверцу клетки, они засунули ее и быстро отпустили. Сделав свою работу, они засмеялись. Кошке оставалось лишь шипеть... Выбраться уже было невозможно. Они куда-то везли ее. Проезжая мимо той крыши, где она сидела всегда, кошка бросила последний взгляд на нее.

Только вечером они доехали до места. Вокруг был лишь лес, деревья были такими высокими, казалось, что они доставали до неба. Все небо было затянуто снежными тучами. Посреди этого леса стояло небольшое здание. Зайдя туда, она услышала жалобное мяуканье своих братьев. Ее поместили в большую клетку. Теперь она в тюрьме. Ни еды, ни воды. Она слушала, как страдают все, кто находится в этой комнате. Время шло. Ближе к вечеру за кошкой пришли, она сопротивлялась, но ей что-то вкололи, и она не могла пошевелиться. Ее занесли в светлую комнату, и положили на стол. Пахло лекарствами, рядом с ней лежал шприц. Она приподняла голову и посмотрела в окно. За окном медленно падал снег. Это первый снег в этом году. В комнату зашел человек, во всем белом, тихо подойдя к кошке, он взял шприц и вколол в лапу жидкость, он погладил кошку, успокаивая ее, будто говоря: теперь все будет хорошо, ты перестанешь страдать. Он стоял над ней и чего-то ждал. Вновь посмотрев в окно, она знала, что никто не вернется за ней, никто не придет. Еще чуток... Кошка закрыла глаза... Ведь бездомные никому не нужны... От их избавляются...

Черной кошке больше не надо бороться за выживание на улице. Ей больше не надо искать пропитание, тепло...

Черная кошка вновь пришла на эту крышу, но теперь никто не знает, что она там. Вокруг падали большие хлопья снега, серые тучи закутали небо, темнело, на безлюдных улицах загорались городские фонари. Кошка боялась смерти, и вот самое худшее осталось позади. Она уже мертва. Ее тело закопали где-то в лесу, рядом с ее братьями. Кошка ушла. На снегу остались только отпечатки лап, которые скоро скроет новый слой снега, и о ней забудут. Все, кто видел ее раньше, забудут о ней.

Сколько бы ни думал, а ведь правду говорят – человеческая жизнь очень хрупкая; сегодня ты жив, а завтра уже мертв. Никогда не знаешь, сколько тебе предначертано судьбой. А еще я никогда так не задумывался о том, кто же мы на самом деле. Я поведаю вам историю о необъяснимом явлении, свидетелем которого я стал.

Четыре года назад, когда мне было двадцать лет, я впервые познал любовь. Встретил, как казалось тогда, ту, с кем мечтал навсегда связать свою судьбу.

Эта девушка стала для меня моим воздухом, моими крыльями, моим океаном и моей жизнью.

Встретились мы в университете, на курсах, и познакомились благодаря нашим общим друзьям, которые на тот момент тоже с нами учились. Эта девушка мне напоминала одно существо: когда она улыбалась, я замечал ее заостренные клычки, она умела мурлыкать и мяукать – совсем как кошка. Мы с друзьями часто повторяли: «В прошлой жизни ты точно была кошкой!»

Ее красивые васильковые глаза, от которых я не мог отвести взгляд, и белые волосы, всегда пахнувшие яблоком, приводили меня в какую-то сладкую истому: всегда хотелось посадить её на колени, устроиться у камина и слушать её сладкое мурлыканье.

Когда она играла на скрипке, все, кто слышал ее, чувствовали себя словно бы в невесомости, будто в забытьи.

Она нередко побеждала во многих конкурсах, и все стены её

небольшой, но очень уютной комнаты были увешаны большим количеством медалей и наград за первые места. Я очень любил её и гордился тем, что моя девушка очень талантлива, красива и ни на кого не похожа.

Мы были безумно счастливы, пока не настал тот злополучный день... Сейчас я очень жалею, что не заметил того, какая странная она была с утра. Еще дома она отдала мне свой черно-белый рисунок кошки с надписью «Я люблю тебя, очень люблю». Тогда я улыбнулся, крепко обнял и поцеловал ее. Ведь я тоже до безумия любил ее. Весь день в университете моя девушка была какая-то грустная и словно летала в облаках. Все знали ее как жизнерадостную личность, но тогда она показалась мне другим человеком. Будто предчувствовала что-то.

После лекции мы решили пойти пообедать в наше любимое кафе неподалеку от универа. Предложил я... и до сих пор виню себя за это.

Только мы устроились за столиком, как внезапно в кафе ворвались трое грабителей в масках. Они сразу потребовали у кассира деньги, пригрозив ей пистолетом... Все присутствующие в страхе прильнули к полу; я закрыл собой свою любимую в надежде защитить.

В кассе оказалось не так много денег, поэтому грабители начали забирать у посетителей ценные вещи. Скоро подошла наша очередь. С легкостью меня оттолкнули от моей девушки и потребовали отдать золотое украшение, висевшее у нее на шее. Оно было моим подарком на день рождения. Сидя на холодном полу, бледными и дрожащими руками девушка сняла с себя цепочку и понуро склонила голову. Человек в маске уже хотел было выхватить ее, однако я не позволил и оттолкнул его, отчего тот, злобно выругавшись, направил на меня пистолет. Сообщники попытались остановить его, но в этот момент раздался выстрел.

Что-то белое мелькнуло передо мной. Я почувствовал запах крови, перебивший запах яблока – мой любимый запах.

Сердце будто перестало биться. Мир стал бесцветным. На секунду у меня потемнело в глазах. Не сразу опомнившись, я бросился к ней, подхватил, быстро убрал белые волосы с ее лица, дрожащими руками коснулся холодеющей щеки. Кажется, тогда я перестал дышать. Даже не мог произнести имени, позвать ее. На меня смотрели два васильковых глаза, так грустно, а я, я будто чувствовал всю ее боль. Из уголка рта стекла капля крови. Выстрел пришелся в грудь, совсем рядом с сердцем, но она еще была жива. Грабители убежали, испугавшись – видимо, они не предполагали, что события примут такой оборот. Но мне было не до них: я кричал, звал на помощь: «Скорая! Звоните в скорую! Быстрее!!!». К нам подбежали наши друзья. Все, еле справляясь с пережитым шоком, старались хоть как-то подбодрить девушку, пытались улыбаться, говорить: «Все будет хорошо! Не волнуйся! Ты будешь жить!» Все видели этот увядающий взгляд, мечущийся от них ко мне. Но скоро глаза девушки закрылись...

Что было дальше, я не помню. Впал в беспамятство. На меня будто обрушился весь мир. По словам друзей, я кричал ее имя, умолял вернуться, крепко обнимал и долго плакал. В тот день воздух для меня закончился, крылья рассыпались, а океан иссох...

Через несколько дней состоялись похороны. После кладбища мы поехали оплакивать ее. Собрались все: сокурсники, друзья, и все, кто знал ее, кроме родителей, которые уже давно погибли. Мы сидели в специальном помещении за несколькими столами. Никто не мог притронуться к еде, каждый был в своих мыслях, каждый хотел, чтобы она вернулась. Особенно я...

Рядом стоял красиво украшенный стол памяти: венки, ее фотография, свечи, цветы и пожелания от близких людей. Мы находились на первом этаже, и дверь на улицу была открыта.

Помню тот пасмурный день в моей душе, как, откуда ни возьмись, появился лучик солнца. В помещение забежала белая кошка. Ее шерсть была белой и чистой, как первый снег. Все присутствующие вопросительно взглянули на нее. Повернув голову, кошка посмотрела на нас ярко-васильковыми глазами. Она

подняла голову и долго смотрела на фотографию девушки, стоящую на столе. Присев поближе к столу, кошка легла, подогнув лапы под себя, закрыла глаза и опустила мордочку к полу. Никто почему-то не спешил выгонять ее, никто не хотел, чтобы она уходила.

Кошка не сходила с места около часа, все это время я изредка оборачивался к ней: все в том же положении. После очередного тоста и слов «пусть ей земля будет пухом», я не сдержался. Заплакал. Снова. Мне было так тяжело. Закрыв руками лицо, плакал навзрыд, но вдруг я почувствовал легкое прикосновение лапки к моей ноге. Открыв глаза, я увидел ту самую кошку. Она смотрела мне в глаза с такой горечью. Я погладил ее, а она положила голову мне на ногу и легла. Мне показалось это странным – не знаю почему, ведь вроде бы не случилось ничего необычного. Но тогда я еще попросту не знал, кто это. По щекам продолжали течь слезы... А кошка встала, снова взглянула на меня и замыкала. Голос моей любви... Никто бы нам не поверил, что кошка плакала. Но она действительно плакала. Я взял ее на руки и обнял.

Кошка пробыла с нами еще час. Каждый погладил ее, чувствуя с ней какую-то знакомую близость. А затем кошка вдруг встала и направилась к выходу. В последний раз обернувшись, бросив на меня долгий загадочный взгляд, она убежала. Я вышел за ней следом на улицу, но никого уже не было. Она просто исчезла.

С того дня я каждый новый день плакал, думая о своей любимой, о том, что больше не увижу ее улыбку, всегда святящиеся от радости васильковые глаза... и больше не услышу ее мурчания.

Однажды, когда я заснул, приснилась мне белая кошка, похожая на ту, которую мы видели в день похорон. Я следовал за ней. Что было дальше, мне трудно объяснить. Белая кошка... стала ею. Той, кого я так люблю. Я обнял ее так крепко, снова заплакал, но она вытерла мои слезы, улыбалась и ничего не говорила. Положив руки на мои щеки, она поцеловала меня и снова улыб-

нулась.

Когда же она отошла от меня, я увидел кошку. Она громко мяукнула, и ее голос эхом отозвался в моей голове. Она стала уходить во тьму... Почему я не позвал ее? Потому что она сказала мне: «Прошу, живи. Я люблю тебя и не хочу, чтобы ты шел за мной. Живи! Прощай...» Все это я понял, услышав одно лишь краткое «мяу».

И вот я прибыл столицу Кореи – Сеул. Мне двадцать четыре года, я владею собственным бизнесом. После того сна я уехал учиться за границу, продолжаю жить, как и сказала мне та, с которой я готов был быть всегда. Время шло, оно и стало моим лекарством, однако я никогда не забуду ее человеком и ее кошкой-духом. Первая любовь не забудется. А потому я очень скучаю по тебе, моя белая кошка.

Пензова Олеся

Студентка гуманитарного факультета Волжского
университета имени В.Н. Татищева.

Любит петь, писать стихи, читать

Ты как чья-то увядшая жизнь,
Как обрывок газеты, спаленный на солнце,
Ты как ком, устремившийся вниз,
Поцелуй, не сорвавшийся с губ...

Осень... Пленительным светом слепила
Глаза. И манила к себе.
Только чем подкупила?
Оттенками желтыми?

Это все ерунда.
Какую ты тайну хранишь, скажи!
Чем манишь в свой мир, без тепла и надежды,
В умирающий сад, опадающих листьев?

Я иду к тебе, ты победила,
Забирай в угасающий, тлеющий мир,
Чтобы скоро опять возродиться,
Чтобы скоро стать снова живым.

В серых улицах, давящих хмурых кварталах
Я брожу, всеми брошенный и пустой,

Что мне жизнь даёт, мне всегда того мало.
Иногда я жалею порой, что родился собой.
В этом мире таком до безумия однообразном
Я пустой и непонятый дикий поэт,
Я бы с радостью все зачеркнул одним разом,
Только, к несчастью, из этого выхода нет.

Это время меня убивает без жалости,
Изнутри проедая, как выпитый яд.
В этом мире больном не прощаются шалости,
Не найти, даже если стараться, пути для меня.

И во мне вместо крови течет одиночество,
Не давая уснуть, ночь за ночью стучит у висков.
Я в печи самокритики жгу свое творчество,
Что когда-то писал на обрывках листов.

И замкнувшись в своем псевдооблачном мире,
Я копаюсь в себе, смысл жизни стремясь осознать.
За спиной у меня лишь обрубки остались от крыльев,
Я уже не смогу по высотам сознания, как прежде, летать.

И наверно бы стоит поддаться мирскому течению,
Дать ворваться в глубины заблудшей души
И подвергнуть свои убежденья сомнению,
А потом где-нибудь притаиться и боль свою тихо глушить.

Только я не такой, кто бросает себя на терзания публике,
Кто, прижавшись к углу, разрешает себя унижать и лу-
пить.
Я частичку свою оставляю в потемках и сумраке,
Оттого, что ее до конца не смогли полюбить.

Это время меня убивает без жалости,
Изнутри проедая, как выпитый яд.
В этом мире больном не прощаются шалости,
Не найти, даже если стараться, пути для меня.

Платонов Максим

Студент 1 курса гуманитарного факультета Волжского университета имени В.Н. Татищева. Пишет рассказы, любит читать, изучает стили писателей

ИЗГОЙ

Недавно я проезжал мимо деревеньки, название которой уже, наверное, никто не помнит. Сейчас от неё уже почти ничего не осталось. И я вспомнил рассказ мамы об одном случае, который когда-то произошёл в этой деревне. Она тогда была ещё совсем молодой и приезжала в эту деревню к своим родителям.

Никто не скажет, да и не вспомнит, как и когда, но в деревне появился Денис Владимирович Небосклонов.

Это был мужчина средних лет, среднего роста. Отличался он от жителей деревни только тем, что молчал всегда да носил маску, закрывающую большую часть лица.

Денис Владимирович устроился работать в детский садик. За все те годы, пока Небосклонов был сторожем сада, он ни с кем из деревни не сошёлся. Никогда и ни с кем не разговаривал. Ни к кому не ходил в гости. Не ходил в кино или же на застолье к Несмеяновым, единственные развлечения деревенских жителей. С ним тоже никто не разговаривал.

За свою угрюмость, молчание и непохожесть на других детсадовские ребяташки прозвали его «изгоем». Прозвище прижилось. Вслед за детсадовцами так стали его называть и жители села.

Прошло около трёх лет, все забыли про него, перестали замечать. Казалось, что его просто не существует.

Однажды загорелась школа. Дети и учителя быстро выбегали из горящего здания. В панике никто не пересчитал детей. А когда, наконец, сделали перекличку – ужаснулись. Не хватало четверых ребяташек. Школа горела... Испуганный народ стоял в стороне.

Пожарную охрану, конечно, вызвали, но все понимали - какие в селе дороги. Быстро добраться не получится.

Мужчины стояли с каменными лицами, а женщины – плакали. Кто-то пытался носить воду вёдрами из колодца. Но разве ведро воды хватит, чтобы потушить такой огонь.

Мать одного из детей, который не выбежал вместе со всеми, металась возле горящей школы и кричала: «Неужели никто не поможет? Где же вы, мужчины?» Толпа молчала. Люди прятали глаза, смотрели мимо, как бы говоря: «Ты иди, а я помогу...». Но никто не посмел пойти первым.

Тут из школы раздался детский крик. Вдруг, откуда ни возьмись, к школе, расталкивая людей, бросился Денис Владимирович, Изгой. Никто не решился его остановить. Он вбежал в горящее здание. Прошла минута, две, три... Никто уже не надеялся, что из школы кто-нибудь выйдет живым. И тут наконец-то показался сторож с ребёнком на руках. Ребёнок был в маске Дениса Владимировича, так было легче дышать.

Все, наконец, увидели лицо Небосклонова, которое он прятал под маской. Оно все было изуродовано, покрыто шрамами и следами от ожогов.

Денис Владимирович передал ребёнка матери и пошёл обратно в горящую школу. И опять вернулся с ребёнком.

И так он возвращался в горевшее здание снова и снова, пока не вынес всех детей из школы. Он был совсем без сил, когда вернулся с последним ребёнком. Кожа его обгорела и висела клочьями. Одежда почти вся сгорела, остатки её дымились и тлели... Он задыхался.

Когда приехали пожарные и скорая помощь, ничего нельзя

уже было сделать. Школа сгорела. Денису Владимировичу доктора тоже не смогли помочь. Он умер там же, у школы.

На похороны сторожа пришла вся деревня. Приехала и сестра Небосклонова – Мария Владимировна. От неё все и узнали, что когда-то в пожаре у него погибли жена и двое детей, а сам он остался жив, но получил страшные ожоги. Лишился и голоса.

Вот так и получилось, что изгоем оказался не Денис Владимирович, а жители деревни, которые даже не пытались узнать, что за человек живёт рядом с ними.

ПОЧТАЛЬОН

Алексей Сергеевич, мигом пробежав три этажа и приоткрыв дверь, крикнул:

- Баб Насть, вам письмо!

- Заходи, - тихим, но очень радостным голосом ответили из дальней комнаты.

Прошло около пяти месяцев, как Алексей познакомился с бабушкой и узнал её историю. Анастасия Павловна была уже почти три года одна, после того как умер её муж. И единственным лучом света в её серой жизни оставался сын. Вернее, его письма, сам он находился в армии, где по своей воле служил уже более пяти лет.

Алексей прошёл в комнату, и его взору предстала картина, которую он видел на протяжении всех этих месяцев: Анастасия Павловна, с несвойственной для такого возраста скоростью, собирала на стол.

- Садись, Алёш, - сказала она и как будто невзначай, но слегка дрогнувшим от волнения голосом, спросила:

- Письмо-то от Никиты моего?

- Да.

- Ну и хорошо. Ты присядь, устал, наверное, за целый день.

Алексей сел за стол, но есть не стал. Знал, что бабушка очень хочет закричать: «Давай же письмо!» Но из-за своей вежливости ждёт, когда он сам его достанет.

- Вот, - сказал почтальон и протянул письмо из сумки.

Анастасия Павловна бережно взяла письмо из руки и стала осторожно открывать конверт. Она с особой нежностью, свойственной только матерям, которые давно не видели своих детей,

вглядывалась в слова из письма, как будто вместо каждой буквы видела лицо своего родного сына.

- Прочти, пожалуйста, - сказала она так жалобно, что нельзя было отказать.

Алексей взял письмо и, пытаясь подражать голосу сына Анастасии Павловны, начал:

- Дорогая мама! У меня всё хорошо. Три дня тому назад к нам привезли молодых призывников и меня назначили их командиром. Теперь я главный - кто бы мог подумать?! Примерно часа через два я буду учить солдат новым приёмам. Надеюсь, они никогда им не пригодятся...

А ты как? В прошлом письме ты писала, что слегка приболела, и тебе помогает почтальон Алексей. Передавай ему мой привет и огромное спасибо. Надеюсь, ты выздоровела, и у вас всё хорошо. Постскрипtum: ты, главное, пиши. Если захочешь, то я приеду навестить тебя. Твой Никита.

Алексей оторвал глаза от письма и посмотрел на Анастасию Павловну. Если бы люди по-настоящему светились от счастья, то он бы ослеп от увиденного. Бабушка как будто стала моложе своих лет. Она ещё долго представляла перед собой образ сына и лишь спустя пару минут сказала:

- Спасибо...Ты, наверное, уже опаздываешь на работу - иди. Я сама тут уберу.

Почтальон, конечно же, не послушался, и только когда помог ей по хозяйству, решил уйти.

Он каждый день навещал бабушку, которой день ото дня становилось всё хуже, она уже не могла самостоятельно прибираться в квартире, и Алексей часто отпрашивался с работы, чтобы помочь ей.

Так продолжалось неделю, и вот однажды снова пришло письмо. Алексей уже не бежал... Он шёл, низко наклонив голову. Каждый этаж казался ему непреодолимым, а количество ступенек - бесконечным. В мыслях была только одна фраза из письма: «Ваш сын пропал без вести». Алексей не понимал и не принимал эту фразу. Что он скажет Анастасии Павловне? Какие ободряющие слова смогут заменить ей сына? На эти вопросы он не знал ответа.

Почтальон приоткрыл дверь и хотел крикнуть, но вместо привычного громогласного голоса, прерывисто сказал:

- Баб Насть... вам... письмо.

Ответом ему была тишина. Алексей зашёл в квартиру. Анастасия Павловна спокойно лежала на кровати, и только её внимательно смотревшие глаза давали понять, что она не спит.

- Привет, Алёш, - сказала она по-доброму, но ему показалось, что его ударили холодным ножом в сердце. Следующая фраза была в тысячу раз больнее:

- Письмо от Никитки?

Нет, - подумал Алексей, - нет! Я не могу сказать ей правду - это может убить её.

А вслух сказал:

- Да.

Глаза бабушки оживились, она даже хотела встать с кровати, но почтальон удержал её, и поэтому она с нетерпением лежала на кровати и ждала, когда он будет читать письмо.

- Дорогая мама! - начал читать Алексей, вглядываясь совсем в другие строки и придумывая всё на ходу, - У меня всё хорошо, новостей не очень много, а те, которые есть, - нельзя рассказать, потому что военная тайна. Ты не расстраивайся, что я так мало пишу - как можно будет, ты сразу узнаешь. Будь здорова! Твой Никита.

Алексей закончил читать и осторожно стал смотреть на бабушку. «Поверит или нет?» - вертелось у него в голове, и с облегчением вздохнул, когда увидел её глаза, которые, несмотря на болезнь, светились счастьем. Она вновь представляла перед собой сына...

Так Алексей Сергеевич врал на протяжении трёх недель, читая вымышленные письма. Совесть сильно мучила его, он плохо спал и часто задумывался над тем, правильно ли он поступает. В один из дней, после очередной бессонной ночи, Алексей решился всё рассказать. Он быстро взлетел на третий этаж и остановился...

В дверях стояли в обнимку Анастасия Павловна и её сын. Почтальон не мог поверить своим глазам. Женщина отстранилась от объятий сына и, обращаясь к Алексею, крикнула:

- Никитка вернулся! Радость-то какая! Сейчас я на стол накрою.

Алексей проводил взглядом убегающую в глубину комнат женщину и попросил Никиту помедлить, чтобы поговорить:

- Я же сам держал письмо, в котором было написано, что ты

пропал без вести. Я ничего не понимаю.

- Мы шли в атаку и меня ранило. Я потерял сознание, а когда очнулся, то только спустя месяц смог добраться до своих.

И чуть тише спросил:

- Мама ничего об этом не спрашивала, что ты ей сказал?

- Я не смог сказать правду и выдумывал для неё письма, как будто от тебя. Прости меня за это.

- Ты поступил правильно. У неё слабое сердце, она могла и не выдержать. Именно поэтому я прошу тебя выполнить одну мою просьбу - пусть она и дальше думает, что это я писал ей письма. Так будет лучше.

- Хорошо... Я очень рад, что ты жив.

- Стол накрыт! - слышалось из гостиной.

Баба Настя сидела на диване и наблюдала за тем, как едят мужчины, каждый из которых был для неё важнее жизни.

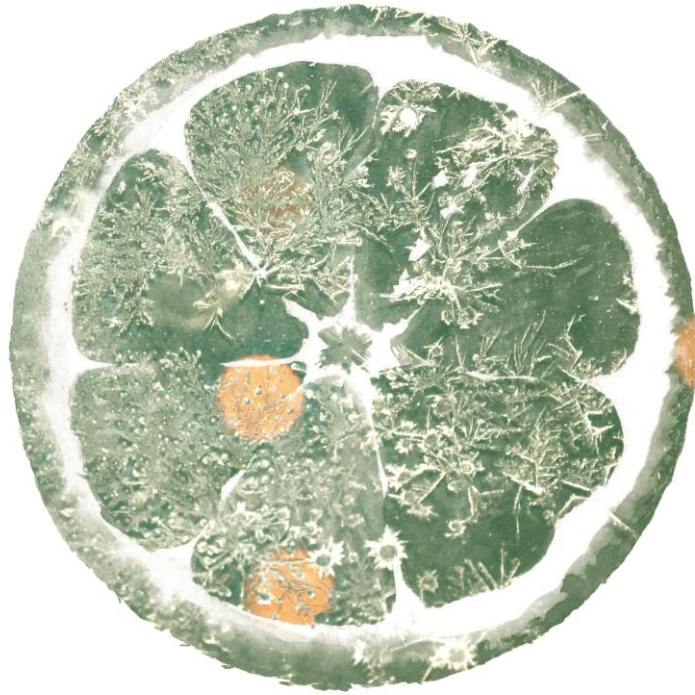
РОДИНА

В войне потери с двух сторон.
Стрельба и крики, боль и стон,
Но не боятся россияне...
Ведь знают: позади них дом,
Семья, знакомые, друзья.
Все это защищать готов и я.
Свой незнакомый городок,
Который Сызранью зовётся.
И вся Россия отзовется.
Лишь будет дан приказ.

СТАРИК

Передо мной сидит старик,
В его глазах огонь погиб.
Похоже, горе у него.
Но не пойму я отчего.
Тогда решился расспросить:
«Отец, о чем горюешь? Ты скажи.
Будь честен, говори без лжи!
Пусть я неопытен и молод.

Но тронул мою душу холод,
Который веет от тебя.»
«Ты время своё тратишь зря,
пытаясь разбудить меня»-
Сказал старик.
Но взгляд зажегся...
И я, предчувствуя рассказ,
решил все записать для вас.
«Я помню, год был сорок третий,
Мы гнали немцев от Варшавы.
Не ради славы. Для страны!
Для вас. Для тех, кто будет после».
И тут старик вдруг замолчал,
И тихо-тихо мне сказал:
«А вы... А вы не помните про нас!»
На этом он прервал рассказ.
И громко зарыдал.
Я на коленях, уж без сил,
За всех прощения просил:
«Прости ты нас и дай нам шанс.
Я знаю он последний».
Но где ж старик? А он исчез...
«Смотри, куда наш кот залез» -
Вскричала баба Клава.
Я оглянулся: вот подъезд,
Мой дом, знакомые места.
А где ж старик? А был ли он?
Неужто все это – мой сон?
И тут из рук блокнот упал...
А там строка: «Я вас прощаю...»

Козылбашев Дмитрий

Студент 1 курса юридического факультета Волжского университета имени В.Н. Татищева. Увлечения: искусство, юриспруденция

ЖЮРИ

Суд зрителей суровый самый-
Здесь судят тысячи порой,
Здесь не получишь апелляций,
да не поможет и надзор.

НЕ БОЙСЯ ВЫГЛЯДЕТЬ ТУПЫМ

Как противно молчать о любви
И эмоции гробить ухмылкой,
Как боимся порой попросить
И все мысли по полу рассыпать.

СТУК В ДВЕРЬ

Кто-то стучится в закрытые двери,
Кто-то к кому-то никак не зайдёт,

Кто-то в отсутствие чьё-то поверит
И незаметно вскоре уйдёт.

ИГРА ИСПОДТИШКА

Вся наша жизнь – игра в поддавки:
Лицемерие и обманы,
Но кажется мне, что всё это нормально,
Ведь за честность получишь плевки.

ТГП

Догорает последняя свеча,
Красным воском на скатерть стекая,
Но скоро заменит свечка вторая,
Чтобы новый параграф начать.

JUS PUBLICUM

Всем плевать на твои чувства,
Ты засунь их под диван,
Сделай с этого искусство
И катись под Магадан.

НАУШНИКИ

Барьер меж мирами так тонок как лёд
Полноправной и мокрой весной,
Но в любую секунду он разум спасёт
От встречи со злою толпою.

ПЕРЕДАЧА

Всей гаммы чувств не передать,
А передашь – сочтут ванилью.
Нам остаётся лишь страдать
Наедине с глобальной мыслью.

СЛОВА-СЛОВА

Скажи «Люблю» и чувства в щепки –
Пустое словоблудье языков.
Мы так узки как наши предки –
Мы «Жизнь» сужаем до «Любовь».

Дипломы

Дни пролетают как мэрсы,
Утро и день смешались в одно,
У меня несвободен и вечер,
Но я получу драгоценный диплом!!!

ЛИТЕРАТУРНАЯ

СТУДИЯ

ВУиТ

Денисова Любовь

Поэт, прозаик, по образованию психолог, член литературной студии Волжского университета имени В.Н. Татищева

МЫ БУДЕМ ВЕЧНО ПОМНИТЬ...

Мы будем вечно помнить вас
– И ту любовь, что вы дарили,
И этот свет любимых глаз,
И звук речей, что говорили.

Но отыграли бубенцы,
Когда исчезли ваши лица.
Вы – братья, дедушки, отцы.
Вы – мамы, бабушки, сестрицы.

Пройдя сквозь долгие года,
Всегда уходите вы рано...
Нет, никогда, нет, никогда
Не заживёт такая рана!

И кровь, что льёт из раны той,
Её не смыть простой водою
– И цепью, вовсе не золотой,
Мы стали скованы с бедою.

За скорбью, видимо, мы шли,
Послушно следуя за гробом,
– И слёзы глупые текли,
И ноги бились о сугробы.

Беззвучный крик прорвался в высь,
Улыбку с гробом закопали...
Как звёзды в небе вы зажглись,
Как звёзды вы на землю пали.

А в тот последний, страшный час
Молили мы: «Не уходите!»...
Мы будем вечно помнить вас
– И не порвать тугие нити.

СВЕТ

Покрылась липким холодом душа.
Сей трепет непонятный, безымянный.
На воле веет ветер не спеша,
И там горланит ворон окаянный.

В палате чистота и тишина.
Шаги сиделок, слышишь, удалились.
Ты молишь Бога, ты, горька, одна,
Ты молишь, чтобы о тебе молились.

Глядишь в свои слепые зеркала,
Целуешь ты прощальный лучик солнца.
Целуешь нежно. Завтра не была
– К твоей руке то завтра прикоснётся...

Оделось солнце в траурный наряд,
Разбрызгав в небе краски акварели,
Где тучи друг за дружкой подряд...
Видать, в последний раз встаёшь с постели.

Последний, неприкаянный, закат,
Последнее, нетронутое, лето.

Покойники смиренными лежат,
В гробах же... не хватает света.

МОТЫЛЁК

Лежу я, отдыхаю,
Уставясь в потолок.
Гляжу, а там порхает
Красивый Мотылёк.

Спросил я: «Мотылёчек,
Скажи ты мне, зачем,
Всё время ставя прочерк,
Сбегаешь от проблем?»

Зачем тебе кружиться
В мерцании огня,
Когда душа боится
– А смогут ли понять?

Когда как сердцем плачешь,
Несчастен, одинок...»
«Я не могу иначе!»
– Ответил Мотылёк.

СОБАКА С БОЛЬШИМИ ЗУБАМИ

Он шёл по дороге от школы
– Уроки закончились рано.
И, видимо, ради прикола
Погладить решил... добермана.

С большими зубами собака
– Зубастей не видел доселе.
Вдруг кинулась, злая, однако,
Хозяин поспел еле-еле.

Не знали ни папа, ни мама
– Увы, он не сделал признанья

О том, как моральная травма
Прокралась в глубины сознания.

Теперь вроде парень, как парень
– Работа, домой вечерами.
Но снится, как в детском кошмаре,
Собака с большими зубами.

ЦИРК

Ура, недавно цирк открыт.
Масштабен, впрочем же, не слишком.
Хозяева: Гиена, Скунс, Койот,
Петух и Старый Чёрт, ещё Мартышка.

Как будто рвав добычу на куски,
Они свои распределяли роли.
А Зритель верил: вот герои,
Ведь каждый, видно, знаменит.

Койот, так он пролаивал приказ
– Гиена после выполняла трюк.
Здесь Скунс – жонглёр, в чьих лапах лук,
Неужто Вас не удивит?

Петух лишь просто делал вид,
Давая Зрителю авансы.
Мартышка под конец запела соло,
А Чёрт потом подсчитывал финансы.

ЖУК

Моя душа попала в карцер.
Прошу, спаси её от мук.
А жизнь всего лишь жалкий жук,
Приколот острою булавкой
К картонке в лавке за прилавком.
Вот так-то, монати, мой друг...
Мне надо меньше простужаться...

Стареть... и прошлого бояться.
Не разожму дрожащих пальцев,
Не отпущу из влажных рук.

НЕЖНОСТЬ В ЧИСТОМ ВИДЕ

Я боюсь открыть глаза
И поднять свои ресницы...
Знаю, можно наказать
Нежеланием влюбиться.

Только как же любишь ты!
Та любовь пронзает вены
– И фантазии-мечты
Покидают свои стены.

Я люблю тебя во мне,
И ловя твоё дыханье,
Понимаю то, что нет
Этой нежности названья.

Просто нежность без границ,
Просто нежность в чистом виде.
Даже взмахами ресниц
Я боюсь её обидеть.

МАМА

Есть на свете прекрасное слово,
Очень нежное, будто ручей.
Слово «мама» – а мама готова
Эту ношу тащить на плече.

Эта ноша – то *наши* проблемы.
Неудачи. Болезни. Грехи.
Но решаем свои мы дилеммы,
И о маме не пишем стихи.

Жизнь есть жизнь. Мы вырастем, уходим...
Слово «мама» как прежде важно!
И простое, казалось бы, вроде,
Только как же волшебное оно.

Волшебство мы бы взяли из детства,
А совета попросим сейчас.
Ну а если нам некуда деться,
Кто поможет, кто выручит нас?

Люди что? Говорят комплименты,
За спиной не то говорят.
Ну бывает, в иные моменты
Кто-то бросит сочувственный взгляд.

А желаем ли этого взгляда?..
Если ждёт на пороге беда,
Знай, что мама останется рядом,
Так как мать не предаст никогда.

Науменко Алина

Поэт, по образованию филолог, член литературной студии
Волжского университета имени В.Н. Татищева

ПРИЧАСТИЕ

Причастие другое.
Не хлебом и вином.
А запахом сирени
Душистой под окном.
А, может, лучше в сени
Березовых ветвей
Причаститься светом
Солнечных лучей.

Он как человек в Гефсиманском саду
Просил о пощаде Отца.
Но принял страданий Своих череду.
До мученического венца.
И Смерть, чье дыханье страшит всех людей

Не смогла Его удержать.
Он Бога просил за своих палачей.
Чтоб жизнь после смерти им дать.

Хожу по берегу, где бьет прибой.
Скажите волны, что со мной?
Откуда тот огонь в груди?
И куда теперь идти?
Где я обрету покой?
И с другими, и с собой.
Но молчат они в ответ.
Мой на песке смывая след.

Дорога – рельсы и туман.
Правда это иль обман?
Нет указателей на ней.
Ни людей нет, ни зверей.
Страшно сделать лишний шаг.
А вдруг провалишься во мрак?
И есть ли солнце впереди?
Но стоять нельзя – иди.
Чей это приказ?
Сверху чей-то глас?
Иль из тайника души?
Неважно. Ты живешь – дыши.
И иди вперед.

Полуэктов Роман

Поэт, член литературной студии Волжского университета
имени В.Н. Татищева

"REDDO ME PER PONTEM..."

Один. Блаженствую в ночи.
Безлюден мир и безмятежен!
Я запер дверь, убрал ключи,
И сад не хожен и заснежен...

Мороз трескучий отступил;
Летят в окно снежинки роем;
И ветер в дверь заговорил
То тихим шёпотом, то воем...

На стёклах роспись – вензеля;
Трепещет пламя у свечи;
В холодных гранях хрусталя
Отображаются лучи!

В старинном зеркале темно,
Но в эту ночь оно иное –
Мне видеть тайное дано,
Я говорить могу с Тобою...

У каждого свой путь, свои стремления,
И волен выбирать свои мечты,
Тот счастлив, кто идёт без сожаления;
И у меня есть Счастье – это Ты!

«Бог и человек должны из двух стать одним, то есть только человеком»

(Л. Фейербах).

Отрёкся от бога ни ради богатства,
Ни ради соблазнов мира сего -
Я просто обман оставил и рабство,
И Богом назвал себя самого.

Закрыты плотно ставни. Час ночной.
Огонь свечей пространство озаряет.
Мы наслаждаемся звенящей тишиной,
И память нашу Встречу воскрешает:
Мне видится холодный, старый дом,
Полупрозрачность лёгких, белых штор;
Я помню снег осенний за окном,
И сновидение, и тайный разговор...

«Природа - творец всех творцов»
(И. Гёте)

Среди художников я знаю одного,
Кто пишет непрерывно полотно
Тринадцать с лишним миллиардов лет.
Конца и края у Картины нет!

Раскрасил небо солнцем и луной,
Укрыл простор земли морской волной,
Добавил изумрудные леса,
Рассветы алые и птичьи голоса;

Шум ветра в кронах, аромат цветка,
В лазоревом пространстве - облака,
В траве роса алмазами сверкает,
И человек прекрасный холст венчает.

"Ум не терпит неволи"

Д.И. Писарев

Среди сокровищ мира есть одно –
Свободомыслие как результат познания,
На полке с книгами находится оно –
«Научный атеизм» советского издания.

Мне посчастливилось богатство отыскать
В несокрушимости марксистского учения.
С ним так легко и просто разгадать
Законы Бытия и тайные явления.

Люблю осенний день с далёких лет...
Когда я вслушивался в глубину себя,
Пытался тот или иной найти ответ -
Мне отвечало небо октября!

Мне нравились безлюдные места,
Туман с реки, ветвей простой узор,
И разноцветная, опавшая листва,
Что обращалась в праздничный ковёр!

Бывало, встану, в небо посмотрю:
Сквозь кроны серых туч покров!
Я и поныне так смотреть люблю
В осеннее движенье облаков...

Трошин Слава

Поэт, художник, член литературной студии Волжского университета имени В.Н. Татищева

ТОМ КРУЗ

Том Круз купил себе арбуз
И с ним зашёл в автобус,
Там все сказали: угости,
Бесцеремонность нам прости.
Тогда Том Круз всех угостил,
Бесцеремонность им простил.
Он вышел и пошёл в метро,
У входа купил яблок ведро.
В метро сказали: угости,
Бесцеремонность нам прости.
Том Круз все яблоки раздал,
Простил всех, вышел на вокзал,
Воды попил и больше ничего не купил.

ДЕНЬ ПАССАЖИРА

Два печенья и батон,
Остальное на потом.
Мои друзья сейчас,

Пассажиры вагона.

Поезд тронулся в 17 ноль восемь, а не в полвторого.

Москва, как всегда, жжёт,

Щука карася гоняет.

Помню, институтский дружок говорил: "В Москву собрался, хватануть московской гари?"

13 лет назад сочинял я в прошлый раз в плацкартном стих про сторожа в шалаше,

Прошли годы, снова в поезде,

Сочиняю про день пассажира уже.

Наконец-то вагон затих, два украинских дядьки закончили свой густой гутар-базар.

Прямая речь: "Ты кушаешь так же хорошо, как кушал восемь лет назад", - (тоже мне младенцы) один другому объяснял.

Туки-тук. Биотуалет - чудо техники. Ласковый вагонный кач.

На нижней полке вежливый мусульманин занавесил простынкой, кланяется на коленках - намаз, а за окнами несутся крыши дач.

"День пассажира"- есть такой праздник у РЖД, и он сегодня - третьего декабря, продали билет со скидкой и даже с бельём в напоминание сказочного месяца мартабря.

Прошёл уже час, как один носатый мусульманину объяснял, что продал свой форд-фокус и продуктовый ларёк закрыл, что нала уменьшился вал, когда магниты и прочие ашаны построили у каждого подъезда, везде свой базар-вокзал.

Три часа назад пассажир возбуждённый к проводнице всё лип, хамил. Кстати, всем предложили бесплатный чай в честь дня пассажира, я взял, попил.

Все притихли, но дремлют, не спят, не приходит глубокий сон, двое внизу снова заваривают чай, спросонья срывается, не удержался, звякнул одиночный ложечный звон.

Чья-то бутылка с водой на столе у окна остыла и звук издавала, такой, типа "бык" (б.к).

За стеной проводница шуршит документами по работе: первый отсек, место номер 2, дык.

Вот так, мальчишки, девчонки, в трёх словах, а я подремлю пока.

И во сне вдруг засветилось за окном бесконечно-прекрасное море или река.

ПРОИСШЕСТВИЕ В МОНАСТЫРЕ

Ворота заперты, во двор монастыря тарелка приземлилась в три часа утра.

Из окон смотрят иноки во двор,
Вокруг монастыря большой забор.

Увидел первым инок Никодим.
Потом второй, затем ещё один.

Всё больше, шире иноков глаза,
Закрыли окна многие и встали к образам.

Игумен вышел и пошёл вперёд,
Шагов пятнадцать - и к тарелке подойдёт.

Стояла серая она, как будто вся в пыли и вдруг на корпусе включились огоньки, включилась музыка, кругом пошли лучи, от них заснули иноки в предутренней ночи.

Когда проснулись - были вне Земли; в иллюминаторах висели корабли.

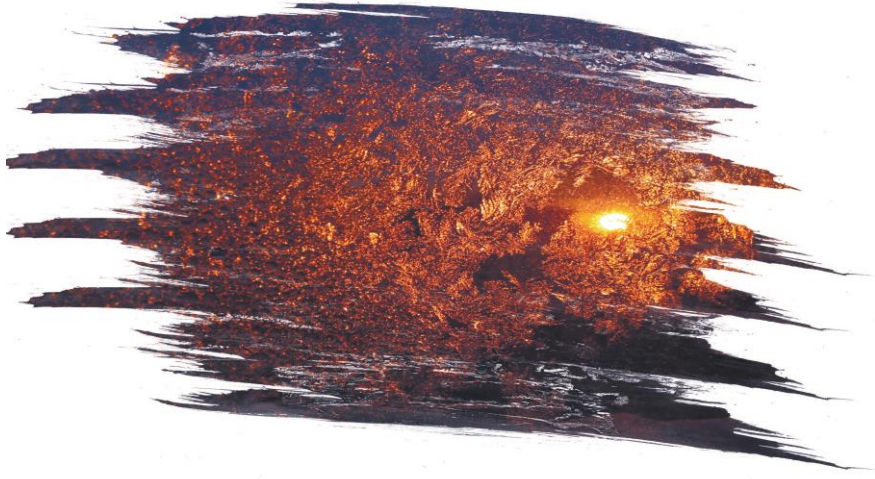
ГЕНЕЗИС

Создавался Галатар
Превращался в алатар
Будешь наш для солнца дар
Солнце производит жар
К солнцу полетел икар
Солнце воду грело в пар
Каждая планета шар
Свет от солнца, как от фар
Растения ждут лучистых чар
На пляже люди ждут загар
Планеты, звёзды - не товар
Веселятся мал и стар
В руках людей полно гитар
А кое-кто берёт ситар

Звезда на ихнем значит - стар
Космопорт, галавокзал
Пилот галактику забрал
Запел и зазвучал хорал
Карабкается вверх марал
А альпинист за ним шагал
Космический девятый вал
Любя галактику обнял
И веселил и звал на бал.

ПЕРИПАТЕТИКИ ГРЯДУТ

Акусилай подходит к Пифагору.
И говорит: А где щас Филолай?
Звучит ответ: Они у Ксенофана
С Алкмеоном заваривают чай.

Сумин Сергей

Филолог, поэт, редактор газеты «Волжский университет»,
руководитель литстудии Волжского университета
имени В.Н. Татищева.

В Алеппо созревает виноград,
Не виноград, а всполохи и взрывы.
И мертвых не позвать в чудесный сад,
Ведь те, кто живы - их почти не видят.

Мы дни с тобой считаем наперед,
Поскольку коротки они безмерно.
И местность эта – ярко-красный лёд,
Где долго резать будут всех неверных.

Жара ночей, хлопки на пустырях,
Мелодия разорвана и сшита.
Стальные птицы кружат в небесах,
Карая всех - суннитов и шиитов.

Когда зарин осядет на песок,
Мы сосчитаем раны и потери.
Всё – пыль, ничто, но Запад и Восток
Незримо бьются здесь за нефть и веру.

Если что спросил волшебный Гудвин,
На себя переводить не стоит,
Лучше затеряться, пьяный Урфин
Солдатню древесную построит.

И когда неведение бликует,
И полки штурмуют кромку леса,
Я пойму вдруг, наш столяр тоскует
И толпу ведет без интереса.

Быть вождем – нелепая отрада
И ведомым – слабая защита,
Это никому вообще не надо,
Нитками подгнившими подшито.

Если быть – то быть первопроходцем,
Проходя по снегу в рост сажени,
И таким свободным иноходцам
Не нужны ни цели, ни мишени.

ВЗЯТИЕ БАСТИЛИИ

Спросите тех, кто выпил на пиру,
когда прибудет доктор Гильотен?
Ответа нет, Джоркаефф и Жиру
«Бордо» предпочитают и жульен.

Я тосты поднимаю за тебя
и снова понесу на эшафот
свою любовь, ты взглянешь на меня
и спросишь: «А Папен пенальти бьет?»

В штрафной – весна, ее огромна тень,
есть пушкинская легкость у станка,
поправь воротничок, мне что-то лень,
и доктор-диктор смотрит свысока.

Немного нужно – тысячу голов,
Зидан, Сен-Жюст, Марат и Анелька
мне рукоплещут, я почти готов,
футбол – любимая, но странная игра

Когда меня найдет шершавый полдень
и в молоко окрасит мне крыло,
я только встану свету в изголовье,
и снова скрипнет лето-колесо.

И вдруг усну медлительный, как улей,
законы чисел ласково забыв,
и больше не выстреливая пулей,
забуду, что такое город-взрыв.

Жаровни сердца шелест словно сети,
закинув голову ты в небо упадешь,
ослепни серебро и слушай ветер,
ты лучшего отныне не найдешь.

Когда меня возьмет медвяный посвист,
и в звук уйдя, я ласково смирюсь,
наступит лето - сладостная повесть,
и вновь я этим медом не напьюсь.

О, ты, блестящая наяда,
с которой я всегда молчу
смотри, мне ничего не надо,
но я тебя не отпущу.

Морская гладь, песок и флаги,
а ром или джин – на выбор твой.
Здесь выживают только маги,
и капитан всегда бухой.

Песчинкою, упавшей в море,
Смирись, как женщина-вода,
укор застыл в открытом взоре
и только сети-невода.

О, вы, зеленые русалки,
коньки морские и сомы,
останьтесь пеною, весталки,
до нашей будущей весны.

Вода поет и убегает,
свободу воли не унять,
как будто бы она играет
в любовь, и это не понять.

Как дрожь от налетевшей вьюги,
от близости твоей ноги,
вот так эпоха Кали-Юги
нас делит на друзья / враги.

Ей чужды страсти и прощанья,
сама – прощание и страсть,
и то, чем буду я, наверное,
таит возлюбленную власть.

Она играет и сверкает,
почти не любит, но – течет,
подобно жизни – убегает,
вода лишь нечет, чет, не чет.

Гостева

книга

Маркелов Николай

Военный пенсионер

СКАЗКИ ВНУКАМ

Серия «Сказки внукам»

НАСТЕННЫЕ ЧАСЫ

Ну вот я и дома! Какая красивая квартира! В углу стоит елка, украшенная игрушками и разноцветными шариками... Какая шикарная мебель! Напротив меня стоит большое распашное трюмо, в котором я вижу... Ой, это я? Красивый! Деревянный корпус, блестящее лицо с цифрами, черные усы, только они какие-то не одинаковые - один ус больше, другой – меньше. Аааа!! Это не усы!! Это стрелки!! Большая стрелка и маленькая показывают на цифры. Стоп, не понятно тогда: большая – это короткая, а маленькая - длинная? Ну ладно, разберемся в этой путанице позже. Я тут один такой! Настенный! Да, да, я на стене вишу. Странные люди какие-то! Почему на стене? Можно в вазу положить, можно в теплый шкаф поставить, а можно просто с собой носить, раз я так нужен. А еще внутри меня кто то живет - они щекочутся и шепчутся, но мне это не мешает, даже наоборот - приятно. Слы-

шал, что их называли «Колесики» и «Шестеренки». Они там постоянно возятся с какой-то «Пружинкой». Хорошие, видать, ребята - дружные.

Вот в комнате что-то происходит. На елке замигали огоньки, хозяйка бежит туда-сюда - накрывает на стол. Ажурная скатерть и салфетки, хрустальные фужеры, в которых отражаются лампы с елки, и, кажется, что стол переливается всеми цветами радуги. Квартира постепенно заполняется какими-то людьми. Это гости! Они все чаще смотрят на меня. Неужели они все пришли ко мне? У меня день рождения? Нет, не может быть. И смотрят гости на меня все по-разному. Хозяйка - с облегчением, тетка в бигуди - с досадой, мужик с усами - с нетерпением, а толстый мальчик - с безразличием.

Но вот все, словно по команде, уставились на меня, держа фужеры в руках!! Что? Что не так? Это возмутительно! Просто неприлично так глазеть! От возмущения у меня поползли стрелки вверх, того и гляди они соединяться на лбу! Ну, всё! Стрелки вытянулись в одну вертикальную струну... Ой, зачем же так кричать?! Смеются они! Слышите? Слышите? Стреляют на улице!! Тысячи разноцветных звезд усыпали ночное небо. А, это праздничный салют!! Неужели это все ради меня? У меня точно сегодня не день рождения? Да какая разница, что за праздник?! Я так счастлив!

Через какое-то время гости ушли, и хозяйка с усталостью посмотрела на меня. Да, я тоже устал. Все устали. Только ребята внутри меня и не думают отдыхать, что-то постоянно двигают и крутят.

К сожалению, таких праздников больше пока не было. Знать, каждому празднику свое время. Будем ждать!

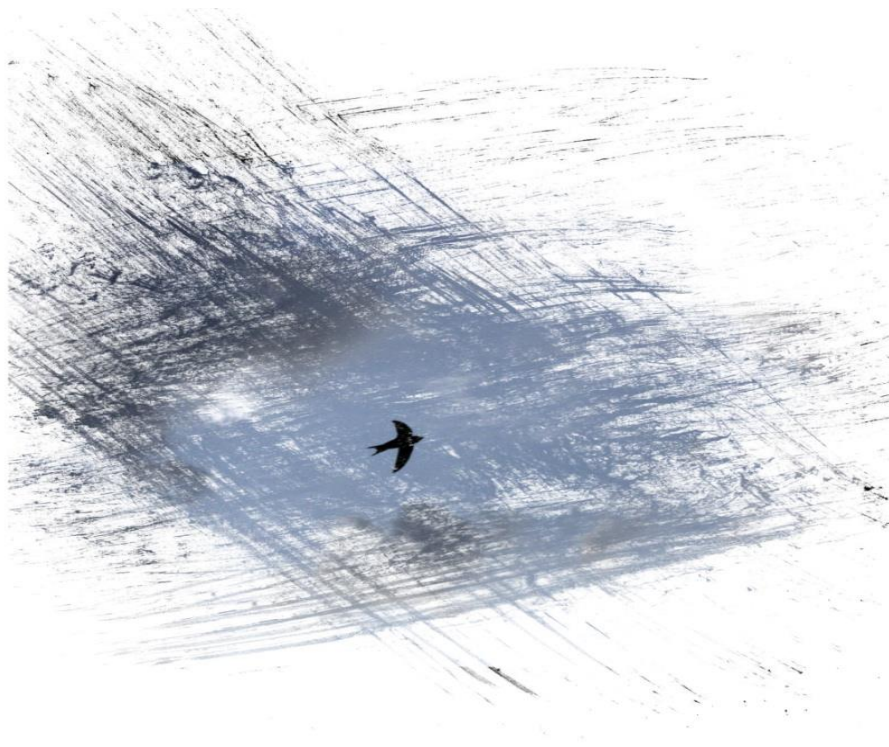
Зато у хозяйки я научился эмоциям. Когда тот мужик с усами, теперь ее муж, приходит с работы, я показываю «радость» - мои две стрелки смотрят чуть под углом вверх, а когда он задерживается - «огорчение» - стрелки чуть вниз. Есть эмоции, значит я живой! Я чувствую, я понимаю.

Мужик с усами иногда смотрит на меня и спрашивает: «Они ходят?» Станный тип. Как я могу ходить, если я на крючке на стене вишу? У меня одна нога, и то двигается она только вправо-влево. Маятник – вроде так называется! Глупые подозрения!

Но что со мной? «Колесики» и «Шестеренки» стали двигать-

ся медленнее, а потом внутри меня стало тихо и спокойно. Маятник остановился... Я умер? Жаль!!! Жаль, что так мало радовал хозяйку и вызывал подозрения у усатого мужика. Не зря говорят: «Всему свое время»! Жаль, что мое время уже пришло... Но тут подошла моя любимая хозяйюшка с маленьким ключиком. Она вставила его мне прямо в сердце и... стала поворачивать. Я почувствовал, как защекотала «Пружинка», как стали шептаться и толкаться «Колесики» и «Шестеренки». От удовольствия я даже закачал ногой. Я жив!!! Я хожу!! Прав был муж хозяйюшки, когда волновался про мои хождения. Вы мои спасители!! Я буду служить вам верой и правдой. Зовите меня «Часы»! Я буду показывать только точное время. Не забывайте только про ключик!

Вот так и получается, чтобы подтолкнуть кого-то к хорошему и дать надежду на будущее, его просто нужно подзавести.

Вовненко Анастасия

Живет в Самаре, работает в туризме. Мама троих детей.
Хобби - путешествия.

Если ваша девичья подушка частично заплесневела и покрылась мхами и лишайниками, а в чреве её сформировались залежи торфа - вам прямая дорога на моря. У нас уже заправлены в планшеты космические карты...

Освободитесь от зависимости от работы, семьи, друзей-товарищей и уйдите в мир индийского танца. Или вьетнамского... это в зависимости от того, куда попал ваш палец на глобусе, при выборе моря.

Море и солнце - лучшая панацея для европеоида от хандры и скуки. Прилетают зелёно-серые гуманоиды, и в один день это уже краснорожие весёлые карапузы.

Море ласково щекочет им пяточки и то, что выше. Солнышко целует их в усталые лица. Фрукты, морские гады прямо на входе в ресторане просятся в рот. - Нешта мы не понимаем? - вопрошают они. - Идите же к нам, наши прелести))))омномном))) Рот при этом расплывается в глупой и счастливой улыбке. Шоппинг - отдельное удовольствие.

Хозяйственность - это приходит с возрастом на смену упруго-

сти и красоте. И вот не совсем упругие и не всегда красивые люди самозабвенно покупают что-то нужное, не особо нужное, и в запале - совсем уж не нужное. Но это приносит удовольствие, а именно за этим вы и летели сюда долгие 10 часов, а потом ещё ехали не менее 5 часов. А потом по-пластунски ползли с ресепшена до номера, вольно чемоданы.

Если бы не было моря и солнца, их нужно было придумать, чтобы пережить серую осеннюю хандру и долгую снежную зиму.

Это социопаты сидят в темных чуланах, а не по галькам шляются!!! Мы другие.

Не наш метод! Мы будем гулять и путешествовать, пока другие копят на квартиры и машины.

Это тривиальность, зато гарантирует стабильность и порядок.

Впечатления, воспоминания - это только ваше. Его нельзя отнять, и они будут греть вас изнутри в самую морозную зиму или в самый слякотный день.

Вернувшись с морей, главное - не расплескать море радости, ощущение свободы и счастья, и бесконечного солнца, которое, если внимательно кто-то смотрит Вам в глаза - обязательно согреет и его.

Когда мне было 6 лет, я училась в первом классе. Меня взяли потому, что я бегло читала. Читать я научилась сначала вверх ногами, когда учили грамоте сестру, а я смотрела с другой стороны стола. Потом мама, увидев, что я читаю книжки вверх ногами, срочно стала меня переучивать. Училась я из рук вон плохо. Если мама меня упрекала, я приводила контраргументы:

- Я ваще то маленькая, и моё место в садике!

Мама виновато замолкала. Мы переехали недавно, и в детском саду мест не было.

Я приносила в школу полный портфель кукол, рассаживала их под партой и в пылу игры начинала громко их убаюкивать или кормить. И не замечала, как уже орала во всё горло. Одноклассники завистливо косились. Учительница постоянно отвлекалась от класса, чтобы меня утихомирить. Но это было ненадолго.

Первая моя пожилая учительница называлась Ада Николаевна. То что она имеет отношение к аду, красноречиво говорил воротник

лисы на платье. Со стеклянными бусинками вместо глаз и настоящими лапками с когтями. Боялась я эту лису жутко. Особенно когда учительница наклонялась и когти лисы мотались у меня перед носом, а глаза тускло смотрели мне прямо в душу.

Как почётную двоечницу и нарушителя дисциплины меня оставили на осень. Я масштабов трагедии совершенно не осознавала. Ада Николаевна и мама, решив за моей спиной, что человек я всё-таки не пропащий, и меня ещё можно спасти, стали подсовывать мне книжки.

Книжки я любила и читала их и вверх ногами, и вниз ногами. К осени стала вполне себе прилежной ученицей, которая учится на 4 и 5 к огромной радости моей мамы.

Но до сих пор, если я вижу красивую куклу, мне хочется с ней поиграть. Сидя на полу. И орать обязательно во всё горло страшным голосом: «Баюшки баюююююю!!!»

ЁЖИК

Жил был ёжик.

Знакомые считали его букой.

Он ни с кем не дружил.

Если пытались подойти ближе, он сворачивался в колючий шарик и грозно пыхтел.

Его считали мизантропом, нелюдимым и странным.

Хотя он очень красиво пел, умел танцевать и собирал удивительный гербарий.

Праздники он не любил. То, что у других вызывало радость, его загоняло в чёрную меланхолию.

Он уходил подальше к реке и рисовал прутиком на песке удивительные пейзажи.

А потом их слизывала волна, и он рисовал снова.

Он видел солнце и бабочек, видел луну и звёзды, но они не вызвали отклика в его душе.

Когда-то давно он был совсем другим.

А потом у него случилась любовь, которая была так же прекрасна, как и скоротечна.

И когда он не смог удержать её в своём сердце, он закрыл сердце на ключ.

Свернулся калачиком и тихо скулил.

Он выставил иголки. Никого не пускал к себе. И жил так много времени.

И никто даже не знал, что иголки его - это на самом деле оголённые нервы, которые закалились и стали твёрдыми от горя.

Однажды летом мы пошли купаться на озеро. Дело было в селе, озеро в километрах трёх от домов. Туда добежали молодецки по пыльной дороге и там вдоволь наплюхались. Устали... Настало время идти обратно. Поволокли мы ноги в сторону дома. А сами такие усталые, ленивые. Да ещё пыль. Ещё жара. Мухи. Почти подходили уже к селу.

Тут ехал попутно мужичок какой то на телеге.

- Давайте я вас подвезу, - сказал он.

Мы, разумеется, обрадовались и полезли в телегу, а она такая с высокими бортами была.

Я первая влезла, встала в телеге на ноги, и тут лошадь чего-то испугалась и рванулась вперёд.

Ноги мои подсекло, и я увидела их в синем небе. Бывает такое, когда что-то необъяснимое быстро происходит, ты видишь это внутренним взором, как в замедленном фильме. Так вот я увидела свои загорелые ноги в небе. Сама я в это время летела вниз головой на пыльную дорогу. Небо было синим и прекрасным, ноги были стройными. Я любовалась и летела...

- Я уже давно не умею намекать. Революционистская прямота - наше все...

Буквально все косвенные признаки указывают, что я - типичная красавица! Надеюсь, вам больше не захочется опровергать очевидное?!

Именно это я чётко осознала, когда бамкнулась головой оземь.

Слава богу, ничего не сломала, дорога была пыльной и мягкой. Если бы я упала в коровью лепёшку, то это вообще, как подушка безопасности, смягчило бы удар, забрызгав всё вокруг удобрениями. Но нет... не повезло. В голове звенели колокольчики и какой-то противный гнусавый голосок. Я встала. Голосок оказался моим.

Кое-как добравшись до дому, я легла отдохнуть. Так как я приобрела аристократическую бледность сквозь загар и пыль, родные спрашивали, что случилось.

Я человек честный, человек прямой. Я сказала: «Я упала с телеги».

Родные стали ржать. Потом любезно уточнили, не желаю ли я чего. Я попросила манной каши.

Родные стали цитировать фильм: «Братишка помирает - ухи просит».

- Как вы душевно щедры ко мне!

И великодушно, с высоты своего гения, я всех простила.

С тех пор я так и осталась красавицей, но немного стукнутой головой.

Данила был влюбчивым мальчиком. В первом классе он влюбился. Всё же красивую любить легче и понятней. Девочка была синеглазым ангелом с золотыми косичками. Данила, не зная, как выразить свои чувства, решил обратить на себя внимание. Мальчик он был изобретательный и в порыве страсти стал плевать в суп своей избраннице каждый обед. Девочка молча смотрела на него голубыми озёрами и отодвигала тарелку. Данила уже совсем было уверился в своём успехе, как избранница, потеряв терпение, пожаловалась классному руководителю.

Была вызвана мама жениха. Молча выслушав все заинтересованные стороны, она ушла домой.

Дома, подозвав наследника, она, не выбирая выражений, встала ему пистон, пообещав в полемическом задоре натянуть зрительный нерв на седалищный. Представив себе очень живо картину, Данила тут же утратил всяческий интерес к любви всей его жизни.

Мама, чтобы сгладить конфуз, принесла девочке кучу шоколадок и мурчащим голосом просветила девочку, что всё это от безответной любви сына.

Девочка простила Данилу, и стала смотреть на него добрыми мечтательными глазами, а он, дёрнув пару раз её за косички, убежал играть с одноклассниками в футбол.

Мужчины сами не знают, чего хотят, когда у них мама строгая.

Нам с подружкой в институте попала на глаза брошюра какой-то американской писательницы. Там она научно доказывала,

что женщины в мужчинах в первую очередь смотрят на ж... ой, извините, попу. Мы с подружкой на попы не смотрели, а всё преимущественно в глаза. Неопытные были. Романтичные. Без грамма цинизма.

Но после этого научного изыскания стали машинально оглядываться вслед проходящим парням. Это оказалось весело. Какие бурные обсуждения у нас были потом!

- «Я оглянулся посмотреть, не оглянулась ли она, чтоб посмотреть, не оглянулся ли я (С)». Да ничего подобного! Она оглянулась, чтобы посмотреть на твою попу! Пупсик!

Вот взять хиромантов... Они предсказывают будущее и прошлое по линиям на ладони. Это фигня по сравнению с тем, что мы читали мужчин по задницам. Идём такие по улице, навстречу молодой человек, и мы, не сговариваясь, такие раз - и обернулись, и посмотрели на его зад...

Зад мужчины очень о многом говорит пылким девам, которые имеют буйную фантазию.

Вот этот – вялопопый, и вряд ли он перспективен в принципе для дамочек на выданье. Как будто на улице где-то перевернулся грузовичок бракованных неликвидных мужчин.

А этот вот идёт - спортивный парень, попа как орех. Чем же его прельщать? Сиськи с интеллектом мы уже отвергли как атавизм. Остаётся ошарашить внезапным подкатом: «Валерий, тебе нет равных среди всех Михайлов!» Пока он будет переваривать это, он зависнет ненадолго. И вуаля - клиент созрел.

Встреча с обладателями красивых поп у меня протекала тяжело и с осложнениями! Я сразу же имела непреодолимое желание наварить борща и укормить избранника. Имена детям у меня были придуманы заранее.

А мужчинам от души желаю: ходите в качалку - качайте попы! Почему вы раньше не пошли?.. Это вы просто борща моего не пробовали.

Я И ХОЛОДИЛЬНИК

С некоторых пор я утратила душевный покой...

Почему то меня стали волновать фразы: «Молодая была немолода...»

Так же почему-то я расстраивалась от слов «старуха Изергиль».

А когда любимый муж радостно воскликнул: «Как быстро растут наши дети - скоро будем нянчить внуков!», я поняла, что у меня проблемы...

Всю жизнь я шла легко, веселилась много, танцевала фламенко, стуча кастаньетами, и не могла себе представить, что что-то изменится...

А мысль о скорой неминуемой старости настолько отравила мне жизнь, как будто я пила чай с карамелькой из цианистого калия... Вприкусочку...

УЖАС!

Тараканы в моей голове (коих у каждого вагон) начали дружно вешаться, стреляться, травиться и топиться. Отчего их не стало меньше... Чувство самосохранения решило, что мне надо проговорить мои проблемы (тараканы грустно играли концерт Вивальди на скрипках)...

Я начала искать свободную кассу (тьфу ты!), свободные уши...

Не имея исторического опыта хождения к психологу и не желая, между прочим, исповедоваться чужому человеку без отпущения грехов, я решила, что говорить-то буду я... а выслушать может хоть кто - даже холодильник.

Сказано - сделано.

Сев перед холодильником, я начала потихоньку изливать ему душу (тараканы мои поутихли и с интересом начали наблюдать за процессом).

Холодильник... Оказался очень хорошим слушателем. Он молчал, иногда грустно вздыхал, сочувственно тархтел... Вставлял между моим потоком сознания «Ну...» или «И?», или «А ты что?».

И меня несло дальше...

Я рассказала ему всё, что меня мучило, потом всё, что не мучило, я вывернулась как фантик (тараканы утихли, играли тихо в шахматы и вели себя вполне по-светски)...

Потом вдруг я начала понимать, что я люблю холодильник. Он так меня понимал, так сочувственно молчал, так вовремя хмыкал... Я начала оглядывать его со всех сторон и уже рассказывать ему, как отношусь к нему...

Холодильник затих... Теперь всё чаще он запирает дверь кухни изнутри, и я не могла увидеть его мускулистый корпус (тараканы в голове приободрились и начали снова давиться и топиться, но уже почему то под музыку рэп). А недавно холодильник передал мне со-

общение, что он уходит от меня к газовой плите, у неё, дескать, буфера побольше (я так и знала, что между ними что-то происходило!)...

Эта новость не убила меня наповал...

Я выплеснулась, тараканы разбежались кто куда...

Тем более, выйдя из дому, я поняла, что не только холодильники умеют слушать. А, к примеру, автомагнитолы всегда поют музыку под настроение.

Мой душевный покой был восстановлен.

С холодильником мы остались в отличных отношениях, я решила прикупить ему новый магнитик, а вот газовую плиту я всё-таки сменяю...

Сонечка громко высморкалась в носовой платок.

«Только не в меня, только не в меня!» - заклинала она соплю. Сопли послушно вышли вон.

Покряхтев, Сонечка начала собираться на работу.

Работа Сонечке и нравилась, и не нравилась. Коллектив был женский, небольшой, но сплочённый. Часто смеялись вместе над прилетавшими откуда ни возьмись и мастерски разрешенными проблемами.

В соседних офисах работала какая-то блудливая коза на шпильках, которая, кажется, только тем и занималась, что ходила по коридору, громко разговаривала по мобильному и втыкала свои шпильки с громким стуком прямо в головы тем, кто слышал весь этот цокот.

Мужской туалет находился недалеко от офиса, и, посетив его, мужчины почему-то всегда распахивали дверь, чтобы весь этаж мог насладиться запахом. Что-то из детства:

- Мама, смотри, я покакал!

Никакие уговоры и увещевания не помогали убедить взрослых мужчин не делиться своей радостью.

В общем, обычные будни офисного центра.

Сонечка включила компьютер. В компьютере у Сонечки жил весь мир. Соцсети, аськи и электронная почта. Сонечка активно переписывалась с друзьями, делилась фотографиями и отмечала хорошие события у знакомых и друзей. С личной жизнью у Сонечки было всё сложно. Так она писала в статусе о том, чего не было во-

все. Работа занимала всё время, а после ноги уже тащили её только до кровати. Раскормленный кот укоризненно смотрел на неё и грозил насрать в тапки, если она не будет чесать ему пузо с утра до вечера. Шантажист.

Однажды в жизни Сони случилось страшное. На работе пропал интернет после электрического сбоя. Вакуум рухнул на голову Сонечке, заполнил лёгкие и голову. Жизнь остановилась.

Статус о личном сравнялся с глобальным в принципе: «ВСЁ СЛОЖНО!» Т.е. нет ничего. Пропали виртуальные друзья, которые как звёзды - «Ты их не видишь, а они есть». Соня лихорадочно пила кофе, звонила в службы ремонта и коллцентры и говорила, говорила, говорила...

Она сказала, как важен ей интернет для работы, держа в уме, что без него и жить-то смысла нет.

Через миллион звонков и переговоров в офис вошел, наконец, мужчина в спецовке. Соня готова была и убить его, и расцеловать одновременно. Так, видимо, чувствует себя жена, муж которой, отлучившись с друзьями пару суток, явился-таки домой живой, хоть и изрядно помятый.

Мужчина был средних лет, молчаливый, задумчивый даже. Неторопливо проверял разъёмы, провода и тестировал какие-то роутеры, или как там их называют. Соня предложила ему кофе, он согласился. Интернета пока не было, но жизнь почему-то уже не казалась Соне такой уж серой. Через какое-то время проблема была устранена в принципе. Мужчина оказался неженатым, готовым для семьи человеком. Соня узнала его телефон (на всякий случай). Он так же, на всякий случай, спросил её контакты. Интернет починил. Они стали созваниваться... Аварий не было, и звонки из рабочей плоскости быстро переросли в личную.

Через год-полгода Сонечка стояла в подвенечном платье в загсе с молчаливым мужчиной и радовалась тому, что техника ломается, и на помощь беспомощному офисному планктону приходят вот такие молчаливые ребята в спецовках, которые решают сразу все проблемы одинокой женщины.

Толстый кот насрал в тапки мужчине, получил пендаля и начал уважать нового хозяина от всей кошачьей души.

Евдокимов Николай

Федеральный судья Автозаводского районного суда
г. Тольятти, ветеран МВД

РОДНАЯ КРОВЬ

Я стою у родимого дома,
Вспоминаю счастливое детство.
Здесь родились, росли и мужали,
Но не приняли дом по наследству.

Подросла наша с вами березка,
Ведь судьба ее нам нагадала.
Нас вскормила живительной силой
И кореньями всех спеленала.

Нет уж больше тех вётел у речки,
Под которыми все мы играли.
Нет сестрицы, родителей наших,
Слишком рано мы их потеряли.

Больше нет того дивного сада,
Да и речка у дома засохла.
В этом, думаю, мы виноваты,
Они звали, но все мы оглохли.

Разбрелись наши гордые души,
Кровь бежит по отдельным протокам.
Мы же братья родные, ребята,
Обратимся же к нашим истокам!

И я верю, что наша береза
Напоит всех целительным соком.
И родная кровинушка наша
Потечет в нас единым потоком.

Нам бы вытравить нашу гордыню,
Ее приняли мы по наследству.
Я иду по березовым листьям,
Вспоминая счастливое детство.

ПАМЯТИ БРАТА ВЛАДИМИРА

О смерти смерть вещает лишь живым.
Спешат к умершему не по билетам.
Он был бы рад числу собравшихся людей:
Своим, родным, приятелям, друзьям-кадетам.

Священник говорил и пел псалмы,
И хор живых за ним нескладно вторил.
Как дирижерской палочкой, кадилом всех простил.
И к отпеванию он этот хор настроил.

Судьба с рождения в киллерах у нас:
Когда на пусковой крючок нажмет – не знаем.
И только ей одной известны все пути.
На смертном лишь одре мы это понимаем.

Сегодня оправдания не нужны.
Усопший их не примет, не услышит.
К живому вовремя нам надо приходиться,
Когда еще живет и говорит, и дышит.

Скорбят кадеты – верные друзья.
Стоят все строго, не меняя позы.

Потом все говорят о друге, о бойце
И плачут, не удерживая слезы.

Рекою монологи скорбные звучат,
И солнце греет до изнеможенья.
А за оградой воины стоят
И не спеша готовят снаряжение.

Оценку жизни выставляет не судьба.
Всевышний доверяет это людям.
Ты в жизни бескорыстным, честным был.
Ты в нашей памяти, тебя мы не забудем.

Гремит прощальный воинский салют.
Взмывают в небо неживые слезы.
Вслед прослезилась листьями дубки
И сестры – белоногие березы.

Вот и закончен с жизнью диалог.
Клочок земли родной судьбою выбран.
И успокоилась душа:
Он старшим был из трех,
И первым к Богу призван.

ПОСЛЕДНЕМУ ШЕСТИДЕСЯТНИКУ

Ушли поэты: Аххо, Кукуш, Андриас и Эр.
О них поведал нам Василий Ваксон.
Опозтил их всех СССР,
И за свои стихи они не брали таксы.

Последним покидает землю Ян,
Нам оставляя щедрое наследство.
Любил он больше жизни всех славян,
Любовь к Отчизне воспевая с детства.

Россия помнит звуковой самоиздат,
Запреты, травлю дерзкого поэта.
Но выстоял поэт – солдат.
Поэзия была ему бронезиловом.

Он любовался миром как женой.
За смелость изгонялся отовсюду.
Любим был поэтической братвой,
И на чужбине принят не приبلудой.

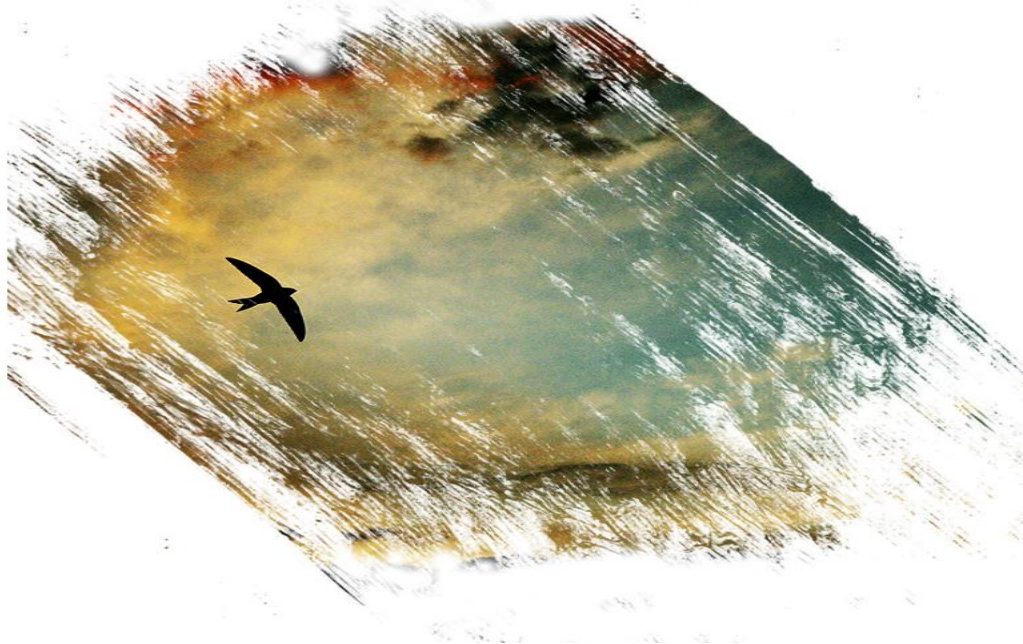
Любил свои родимые края,
И с песнями веселыми застолья,
И говорок простого мужичья,
Но не любил он зависть и злословье.

Он близок был шахтеру и врачу,
Им восхищались немцы и французы.
Лишь непонятен был он одному чтецу,
Любителю зубастой кукурузы.

Был у поэта и футбольный дар.
Советский спорт увидел в нем поэта.
В «Авроре» прокутил свой первый гонорар,
Судьбе «спасибо» скажем мы за это.

Ревниво Родину любил издалека,
И задыхался от любви словами.
Была судьба поэта нелегка,
Ее капризы утолял стихами.

На Родине призвания не нашел,
В нем никакой не видели надежды.
Всем миром признанный из жизни он ушел,
И завещал носить нам яркие одежды.

Смолдырев Сергей

Родился 09.08.1971 года в г. Судак республики Крым.

Написанию стихов посвятил более 30 лет. Относится к военной интеллигенции, офицер запаса. В его поэзии ярко отражена лирика любви и природы. Истинный художник, обладающий чувством кровной связи с народом и знанием общественной ответственности за свое писательское дело.

Отец пятерых детей.

РЯБИНА

Рябина красная в желанье,
Всех радует собой она...
Живёт она в воспоминанье
И помнит, как весной цвела.

Как было лето, как закаты...
Как начинался Новый день,
Как радовалась она солнцу,
Как создавала кроной тень...

Пришла осенняя прохлада,
Рябина с красками в игре...
Одела красочные бусы,
В холодном уходящем дне.

Пришла зима! Рябина в красках,
Всех радует в лесу она.
С утра к рябине все приходят
И ждут... Придёт, придёт весна!

Рябина, ты зимой хозяйка,
Ты накрываешь пышный стол,
Ты угощаешь всех желанно,
И держит все могучий ствол.

Раздашь свои ты угощенья
В последнем лютном феврале
И бросишься весной в цветенье,
Все повторится в ярком дне.

СВЕТЛЫЙ ДЕНЬ

Светлый день играет краской,
Яркой кажется игра,
Снег идёт, кружит, искрится,
Всех порадовал с утра!

Старый ворон в небо рвётся,
То вниз камнем, то кружит,
Падает и вновь взлетает,
Снег идёт, а он кружит.

Вьюга водит хороводы,
Снег идёт, она – кружит...
Видно будет много снега,
Скоро все запорошит...

А синица, как сестрица,
Треплет корку у окна,
Снег идёт, идёт, кружится,
Знай, пришла зимы пора.

Ты снова со мной в сражении,
Моя дорогая жизнь...
Вновь празднуешь воскрешение,
И новая рвётся мысль...

Я вижу, меня не покинешь,
С тобой не расстанусь и я,
С тобой торжествуем победу,
Ликует душа моя...

А завтра, расправив крылья,
И Новый земной полет...
С тобой я готов к движенью,
Я твой самый лучший пилот!

Меня ты не подводила
И в детстве на руки брала,
И грудью своей вскормила,
Дала два верных крыла!

По жизни меня бросала,
Но возвращалась всегда...
Казалось, что предавала,
Но верной была ты одна.

Водила вокруг хороводы,
Пускался с тобой в дикий пляс,
Я жил, наслаждаясь тобою,
Порой я не думал о нас!
Бурлила, кипела и била...
И сердце болело и жгло,
Чуть было меня не забыла,
Утеряно было крыло...

Тебе говорю: «Спасибо!
Я выжил и крепко стою,
По жизни идём мы вместе.
Поверь, я тебя люблю!»

БУДЬТЕ ВМЕСТЕ

Ночь... Вой сирены по проспекту,
Лютует ночь, стоит мороз,
Несётся скорая машина,
Спешит... И слышен визг колес.

Она за ним летела птицей,
Молилась, верила, звала...
Она – надежда и опора,
Она – прекрасная жена...

Она так Господа молила,
Она, она, она, она...
Она всегда его хранила,
А в этот раз не сберегла.

И слышен скрежет, звон металла,
Усталый визг больных колес,
Несут они по коридору,
Её судьбу, тяжёлый воз.

Реанимация огнями
Сверкает... Бьются доктора,
Разряд, разряд, ещё сраженьё...
Все понимают... Не игра.
Замолкли звуки... Вой сирены...
Все притаилось... Улеглось...
Пришёл покой на эту сцену,
Скажите: «Как он?». «Как? Сбылось!»

Она к нему лицом прижалась
Через холодное стекло...
Смотрела долго... И рыдала...
Не видеть это бы кино.

К утру её к нему пустили,
Целуя руки, обняла,
Она его всегда любила,
Опорою всегда была.

И в этот раз смерть отступила,
И в этот раз не забрала,
Она, видать, его простила...
К утру оставила... Ушла.

СКАЖУ ДОКТОРАМ «СПАСИБО!»

Всю ночь ветра студили землю,
Холодный снег играл, кружил.
Ты мне приснилась этой ночью,
Приснилось то, как раньше жил...

Приснился дом, родные горы,
Туман и пение ручья.
Всю ночь мне снились разговоры,
Борьба за жизнь, и вновь – ничья.

Тянул я руки снова в небо
И Господа на помощь звал.
Борьба за жизнь была бесценна,
Никто слабинки не давал.

Работал нож, игла и руки
Великих русских Докторов.
Они кроили и творили...
Чтоб сохранить... Чтоб был здоров.

Все улеглось, пришло спасенье,
Я вижу свет, я слышу звук...
Я благодарен вам, ребята,
Не видел я умелей рук!

О Докторах так редко пишут,
О них так мало говорят,
Они всегда готовы к бою,
Не видел лучше я солдат.

И белые одеж халаты,
Порою скромно, вниз глаза,

Идут творцы, идут в палаты,
И лечат рваные сердца.

Любовь, тепло и эту ласку
Почувствуй, оглянись, узри.
Спасибо вам за все, ребята,
Господь живёт у вас внутри.

Великим был тот символ веры,
Испит он мною был до дна,
Моя Великая Россия,
Россия – Родина моя!!!

О, моя Русь! Тобой живу я,
И боль великая в сердцах,
Я горд, я счастлив, как люблю я,
А волшебство в колоколах...

Твои дубы, поля, рассветы,
Твоя краса, радею я.
Моя великая, родная,
Россия – на земле одна!

Твои берёзы в сарафанах
Весенний водят хоровод.
Идёт весна и торжествует,
Последний снег вот-вот сойдёт.

Моя Великая Держава,
Овеянная славой ты,
Тобой живу и восхищаюсь,
В долинах зацветут сады...

И будет жизни продолженье,
И будет новый светлым год,
Живи, любимая Россия,
И счастье пусть ко всем придёт.

ВЕСНА

Пришла весна! Жизнь торжествует!
Звенят алмазные ручьи,
Капли барабанят трели,
Все оживает... Мир в любви.

Играет красками природа,
Остановись, прошу, узри.
Порадуйся ты ярким краскам,
Проснутся образы твои...

В красе живу и наслаждаюсь,
Весной проснулась моя страсть.
Витает в воздухе блаженство,
В объятьях появилась сласть...

И надыхаться не могу я,
Пир ароматов, сладкий яд.
От всей души тебя люблю я,
Как трудно без тебя дышать...

Полжизни впереди и предстоянья,
Что ждут меня на жизненном пути,
Я покорю, пройду все испытанья,
Найду покой и рай у ног твоих.

Не отвергайте тех, кто сердцем любит,
Небрежно не бросайте слов в ответ,
Любовь – это святое божье чувство,
Не брезгуйте, не говорите «Нет».

А ваша гордость – это лишь пороки,
Злость – отвратительное чувство не для всех,
Смеётесь не над ними, над собою,
И показуха – временный успех.

Цените тех, кто вас безумно любит,
Кто носит на руках, тобой живёт,
Отдаст он все, что есть, и все забудет,
Простит обиды, и за вас умрёт.

Живите, радуйтесь и восхищайтесь.
Лишь от взаимности цветут в душе сады,
Пришла весна, и заново влюбляйтесь,
В долинах скоро расцветут цветы.

ЗЕМЛЯ МОЯ РОДНАЯ

Земля родная – моя Русь!
Люблю тебя, нет краше края,
Россия – милая моя!
Ты у меня одна такая.

Твои просторы широки,
Нет лучше, не найти другую.
Леса могучи, высоки,
Люблю одну тебя такую!

Песня русская заводит душу,
Гармонь игриво песнь поёт.
Мы славим край, свою Отчизну,
И мудрость пусть в тебе живёт.

Над нами небо голубое,
И в небесах благая весть.
Россия – милая такая,
Ты лишь одна на свете есть!

Я святостью наполню душу,
Я буду жить, тебя любя.
Моя страна, моя Россия,
Россия – Родина моя!

Детей своих мы воспитаем,
В них будет дух, России стать.

И понесут они знамёна,
Россию будут защищать!

И в сердце радостно, спокойно,
И воздух русский, и цвета.
Живу тобой, живу любуясь,
Люблю тебя, моя страна.

МОЯ ЛЮБОВЬ

Ты слышишь крики в моем сердце,
Оно так рвётся, так болит.
То в небо птицей улетает,
То зверем раненым кричит.

Моя любовь к тебе быть может,
Я верю, этим я живу.
Я верю в Бога, он поможет,
У ног твоих в любви умру.

Я по ночам вновь вижу небо,
Я в темноте ищу тебя,
Но где бы по ночам я не был,
Я так люблю, люблю тебя!

Моя любовь без горизонта,
Моя любовь живёт в добре,
Моя любовь границ не знает,
И не горит она в огне.

Моя любовь к тебе желанна,
Моя любовь всегда с тобой,
Она всегда тебе в спасенье,
Ты моё солнце, будь со мной.

И если жизнь меня заносит,
В далёкие миры, края,
Я по тебе вдали скучаю,
Я так люблю, люблю тебя.

ДОРОЖИТЕ ЖИЗНЬЮ!

Остановись, прошу, остановись.
Остановись на миг, чтоб оглянуться.
Ты по-другому посмотри на жизнь
И постарайся миру улыбнуться.

Летим, несемся голову сломя,
Забыв в потоке горечь и страданья.
И открываем поздно мы глаза,
Но наступает разочарованье.

В потоке лет... и мудрость позабыв,
Виним судьбу и сетуем на Бога,
И понимаем только лишь тогда,
Когда мы у разбитого порога.

Нам жизнь дана для радости, любви,
Для продолженья жизни без печали.
Но губим мы порой в душе сады,
И получаем то, что мы не ждали...

Любите жизнь! Простите все, что есть!
Покайтесь! И возрадуйтесь друг другу.
И коль на свет вы родили детей,
Любите их! Любите и супругу!

Цените жизнь! Цените её свет,
И дорожите, жизнью дорожите.
Живите долго, больше сотни лет,
И если злитесь, все равно любите!

Я напоследок вот что вам скажу:
«Жизнь коротка, всего одно мгновенье,
Дарите миру ласку и любовь
И обретёте счастье и спасенье!»

МОЯ СУДЬБА

Щедра была моя судьба–злодейка,
Дарила сладкий мёд и горечь трав,
Я знаю, что она меня любила,
А я с ней спорил, хоть и был не прав.

Она меня бросала, рвала «мило»,
То плетью била, говоря: «Живи!»
Она меня безжалостно корила,
Порой топила в ласковой любви.

Ты посылала радостные строки,
То яд, то подлость, кислоту разлук.
Тонул порой я в океане счастья
И видел много тёплых, нежных рук.

А помнишь, как в молитвы уводила,
Я верю в Бога, этот мир предав.
А ты меня любила и поила
Отваром из лечебных русских трав.

Тебе я посвящаю эти строки,
Люблю тебя, и ты меня прости.
И если повторить бы предстояло,
Не выбрал я бы новые пути.

НИКОГДА

Не убивайте никогда любовь,
Прошу вас, никогда не убивайте.
Любите, дорожите теплотой,
И каждый вдох любимой посвящайте.

Храните все святое, что в душе,
И на руках любовь свою носите.
В душе пускай цветут сады.
Я вас прошу – любовью дорожите.

Не предавайте никогда любовь,
В предательстве лишь временная радость.
В предательстве лишь временный успех,
Паденье и позор, печаль и жалость.

В любви каскад восторга и игра,
Жизнь ароматов, мира пробужденье.
И поцелуи сладкие с утра,
С рассветом словно новое рожденье.

Не остывайте никогда к любви,
Остыв, вы потеряете блаженство.
Завянут ароматные цветы,
Мак-Кинли фантастическое бегство.

Не забывайте никогда любовь,
Ведь это чувство свято, безмятежно.
Забыв, не обретёте её вновь,
Уйдёт от вас и вера, и надежда.

Не плюйте на любовь, она жива.
Ведь, может быть, захочется напиться.
Водица помнит крики и слова,
И может быть не раз ещё влюбиться.

Финал любви – прекрасные цветы,
Лишь в детях счастье, жизни продолженье.
Отдайте им все лучшее, что есть,
И будет жизнь... И новое рожденье.

Любите и живите, мир любя,
И жертвуйте собой, придёт прозренье.
Неси добро, храни, прошу тебя,
Любовь, тепло, и обретёшь спасенье.

КОБЫЛИЦА

Разрезвась по полю, наполняя волю,
Мчится кобылица белая моя.
И в её порыве я уже на срыве,
Я уже на срыве вижу в ней тебя.

Голубое небо с юною травой
Манят кобылицу в дальние края.
Берегите женщин, берегите честно,
И вовеки будет женщина твоя.

Мелания Калита

Свободный поэт, любитель минералов и скрипки

БЕРЕГ

Свист ветра фривольно шлепал покорную хижину – тряслись окошки, задирались у стен листы, потешно скаля своим ребристым основанием. Звонкий порыв пролетел от дверного проема до все еще прямой спины старика. Плечо дернулось, непроизвольно ограждая тело от этого плевка моря. Нехотя, оскорбленно приподнялась и стукнула о пол палка. Державшая ее рука все еще хранила белесый цвет – сопротивление здешнему загару, в то время как борода остротой своей уже не могла похвалиться, свалившись в нечто неопределенной формы.

Нерль появилась вместе с затишьем. В своей серой с зелеными нитями одежде она и передвигалась как валун по острову – бурными перекатами с резкими замираниями. Старика это раздражало. И почему его сын выбрал именно эту? Круглолицую, кудрявую, до кончиков носа и пальцев – местную?

Он знал, о чем будет говорить она. Еще вчера Нерль трещала ему об этом, и он стучал палкой и намеревался еще сегодня добавить к этому аргументу припасенную тарелку со щербинкой.

Но сегодня ему не позволили этого. Начало упало сразу, без приветствия.

- Я пришла взять их, – галька слов стукнула его по рукам.

- Они мои.

- Мне надо успеть. Корабль уже у западной оконечности.

- Я берег их.

- Берегли?! Это...эти...но ведь дети! И доктор сам при Вас сказал, что детям надо...– щеки Нерль полыхнули темным пламенем – как очень старое дерево в языческом костре.

- Враки. Пустоголовый манипулятор, а не профессионал! Вот он кто, этот врач. А ты дикарка необразованная, никогда не бывавшая даже на Олимпусе. Что вы все здесь знаете, кроме своей рыбы, водорослей и волн! Мерзкие примитивисты! Отобрать их у меня! У старика! С моей чувствительной и воспитанной поколениями настоящих людей натурой! Мою радость, мою сладость! И когда! Завтра...месяц... как без...– поникшая голова позволила полухромой ноге захрустеть по закатившейся тарелке. Окончательный удар пробил в глиняном черепке всевидящий глаз, сочетавший безмятежность пустоты с ехидством паутинообразных трещин.

- Хватит! Я забираю их! Сейчас! – с этими словами смуглая рука отодвинула его пальцы в сторону – резко, рубленным жестом – и справилась с защелкой. Прохладный своим равнодушием луч местного светила скользнул по липсам – мягким, желто-зеленым шарикам. Кожица просвечивала соком. Горьковато-соленый вкус плодов немедленно припомнился старику.

Тоскливый взгляд срезал с них кожицу, пока мягкие ручки перекачивали их в своих ладонях. Выдавить, выдушить бы...

Саймон устоял в притихшее пространство, когда за упрямой шелтянкой победно закрылся дверной навес. Поддев остатки тарелки, сквозь них он посмотрел на арфу Мэй. С тех пор, как жены не стало, изгибы инструмента упрекали его, спущенные струны серебристой прядкой свисали – то, чему раньше просто не позволили бы случиться.

А разве он виноват? Разве он причастен к этому морю?

И к этому миру, с которого все началось.

Точнее, все началось с его сына.

Крис, его Крис, в которого он так вкладывал с самого его рождения...и такая беспомощная неспособность...неспособность жить как нормальный... Два старших потомка сейчас уже посещают сколариум, обещая освоить нейролингвистику и нейропро-

граммирование на уровне, более чем достаточном для преемственной карьеры в АКН – АрхиКомпании Новы. Глаза, линиялы как гобелены в музее докосмической эры, снова хмуро уставились на углубления от липсов в подстилке драгоценного сундучка. Вспомнилось, каким неожиданным было известие о третьей беременности Мэй – как голова одуванчика выткнулась среди опрятного городского асфальта, так прорезалось оно в их правильную жизнь. Вместе с вероятностными прогнозами специалистов о возможных осложнениях. Но Мэй так радовалась, так верила и надеялась, что он уступил ей. Проклятые эмоции...

Выстилка из водорослей едва хранила форму, но кончики пальцев, невзирая на мозоли, все еще могли ощутить пушистость от заветных шариков. Так соблазнительно было бы окунуть эти милые плоды в прозрачность спирта, смотреть на маленькие вихри, вбирающие и разъедающие всю вредность алкоголя. Именно за эту способность липсы и ценились так высоко. Концентрат солей, результат выживания прибрежного кустарника, умел дарить пока недостижимый синтетикой аромат и безопасность веселья без последствий похмелья.

Впрочем, когда он с Мэй и Крисом обосновались среди деревушки первопоселенцев, дары морей, а не берега, еще создавали славу планете. Вечная рыбалка – твердил Саймон. Вечный полет по волнам, упрямая снасть, честная борьба, так не похожая на дозволенную лицензией ловлю в искусственных прудах. Он ведь честно пытался найти хорошие стороны, смиряясь с постигшей их уязвимостью и слабостью.

Грудь резко сжало, сдавило горячими клещами – как в тот день, когда Мэй прочла заключение Совета. Их мальчик, их мечтательный непослушный Крис несовместим с нейроинтерфейсами последнего поколения. Он не сможет работать на АКН, он не сможет получить нужное образование, и их славное имя опустится в те неспециализированные низы... Нет, неееет звенело в хрустале слез, в равнодушии отключенных мониторов.

Поздно, поз..позор... Красная горячность накрыла мозг.

Мэй не сопротивлялась переезду, упаковывала арфу бережно. Она вообще передвигалась скромной тенью, молчала, лишь по долгу смотрела в глаза детям. Саймон листал каталог островов, деловито консультировался насчет видов рыб и типов ночевок в лодке, запрашивал сервисные службы. Всю работу по организа-

ции жизни старших мальчиков без них взял на себя, ограждая хотя бы эту часть семьи от позорного клейма. Пусть продолжают путь в достойном обществе.

Пятка налетела на осколок и болью вернула из прошлого. Нет больше Криса. Нет ребенка, звавшего монстров и превращавшего линии на экране в нечто нелогичное, задававшее жару визуальным анализаторам. Нет руки, слепившей эту тарелку. Нет спины, упавшей в волны во время шторма.

Цвет глаз еще поднимался на поверхность в детях. Детях этой настойчивой местной. Этой... Которая и Мэй его заворачивала в последнее платье, когда сон жены перешел в штиль вечности.

Забрала, убрала, унесла...

Уууу, а ведь он. Он ведь почти стал вторым, а не третьим маркграндером в АрхиКомпании.

Виина, визг ветра снова становился грубее, пиляя нервы.

Их вина, их, ой, иииииииих.

Присвист прорвался в незаделанную щель, свернулся лишним кабелем.

Борода Саймона уже дрожала в такт ругательствам.

Мэй виновата, лишнего родила, наверняка генетические нарушения по ее линии, этих творческих личностей веками изводили как ненужный материал, отслеживали наиболее опасные линии, изолировали, метили в картах. Но так и не смогли добиться полностью свободного от вредных фантазеров общества. Эти сорняки, конечно, уже не выпалывали физически, позволяя им самим зябнуть вне комфорта. Но как встречаться с соседями, коллегами, знакомыми, если у тебя за спиной такое? Как жить в приличном обществе? Наконец, разве можно было позволить заклеить хотя бы тени безупречную репутацию и перспективы старших мальчиков?

Крис, непослушный, неуклюжий Крис, не только угодивший в волны, доставивший одним своим, хоть и прекратившимся уже, существованием столько горькой головной боли и жизненных проблем, еще и жениться успел, и даже погань эту трескучую наплодил.

И тестировать не надо, не стоит тратить драгоценное время, чтобы везти их в метрополию – выблодки, по глазам видно...

Бутыль качнулась укоризненно. Помянуть нечем душу Мэй,

хоть и срок пришел.

Точнее, есть, плещется, но не будет же он травить свою печень без липсов?

А их забрала та... Опять имя вытерлось, сырой рыбой из памяти выскользнуло.

Менять на пищу для детворы, на пиииищу! На ви..та..ми..ны... Какое расточительство....

Закат касался гавани ласково. Девочка уже спотыкалась, уставая, но мама держала ее крепко за руку. Светлая радость женщины тихо качалась маленькой котомкой у нее на груди. Этот важный человек уверил ее, что ее дети перестанут болеть. Разноцветные зернышки в бутылочках из удивительно легкого материала перестукивались, даря надежду. Эта мелодия совсем не походила на слышанное раньше, как и шуршание схемы приема в кармане, и Нерль очень старалась запомнить ее ритм, повторяя про себя указания. Она уже не сердилась на странность и взбалмошность старика, жалея его, и обещая загладить свою вину вкусной похлебкой, починкой одежды. Да и ведь до нового сезона созревания липсов всего несколько оборотов луны, они выживут и соберут новые плоды.

Мальчик первым замер от пустоты хижины. От недоуменно и беспомощно хлопавшего навеса. Нерль молча опустила девочку на пол. Бег с ней на плечах уже ничего не решал, но упреки опоздания заставляли перескакивать через камни, лететь сквозь холодные брызги от поворота.

Тела не было. Только зарево корабельных сопел отдаленно вернуло заливу блеск зари. Розовые лучи ощупали место, еще светлое от арфы. Малышка притихла. Глазки вбирали в себя изломанную поверхность пятен и неожиданную тяжесть теней.

Среди стерильной гладкости каюты после освежительной быстроты дезинфекции воспоминания и эмоции гасли, уступая место определенности стандартизированного комфорта.

– Не хотите ли... в последний раз... взглянуть на берег? – Капитан расточал любезность старику как старый счетовод – пакеты. Нетривиальность случая жаждала выхода за рамки инструкций, чего-то такого, о чем рассказывают после третьей кружки в баре космолетчиков. Бедняга ведь всех потерял. И заплатил за проезд последней памятью о жене – арфой.

БЫВАЮТ ЛИ ЭЛЬФИЙКИ БАБУШКАМИ?

Лолита стала бабушкой. Случайно. Само слово это – хрестоматийно-добродушное – и не вязалось, не соединялось никак в сознании с острой яркостью желто-зеленой палитры ее костюмов, естественных в своей элегантности и сказочных в необычной красоте, с синими волосами, вспыхивающими на ветру космическими сиреневыми искрами.

Ее кожаные сапожки на низком ходу даже не задели листву, лениво ждущую ветра на тротуаре. Бездумно огибая лужу с невинным небом (после вчерашней-то бури!), Лолита продолжила подминать под себя будничные расстояния улиц.

В машине ей было бы слишком беспокойно. Скорлупа из пластика и резины всегда казалась ей не панцирем, как другим, а неким отягощающим предметом опеки. Заемная мощь такси тоже раздражала. Да и за скоростью передвижения сейчас гнаться было незачем. Мысли кружились в лихорадочном водовороте из эмоций и воспоминаний.

Леди. Дама. Бабушка.

Вот сейчас ее статус изменился в одну сокровенную минуту.

И минута та наступила для нее так бесстыже неожиданно, одно лишь сообщение от дочери.

Память попыталась призвать на помощь другую минуту – ту, в которой крик произвел ее в матери.

Мамой она стала намеренно – с совершенной решимостью внутреннего желания. Хотя ее подчиненные – романтические эльфы-дизайнеры и мастеровые-гоблины студии «Зимний дождь» – готовы были клясться Толкиеном, что ничего о ее семье никогда не слышали. Даже самые чуткие уши доносили колебания стилей музыки, но уж никак не личной жизни директора и главной вдохновительницы. Клиенты пили кофе, очарованные неземными даями фантазии, сотрудники чувствовали себя создателями чужого счастья, феями при исполнении. И те, и другие, видимо, считали Лолиту бестелесным воплощением иного мира.

Даже когда это воплощение виртуозно расправлялось с цифрами счетов и контрактами.

Но вот ребенок. Да, Лола тогда скорее была Лорой, Ларисой – так казалось приличнее. Диплом архитектурного и собственная комнатуха вполне осязаемо обеспечивали будущее. Конторская

работа в проектном бюро, экономия и жизнь от одной покупки до другой, вымучивая мелочь в обыденной трясине хлопот. Жизнь, расчерченная по тем же клеточкам, как и у всех.

Завернула за угол. Тот дом, где та жизнь должна была вступить в права законченного благоустройства, конечно, не здесь, она давно переехала. Но вон тот, через дорогу, вполне похож. Да и типичный он для тех времен, такой же стандартный до безликости. Лишь трещины одряхления нанесли узор свой да потуги утепления фасада маскарадно исказили облик.

Работа. Русый пучок на затылке, аккуратные чертежи и любимый красный цвет – в платьях и брошках. Помады стеснялась – руки слишком часто рот заслоняли, когда смех рвался. А рвался он часто – навстречу солнечным дням, щекотанию листвы на улице возле уха, и просто потому, что хотелось жить. Радоваться и излить эту радость в звуках. Слова – такие красивые, книжные. Но только в книгах. А в жизни объём разговоров свелся до авоськи.

Она ведь тогда сбежала. Был же ведь этот...как его...Сережа. «Очень хороший», – говорили знакомые дамы. «Надежный», – вторила мать. Знакомый знакомого – свой человек.

Чем же он занимался? Не вспомнить. Контора. Бумаги. Стол. Плакат. Счастье – как у всех, как надо.

Каблуки даже стилили шаг. Картинка в голове рисовалась в черно-белых газетных тонах. Общий телевизор по вечерам. Не пьющий – разве что по праздникам. Все удачно. Прилично.

Других слов даже добавлять не хотелось – они казались лишними в этом наброске.

Иии... разве вспомнить сейчас, как оказалась у Павла? Мясась, стоя в дверях, куда затащили случайно. Это было...Занимательно? Интригующе? Пожалуй, это было просто вразрез. Вразрез с правилами, с представлениями. Гитара, брошенная физика и прокуренная лирика. Павел критиковал учебу. Профессора – скучные ничтожества, трезвые и точные расчеты инженеров заменят роботы, культивируйте философию души. Отбрасывая длинные пряди, вещал о чувствах заемными словами поэтов. И все искал место в этом мире под стать ему, великому. Эх, веком раньше или позже приди он в этот мир, юдоль бездушной скуки... И сдвинул бы рычаг человечества в доброе и светлое, и стер бы противоречия. Лола слушала заворуженно. Не по-

нимала – и не вникала. Зато глаза – зимнее небо. Зато взгляд – словно с Альп, где никогда не была.

Не хотела ни загса, ни мыслей о говядине в холодильнике. Зато жаждала сына. С такими же глазами. С такими же кудрями. Родной. Рядом.

Дыхание свежести, дыхание невыразимой легкости того, кто вот так решил – и пустил пеплом по ветру все обещания, все обязательства, все бюрократические бумаги. Вольная пташка.

И бунтарски мелькнуло, что вот тогда точно не бывать родственной анфиладе на обмене кольцами с положительно-ответственным Сергеем.

И дальше ведь словно цепи резала – упрямо.

Шаг за шагом, ведь пример брала с его отважных рассказов о походе против системы.

Заслоняла уши от нудных голосов родственников и озабоченных знакомых, причитавших, что губит себя. Эти голоса все кричали нотации, нудно сливались в одну интонацию, ее тошнило от этих увещеваний, и просто оборвала связи. Как в массовых книжонках злодеи режут телефонный провод, так и это. Закрылись двери. Бормотание благоразумия удрало скитаться дальше – к другим объектам.

План дал осечку только в одном – она родила дочку. Павел свои стопы направил к другим вдохновениям. Накрашенным и с легкой походкой под летящей юбкой. Творческой натуре нужна свобода личная, а не грязные ползунки. Лолита же суматошно выбирая, что в документах писать, споткнулась о имя Ульяна, прикинула так и эдак, и вывела резолюцию на обоях:

– «Мы справимся!»

Ветер нынешнего времени подхватил листья. Вихрь забот теперь уже прошлого рано отдалил Ульяну от матери – сначала интернат музыкалки, потом репетиции, выезды на гастроли. Игра дочери в наушниках звучала. Ее пальцы, ее дыхание. Под эти ритмы Лолита создавала эскизы вещей, те мелодии были аккомпанементом бизнес-попыткам.

Лолита вспомнила тоненькую талию Ульяны в прошлую субботу. Когда в кафешке вспоминали историю студии. Застенчиво улыбаясь, девушка припоминала старых сотрудников и мамыны идеи.

А сегодня в трубке прозвучало: «Мама, мы вчера в детском

доме играли. И там один мальчик... Я не смогла с ним расстаться. Его Юрой звать. Мы ведь его воспитаем вместе, мама?»

Деловые плечи освободились от тяжести. Бывают ли эльфийки бабушками?

– Забавно. Надо бы это нарисовать, – мягко сбросила усталость, растворила ее в движениях. Планируя, организовывая, добавляя детали. Какая в сущности разница, какими путями приходит счастье?

ЛЕДЯНАЯ ТРАВА

Агнесса металась по замку, подгоняя служанок. Снова и снова – протереть, отчистить, натереть, проветрить. Навести зеркальную чистоту. Серебро, хрусталь, мрамор пола. Окрики металась между стен, доходя до визгов, тонких, как ледяные иглы. Странствующий бард, зашедший сюда, пришел бы к выводу, что ждут очень важного гостя, возможно – самого короля.

И ошибся бы. Король только что отбыл. И его визиты давно уже перестали быть чрезвычайным событием. Их Величество Альберт Первый Красивый частенько навещался в родовое имение своего лучшего советника, кузена и друга Бертрана. Разные толки ходили на базарной площади о причинах такой благосклонности – кто твердил, что король отдыхает от государственных дел с другом детства, кто, наоборот, шептал о тайных делах с любезным и высоко учёным кузеном, а кто-то, подмигивая, пел новую балладу о красоте Агнессы. Жена Бертрана и вправду была хороша, даже рождение детей не испортило ее стройного станна, молочно-белой кожи. Все так же ее глаза были подобны осколку неба в ясный день, и локоны светились ярче, чем золото в королевской сокровищнице.

Только Агнесса знала истинную причину. И молчала. И так рада была бы, чтобы не было этой причины в ее жизни. Чтобы вышла замуж за Бертрана, как все дворянки ее круга, по сговору родителей. Чтобы не было той грозовой ночи, когда застигнутый непогодой принц – тогда еще даже не наследный, второй сын – постучался вместе со свитой в ворота замка ее отца, герцога.

Все были рады услужить ему. И тогда, и неделю назад. Отец предпочитал закрывать глаза на слишком вольные манеры дорогого гостя с юной красавицей в надежде на милости – и чем судь-

ба не шутит – вхождение в королевскую семью. Так же и ее муж.

А она... Она любила их. Любила встречать потными и грязными с охоты, лично следила, чтобы трофеи достойно занимали свое место в зале и на пирах, вышивала в их отсутствие платки и рубахи, полотна для церкви – храни их небесная сила!

Вот и сейчас ей хотелось все сменить, избавиться от всех следов, вытереть все пятна с души и тела, отправить в небытие все с той же легкостью и быстротой, с какой слуги разобрали королевские обеды.

Руки мужа стиснули ее плечи. Погружаясь внезапно в запах любимого, Агни глуповато улыбалась. Все мысли с ее головы мгновенно стирались, стоило ощутить тепло Бертрана. Она снова была маленькой, крошечной девочкой в пышном платье, девицей, жаждущей, чтобы ею любовались.

– Дорогая, в каком настроении уехал король?

Счастливый туман развеяло. Мелкими, такими холодными дождевыми каплями. Они стекали внутри Агнессы, все усилия уходило на то, чтобы не разрыдаться.

Она ведь любит Бертрана, разве нет? И все для него – и новое убранство спальни, и вырез платья, и фривольная песенка на арфе, которую учила втайне. И, конечно, угощение по особым рецептам, и подарки – ведь задала работы немало и оружейникам, и поварам.

А он смотрит на нее, и в глазах его та же тревога, что и при убегании оленя на чужую территорию. Так же хмурятся брови, когда замечает на турнире королевскую шутливость. Не понять – к беде или к добру. Стрельнуть из лука или не злить соседа. Улыбнуться или насторожиться – вдруг опала?

Жестом ладони, унизанной новыми кольцами, Агнесса его успокаивает. Протягивает хрупкое запястье, сверкающее браслетом с изумрудами.

– Король всем доволен.

И только тогда он начинает кружить ее. Взлетают юбки, искрится ткань в лучах, мелькают вышитые рукава. И смех. Переливы колокольчиков и гогот сытой, застоявшейся лошади.

Много позже, на рассвете, спускается юная жена и признанная королевская фаворитка в тайный подвал. Подземелья замка надежны не только своими засовами, но и легендами, внушающими осинный трепет даже заядлым охотникам за хвастливыми

байками.

Вовсе не так разрушены старые стены от времени – их укрепили изнутри. И не так легкомысленны завитушки на фасаде – многое скрыто от наблюдателей внешних. И потайное течение, и подземелья.

В простом платье, в грубых перчатках поливает там Агнесса содержимым реторты разнотравье. В ящиках светится голубая трава. А чуть поодаль – белеет ледяная. Очаровательная головка склоняется, меряя длину листьев, смотрит на просвет, что-то капает, прикладывает к разным материалам.

С той бурной ночи, когда ее примочки заживили язву на руке принца (а ведь Агнесса всего лишь прибежала проверить запропастившуюся служанку), жизнь красоти расщепилась надвое, как ствол под ударом грома.

Счастливица – дорожит и доверяет ей Альберт. Бертран в любви признался и бросил все свои холостяцкие похождения – после весьма убедительного разговора с венценосным кузеном. А свадьбу ту помнит все королевство.

И ведь стоит только сказать о том, чего ей не хватает...

И ложится тень на значки шифра, быстро покрывается ими пергамент.

«Ваше Величество, опыты продвигаются весьма удачно, с чем спешу Вас поздравить. Голубая трава уже разъедает железо на глубину до дюйма. Ледяная же трава, имея своим главным свойством замораживание чувств при соприкосновении с кожей, оказывает сие действие в течении не менее чем получаса. Обе травы уже довольно хорошо размножаются. Продолжая исследования, я постараюсь добиться результатов, делающих применение голубой и ледяной травы более удобным в условиях походной жизни. Полагаю, многообещающим будет приготовление мазей из их экстрактов. Также возможно задуматься о ...»

Непосвященный взгляд, скользнув по тем же строкам, узрит одно:

«Милый мой король, с какой тоской последовал мой взор...»

Следы минувшего

Рецензии

«ПРОЧИТАЕТ КВАРЦЕВЫЕ ЧУВСТВА...»

Отзыв о подборке стихотворений

Вадима Петровича Карлова

Человек с юридическим образованием, с большим опытом работы и в качестве судьи, и в качестве преподавателя, кандидат юридических наук, пишущий стихи – это явление само по себе уникальное. А пишущий ярко, смело, неожиданными образами, нестандартными метафорами, причудливыми ассоциативными рядами и выстраивающий свой поэтический язык – явление, уникальное вдвойне.

Предложенная подборка включает двадцать стихотворений, но их объединяют сквозные мотивы, темы, образы и стилистические особенности. Тематически можно обозначить стихотворения о любви («И буду я...», «Грации», «Мозаичные сумерки», «Письмо»), философские раздумья о смысле бытия («Сердечный покой», «Письма на песке», «Свёкор»), о времени и о себе («Избранник», «Несбывшийся волшебник», «Легендой стать», «Час настал»), пейзажную лирику («Прошлогодня листва», «Вешние воды», «Вечер»).

Если читатель ждет легкого чтения, не цепляющего сознания – это совершенно не тот случай. Перед ним тексты, которые будят мысль, заставляют возвращаться к ним вновь и вновь, расшифровывать сложные образы и проникать в суть. Автор стремится к пониманию того, что происходит в себе, в мире, в культуре, в чувствах, отношениях.

В текстах стихотворений встречается лексика, ориентированная на подготовленного читателя. «Артефакт», «аманат», «мизантропы-геронты», «дисконты», «эдемические врата», «витальная ода» – это далеко не все примеры словообразов, а может, и концептов, которые предстоит осознать. Очевидна широкая эрудиция автора и, несомненно, мудрость, искренность и человечность. Именно поэтому наряду с рационально-интеллектуальными в текстах можно встретить трепетные, нежные образы, живые и одухотворенные: и «просветленный асфальт», и «чумазый раставший лёд», и «дождь, который «слагает капли в строки», и «подснежников тающий лепет», «и напевы взволнованных луж». Все эти образы складываются в необыкновенную мозаику.

Вадиму Карлову подвластны и контексты, и подтексты.

Впечатляет широкое культурное поле, которое выстраивается в его стихотворениях: юридическая матрица (институции Гая, законы Ману); сказки «Тысячи и одной ночи», мифы об Аргонавтах и Золотом руне, сказание о Персее, убивающем Горгону, Новый Завет; «Гамлет» Шекспира и Пастернака, «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева, поэзия А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и С. Есенина и т.д.

Вместе с тем в стихотворениях выстраиваются глубокие подтексты.

В стихотворении «Сердечный покой» автор рассуждает об извечном философском вопросе о том, что есть счастье: вечное горение или покой?

Лирический герой отталкивается от тезиса: «сердце не хочет покоя» и утверждает обратное – сердце хочет и мечтает о нем, о покое, о любви и высшей гармонии («замирая в пролившемся звездном ключе»).

Интересна метафора, использованная в стихотворении: «Бермуды покоя». Покой как Бермудский треугольник, что-то неизведанное и непостижимое, страшное, сродни смерти. Возникает парадоксальная мысль: сердце хочет покоя, то есть смерти, стагнации или перехода в другую, спокойную жизнь? Лирический герой стареет, ему тяжело воспринимать жизнь в ее проявлениях? Он ждет обретения состояния высокого «покоя», которым является любовь, творчество, постижение смысла бытия.

Вспоминаются произведения русской классической литературы, в которых содержатся рассуждения на эту тему. В стихотворении А.С. Пушкина «Пора, мой друг, пора...» говорится о быстротечности бытия, о том, что в жизни героя наступил момент, когда молодость ушла и близится старость, естественно заканчивающаяся смертью. Вторая строфа начинается афоризмом: «На свете счастья нет, но есть покой и воля». Этот афоризм свидетельствует о зрелости лирического героя. Человек разочаровывается в счастье, но находит для себя отраду в покое и воле, в творческих и вдохновенных трудах в уединении.

Необыкновенное по своему настроению стихотворение «Грации» – о весне, вспыхивающих чувствах, страсти.

Создается удивительное настроение – знойных летних вечеров, влюбленности, французского шарма, ночного города, молодости. И в этом тексте присутствуют парадоксы, создающие приметы автор-

ского стиля. Очень странным и неожиданным кажется соединение образов «грации» и «таксона». Почему Делон «заблудший» и почему он «бросил мартовский пост»? Интересный окказионализм – «страстных ночей», объединяющий и страсть, и бытие.

В лирической зарисовке «Мозаичные сумерки» угадываются сложные отношения любящих людей, то ли расстающихся навсегда, то ли находящихся в состоянии временной ссоры, за которой вновь последует мир и гармония.

«За раздорами вновь обретается мир, /
И в плену наконец расцветает свобода...»

В стихотворении «Забавник» изображен своего рода двойник поэта. «Тот же недотепа и простак», возвратившийся из дальних странствий, но не пускающий поэта «бродить по белым городам» и в «дивный мир». Он воплощает всё тёмное, что сосредоточено в душе героя. Состояние лирического героя аутентично состоянию двойника – «и теперь грустим подолгу оба...»

Стихотворение «Ни одна звезда» начинается с цитаты из кинофильма «Безымянная звезда» (реж. М.Козаков, 1978): «Ни одна звезда не отклоняется от своего пути». Цитата из фильма становится ключом к расшифровке смысла стихотворения – предопределенность человеческой судьбы, одиночество перед лицом Вселенной, готовность к Встрече с одной единственной Звездой и невозможность этой Встречи.

«Письмо» – стихотворение-загадка. Лирический герой так и не решается его прочитать, «не смеет выпустить наружу» ее строчки, оставляя читателя на пороге нерешенной ситуации.

«Несущих ненависть, любовь, / Унынье здравых рассуждений, /
и воскрешающие вновь / надежду прежних упоений?»

Программным стихотворением является «Письма на песке». «Письма на песке» – как «стихи на снегу» В. Высоцкого...

В стихотворении содержится рассуждение о времени и о себе. О чем поэт хочет рассказать потомкам? Не о «законах из Ману», и не о «заветах институций Гая...», хотя всё это глубоко знает и может объяснить и применить, но он хочет рассказать о «кварцевых чувствах». Это невероятно ёмкий образ, чтобы его расшифровать, понадобится описание всех видов кварцев и их модификаций, всех их цветовых оттенков... За этим образом высвечивается суровый человек, мужчина, не бросающий слов на ветер и не говорящий

много о своих чувствах, но они подлинные...

«И буду я...» – очень пронзительное стихотворение о любви. Кажется, в современную эпоху так о любви уже не пишут. Искренне, самозабвенно, так, что «мороз по коже» и слёзы на глазах и хочется, чтобы и о тебе кто-нибудь когда-нибудь так написал, сказал, почувствовал.

Быть рядом с любимым человеком несмотря ни на что – «пусть холод», «пусть жгучий зной», «пусть плаха», пусть почти пушкинский «пир во время чумы»... Лексические повторы и ряды однородных членов – нагнетают описание чувств.

Чувство одухотворенное, окрыляющее, дарящее и вызывающее желание весь мир одарить в ответ.

«Я вспомню твои глаза
И первых волнений дым,
И в душу войдет весна,
И ей я воздам калым!»

И итог:

«И буду гореть тобой,
Как факел среди небес,
И буду я образ твой
Носить как нательный крест!»

В стихотворении «Час настал» разворачивается тема Гамлета, «праведника духа», предчувствующего исторические перемены. Очевидно, что лирический герой мечтает об истине, новой судьбе, «свободной от рабских опасений», «способной на подвиг и борьбу». Можно предположить, что это жизненное кредо самого поэта.

Приведенная подборка стихотворений В. Карлова демонстрирует многогранность поэтического таланта автора; оригинальность его стиля; парадоксальность и оригинальность мышления; неожиданность образов и многообразие тем. Но самое главное, эти стихотворения вызывают желание воспринимать жизнь в её целостности, читать и думать над прочитанным.

Елена Валерьевна Абрамовских, д. фил. наук, профессор кафедры русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы СГСПУ (Самара)

Перед нами сборник произведений тольяттинских поэтов. Некоторые из них уже имеют запас стихотворений, миниатюр, рассказов, очерков, набросков, другие – публикуют лишь несколько произведений, только начиная свой путь в литературу. В сборнике представлены самые разнообразные произведения – от юмористических, иронических стихотворений, наблюдений, заметок до философских размышлений о жизни и смерти, любви и расставаниях, о родине и о разлуке с ней. Пусть несколько стихотворений и несовершенны по своей рифме, стилистике, однако они представляют собой живые, яркие, уникальные мысли людей о жизни. Мы признаем безусловную ценность данного сборника, его актуальность для популяризации литературы в современное время.

Сборник представляет собой поэтическую площадку для поэтов Самарской области, что очень важно.

Листая страницы сборника, с удовольствием отмечаешь, что обращаются к написанию стихотворений не только студенты, сотрудники университета, выпускники факультетов университета, молодежь, которая испытывает целый спектр различных эмоций и стремится оформить их на бумаге, но и доценты Волжского университета имени В.Н. Татищева, профессора, кандидаты юридических наук делятся своим жизненным опытом, переживаниями, мыслями с читателями.

В данном сборнике публикуются тольяттинские поэты, художники, журналисты, критики, члены и руководитель литературной студии Волжского университета имени В.Н. Татищева. О популярности сборника говорит то, что в нем печатаются и поэты, не вышедшие из стен Волжского университета, и литераторы из других сфер. Раздел «Гости нашего сборника» включает произведения военных пенсионеров, ветеранов МВД, сотрудников судов и полиции г. Тольятти, преподавателей и студентов других учебных заведений.

Отзыв о подборке стихотворений Александра Иванова

Интересно было познакомиться со стихотворениями Александра Иванова, доцента кафедры «Гражданское право и процесс» Волжского университета имени В.Н. Татищева. Его произведение «Серый день» проникнуто ожиданием обновления, нового дня и возрождения. По мнению лирического героя, дождь несет изменения всего окружающего:

...Все течет, изменяется, капает,
Растворяется в месиве дня...

Возрождение догоняет лирического героя, дождь преследует его, сообщая о необходимых изменениях в жизни. После дождя, на первый взгляд, окружающий мир кажется всё тем же, и в то же время «все иное». Лирический герой жизненные изменения встречает с радостью, потому что «все станет чище и строже». От нового мира он ждет свежести, чистоты, устойчивости. Он успокаивает читателя, который, возможно, боится дождя:

Пусть же сырость тебя не тревожит,
Ведь она возрожденье несет.

Состояние природы влияет на мысли лирического героя. В стихотворении «Февраль» читатель видит серые, грустные картины последнего месяца зимы, который автор определяет как «безвременье». Лирический герой не ощущает радости предстоящего обновления: каждый день теряется в «февральских полях». Природа в этот месяц тусклая, безрадостная: пасмурные тучи «метут горизонт», снег не представляется белым, радостным, он «не мерцает», а «грустно лежит», предчувствуя близкую смерть. Ощущения лирического героя отличаются от обычного понимания поэтами приближения весны: природа не ждет возрождения, расцветания, а лишь увядает, блекнет, сереет. Она боится перемен, что передается и лирическому герою в последних строках. Он, заражаясь чувством безысходности, боится того, что ждет его впереди:

Печально смотреть на зимы увяданье,
Ведь что мы получим, что ждет нас взамен?

Мы не видим в его мыслях надежды на лучшее, а лишь страх перед неизвестным. Эти строки делают стихотворение философским.

Лирический герой нескольких стихотворений ощущает крах

своих надежд. «Обрываются судьбы и нити...» – стихотворение о заветной мечте, которая не осуществилась, оставив героя в пустоте. Он мечтает о понимающей, любящей спутнице, о теплом родном доме, о сыне. Этот ряд продолжается желанием всегда оставаться молодым: лирический герой смотрит с высоты своих лет и понимает, что его молодость уходит. Судьбы обрываются, как нити, со звоном струн, с болью в сердце. Герой всегда будет тосковать по тому, чего уже не достичь.

Стихотворение «Облик ваш не забыть, не представить...» повествует о любви, которая была далеко в прошлом. В памяти героя время не стерло любимые черты. Спустя многие годы, герой понимает, что возлюбленная всегда была противопоставлена ему: себя он считает обычным («я простой – таких у вас много»), а любимую женщину признает «слишком хорошей» для себя. Со временем герой понимает, что настало время избавиться от переживаний прошлого и признать, что его мечта никогда не станет правдой. Он готов признать это, несмотря на сердечную боль:

Решено – как не мучает сердце,

Как на части не рвется душа.

Понял я - не моя ты невеста...

В конце появляется образ дороги как жизненного пути. Однако будущее для лирического героя безрадостно и одиноко, но он смирился с этой участью:

Многих ждет пыльной степью дорога,

Ожидает чертог одного.

Спустя годы чувства героя охладели, он стал спокойнее, мудрее и готов принять одиночество без ропота на судьбу.

В Александре Иванове как поэте чувствуется сильнейшая способность к тонкому восприятию окружающего мира. Его произведения продуманы, выверены, каждое слово в них прочувствовано и прожито.

Мария Ильичева, студентка 4 курса филологического факультета Самарского государственного социально-педагогического университета

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Карлов Вадим	4
Ващенко Юрий	17
Шаклеина Алла.....	45
Тарадова Мария	54
Иванов Александр	70
Федорова Татьяна.....	73
Иванов Герман.....	86
Ваганова Полина	98
Пензова Олеся.....	110
Платонов Максим.....	112
Козылбашев Дмитрий	119
Литературная студия ВУиТ.....	122
Денисова Любовь	123
Науменко Алина	129
Полуэктов Роман	131
Трошин Слава	134
Сумин Сергей	138
Гостевая книга	142
Маркелов Николай	143
Вовненко Анастасия.....	146
Евдокимов Николай	155
Смолдырев Сергей	159
Мелания Калита.....	172
Следы минувшего. Рецензии.....	183

